

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Тульский государственный университет»

16+
ISSN 2071-6141

ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные науки

Выпуск 1

Тула
Издательство ТулГУ
2022

Председатель редакционного совета
Кравченко О.А., д-р техн. наук.

Первый заместитель председателя редакционного совета
Воротилин М.С., д-р техн. наук.

Заместитель председателя редакционного совета
Прейс В.В., д-р техн. наук, авторизованный представитель Издательства ТулГУ в РИНЦ.

Ответственный секретарь редакционного совета
Фомичева О.А., канд. техн. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционного совета:

Батанина И.А. д-р полит. наук, – гл. редактор серии «Гуманитарные науки»;
Берестнев М.А. канд. юрид. наук, – гл. редактор серии «Экономические и юридические науки»;
Борискин О.И. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Технические науки»;
Егоров В.Н. канд. пед. наук, – гл. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О.В. д-р пед. наук, – гл. редактор серии «Педагогика»;
Качурин Н.М. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Науки о Земле»;
Понаморева О.Н. д-р хим. наук, – гл. редактор серии «Естественные науки»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Батанина И.А., д-р полит. наук (ТулГУ, г. Тула).

Ответственный секретарь
Ваховский А.М., канд. полит. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционной коллегии:

Бродовская Е.В., д-р полит. наук (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва);
Васильева Н.А., д-р филос. наук (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург);
Грачев М.Н., д-р полит. наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва);
Джанкар-Вебстер Б., д-р филос. наук (Государственный университет штата Нью-Йорк, США);
Домбровская А.Ю., д-р социол. наук (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва);

Назарова Е.А., д-р социол. наук (Институт государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва);
Огнева В.В., д-р полит. наук (Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел);
Римский В.П., д-р филос. наук (Белгородский государственный институт искусства и культуры, г. Белгород);
Стемпень-Кучинска А., д-р полит. наук (Лодзинский университет, Польша, г. Лодзь);
Шаронова С.А., д-р социол. наук (Российский университет дружбы народов, г. Москва);
Юрков С.Е., д-р филос. наук (ТулГУ, г. Тула)

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-75990 от 19 июня 2019 г.

Подписной индекс 27844 по Объединенному каталогу "Пресса России"

Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по следующим научным специальностям:

- 09.00.03 История философии;
- 09.00.11 Социальная философия;
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии;
- 23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика. (политические науки, социологические науки)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1- 3-22

ВЫЗОВЫ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.В. Андрианов

Принятое 12 декабря 2015 г. Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата формирует новые вызовы для российской внешней и внутренней политики. Возникает необходимость четкого обозначения и классификации данных вызовов с целью дальнейшей выработки мер для минимизации возникающих рисков. Наиболее опасные риски связаны с нарастающим внешнеполитическим давлением на российский нефтегазовый комплекс, являющийся основным источником пополнения бюджета. Необходимо отстаивание на государственно-политическом уровне интересов российских компаний с целью недопущения «экологического шантажа». Необходимым условием укрепления позиций РФ в процессе энергоперехода является консолидация российской элиты и общества по вопросам климатической повестки.

Ключевые слова: климатическая политика, энергетический переход, экология, конфликт элит, экологические протесты

Происходящие на глобальном уровне экономические и политические процессы, направленные на сокращение негативного воздействия антропогенного фактора на окружающую среду, оказывают существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Российской Федерации и могут служить как основой для укрепления международного политического влияния и глобальной конкурентоспособности страны, так и источником серьезных конфликтов на международной арене и внутри российской политической элиты.

В качестве поворотного момента, ознаменовавшего начало нового этапа глобальной климатической политики, можно рассматривать так называемое Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, подготовленное взамен Киотского протокола в ходе Конференции по климату в Париже, принятое консенсусом 12 декабря 2015 года и подписанное 22 апреля 2016 года.

Данное соглашение предусматривает принятие всеми странами на себя обязательств по сокращению своих выбросов и осуществление совместной работы по адаптации к последствиям изменения климата, а также призывает страны укреплять свои обязательства с течением времени [1].

Целью Парижского соглашения является сдерживание роста средней температуры на планете «намного ниже» 2 °С. Страны-участницы согла-

шения намерены также «приложить усилия» для ограничения повышения температуры величиной 1,5 °С.

Не ставя под сомнение чрезвычайную актуальность задачи, поставленной Парижским соглашением перед государствами-участниками, необходимо отметить высочайший уровень экономических издержек, связанных с ее реализацией. Так, для выхода к 2050 году на нулевой глобальный уровень выброса парниковых газов требуется увеличить долю расходов на энергию в глобальном ВВП с 8 до 25 % к 2035 году [2].

Анализ показывает, что даже ведущие экономики мира на сегодняшний день не готовы к достижению целей Парижского соглашения. В частности, текущая климатическая политика Китая, России и Канады ведет к потеплению на 5 °С к концу столетия, США и Австралия – более чем на 4 °С, Евросоюза – 3-3,5 °С [3]. Декларируя приверженность целям климатической политики и провозглашая ставку на развитие альтернативной энергетики (так называемый энергетический переход), промышленные державы вместе с тем не стремятся к форсированному отказу от ископаемых видов топлива. Согласно данным ЮНЕП, страны-участники Парижского соглашения планируют увеличивать добычу ископаемого топлива вплоть до 2040 года [4]. Ряд ученых полагает, что при нынешних темпах снижения парниковых выбросов цели Парижского соглашения выполнить невозможно [5].

Развитию принципов климатической политики была посвящена Конференция ООН по изменению климата (COP26), прошедшая в Глазго (Великобритания) с 31 октября по 12 ноября 2021 года. В саммите приняли участие 25 тыс. делегатов из 200 стран и около 120 глав государств. В ходе конференции был принят ряд важных решений. Во-первых, более 40 стран приняли на себя обязательства отказаться от использования угля (в 2030-х годах для крупных экономик и в 2040-х годах для более бедных стран). Несколько крупных банков объявили о прекращении финансирования угольной промышленности. Однако ведущие страны, экономика которых зависит от использования угля, включая Австралию, Индию, Китай и США, отказались от принятия подобных обязательств. Во-вторых, лидеры более 100 стран, в которых сосредоточено около 85 % мировых лесов, согласились положить конец их вырубке к 2030 году. В-третьих, более 80 стран подписали глобальное соглашение по метану, договорившись сократить выбросы на 30 % к концу десятилетия. Лидеры США и Европы заявили, что борьба с парниковым эффектом имеет решающее значение для поддержания потепления на уровне 1,5 °С. Австралия, Китай, Россия, Индия и Иран не подписали соглашение. Таким образом, итоги конференции в Глазго также свидетельствуют о наличии конфликта между «умозрительными благородными намерениями» государств по защите климата и прагматичной экономической политикой, учи-

тывающей неизбежное использование в мировой энергетике угля, нефти и природного газа на протяжении еще как минимум нескольких десятилетий. В этой борьбе благих намерений и прагматизма ряд ведущих держав стремится не только к защите своих национальных экономик в процессе грядущего энергоперехода, но и к ослаблению экономик стран-конкурентов с целью повышения собственной экономической конкурентоспособности и усиления своих геополитических позиций.

В этой связи необходимо провести всесторонний анализ экономических и политических вызовов, возникающих для России в контексте глобальной климатической политики и энергоперехода (рис. 1).

Рис. 1. Внешние и внутренние вызовы климатической повестки

Среди внешних вызовов наиболее тяжелые последствия для России может иметь падение доходов от экспортов энергоресурсов. Как отмечает С.В. Расторгуев, «нефтегазовый сектор можно рассматривать как бюджетообразующий, доходы от экспорта углеводородов позволяют осуществлять социальные программы, инвестиционные проекты, финансировать ВПК, науку, государственное управление, национальную безопасность, предоставлять трансферты дотационным регионам. Российское общество, государство и политическая элита являются коллективными выгодоприобретателями доходов сырьевой ренты. Как страна – экспортер углеводородов Россия заинтересована в высокой конъюнктуре мировых цен на энергоносители» [6].

Данный риск вполне осознан и оценен политическим руководством страны. В опубликованных Министерством финансов Российской Федерации 30.09.2021 «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 и на плановый период 2023 и 2024 годов» отмечается: «Долгосрочные перспективы спроса на нефть становятся все более негативными. Если объявленные намерения ряда стран по достижению углеродной нейтральности к 2050 году (в Китае – к 2060 году)

обретут законодательный статус и этому примеру последуют другие страны, то спрос на нефть снизится катастрофически» [7].

В документе указывается, что спрос на нефть в 2050 году (в сценариях нулевых нетто-выбросов парниковых газов) составит 17-24 % от уровня спроса в 2019 году, то есть упадет в четыре-шесть раз. Со ссылкой на данные Международного энергетического агентства (МЭА) отмечается, что падение спроса на нефть приведет к тому, что стоимость этого вида топлива будут определять эксплуатационные расходы на его добычу. В результате к 2030 году цены на нефть упадут до \$35 за баррель, а к 2050 году – до \$25 за баррель (оценки даны в ценах 2020 года).

Руководство России предпринимает действия, направленные на минимизацию рисков, связанных с падением доли нефтегазовых доходов в ВВП и доходной части бюджета страны. Разрабатывается и реализуется широкий комплекс мер, нацеленных на диверсификацию российской экономики и развитие несырьевых секторов. Так, по данным Счетной палаты РФ, доля нефтегазовых доходов бюджета России сократилась с 39,3 % в 2019 году до 28 % в 2020 году [8]. «Мы не увеличиваем зависимость российской экономики от нефтегазовой сферы, а, наоборот, сокращаем ее. Об этом говорят реальные цифры, в том числе дохода российского бюджета. Они в нефтегазовой части сокращаются, а в ненефтегазовой части увеличиваются. Да, она пока еще очень значительна, но, тем не менее, нашей целью является... перенастроить экономику таким образом, чтобы она стала более диверсифицированной», – отметил Президент РФ В.В. Путин, выступая на заседании инвестиционного форума «ВТБ Капитала» «Россия зовет!» 29 октября 2020 года [9]. «70 % российского бюджета уже формируется не за счет нефтегазовых доходов. Это значит, что мы не в полной мере, но все-таки начинаем «слезать» с так называемой нефтегазовой иглы. И если кому-то хочется представлять нас до сих пор бензоколонкой, то это уже не имеет под собой реальных оснований. Хотя зависимость еще очень большая, и мы это должны иметь с вами в виду», – подчеркнул также глава государства, отвечая на вопрос ГТРК «Магадан» в ходе большой-пресс-конференции 17 декабря 2020 года [10].

Однако риски снижения нефтегазовых доходов России могут обостриться не только и не столько вследствие глобального энергоперехода и сокращения потребления ископаемого сырья в мировом ТЭК, сколько в результате целенаправленного выдавливания России с международных рынков энергоресурсов под лозунгами климатической политики. Иными словами, данные риски носят не только объективный экономический характер, но и являются следствием геополитической борьбы за передел сфер влияния в энергетике и шире – в экономике и мировой политике.

В качестве примеров политического давления на Россию с использованием «климатической риторики» можно привести попытки США вы-

теснить российский трубопроводный газ с европейского рынка, заменив его американским сжиженным природным газом (СПГ), а также введение Евросоюзом трансграничного углеродного налога.

В США благодаря так называемой сланцевой революции добыча природного газа возросла с 575,2 в 2010 году до 914,6 млрд м³ в 2020 году [11]. В результате страна не только вышла на уровень самообеспечения газовым топливом, но и активно наращивает экспорт сжиженного природного газа. Как отмечается в докладе Управления энергетической информации (EIA) Министерства энергетики США, его объемы могут вырасти с 6,5 млрд кубических футов (184 млрд м³) в 2020 году до 12,1 млрд ф³ (342,6 млрд м³) в 2023 году [12]. Стремясь расширить рынки сбыта для своего СПГ, Соединенные Штаты активно используют рычаги политического давления на потенциальных покупателей, прежде всего – на Европейских Союз. Именно желанием обеспечить продвижение собственного газа на европейский рынок обусловлено противодействие официального Вашингтона проекту «Северный поток-2», предусматривающему прямые бестранзитные поставки российского природного газа в Западную и Восточную Европу.

В данной борьбе за рынки, помимо традиционных санкционных инструментов, активно используется и псевдо-экологическая риторика, цель которой – представить российские энергоресурсы как априори «грязные» и не соответствующие параметрам энергоперехода и климатической политики. Аналогичная риторика уже использовалась ранее, когда российский газ объявлялся «недемократичным» и «несвободным». «Увеличение экспортных мощностей в рамках проекта Freeport LNG имеет решающее значение для распространения *газа свободы* (курсив В.А.) по всему миру, предоставляя союзникам Америки разнообразный и доступный источник чистой энергии», – заявлял заместитель министра энергетики США Марк Менезес [13]. «Министерство энергетики делает все возможное, чтобы продвигать эффективную систему регулирования, которая позволяет *молекулам американской свободы* (курсив В.А.) экспортироваться по миру», – отмечал, в свою очередь, помощник министра энергетики США по ископаемым видам топлива Стивен Уинберг [13].

Теперь же, в контексте повышения актуальности климатической повестки, американские политики начали обвинять российские энергоресурсы в неэкологичности. Так, новый министр энергетики США Дженнифер Грэнхолм, выступая в мае 2021 года на слушаниях в комитете Палаты представителей американского Конгресса по науке, космосу и технологиям, высказалась резко против проекта «Северный поток – 2», обосновав это следующим образом: «Он транспортирует *самый грязный на земле природный газ* (курсив В.А.) без какого-либо соблюдения безопасности по выбросам метана. Это плохо для нашего климата». [14] Подобное утвер-

ждение не просто научно не обосновано, а является открытой и циничной ложью. На самом деле ситуация прямо противоположная. «Углеродный след, оставляемый поставками американского СПГ, более чем в три раза превышает экологическую нагрузку от «Северного потока» и «Турецкого потока». Для наглядности углеродный след от поставок трубопроводного газа из России можно сравнить с длиной следа человека, след от поставок СПГ из Катара и Алжира – слона, а из США – со следом не дошедшего до наших дней динозавра», – отметил в своем выступлении на Дне инвестора в апреле 2021 года заместитель председатель правления ПАО «Газпром» Олег Аксютин [15].

Европейский Союз, в значительной мере зависящий от экспорта российских углеводородов, тем не менее также предпринимает шаги, направленные на создание препятствий поставкам российского сырья. 14 июля 2021 года Европейская комиссия представила проект пакета климатического законодательства, включающий как новые предложения, так и поправки в существующие законы. В частности, среди предлагаемых инициатив планируется внедрение механизма трансграничного углеродного регулирования (ТУР или Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM). Данный механизм предусматривает продажу специально созданным уполномоченным органом сертификатов на импортируемые в ЕС товары углеродоемкого производства по установленному перечню. CBAM будет вводиться постепенно: с 2023 года – действовать по упрощенной схеме, а начало полной реализации действия механизма планируется с 2026 года. Так, с 2023 года производителям необходимо будет отчитываться о размере углеродного следа своей продукции, а с 2026 – платить сбор [16].

Объем российского экспорта, подпадающего под действие европейской системы торговли квотами на выбросы парниковых газов (European Union Emission Trading System, EU ETS) составляет, согласно расчетам ИПЕМ, 76 млрд долларов, что соответствует 40 % российского экспорта в ЕС или 18 % совокупного российского экспорта (17). Согласно исследованиям, которые провела компания VCG, введение ТУР может привести к падению прибыли от экспорта российских сырьевых товаров на 10-65 % [18]. Согласно негативному сценарию компании KPMG, налог может обойтись поставщикам из России в €50,6 млрд до 2030 года [19].

В нынешней конфигурации CBAM пока не затрагивает непосредственно экспорт российских нефти и газа, но может негативно отразиться на объемах поставок в Европу продукции более высоких переделов, произведенной на территории РФ из якобы «грязных» российских углеводородов. Рассматривается также возможность включения в список товаров, облагаемых трансграничным налогом, нефтепродуктов. В случае дальнейшего обострения политических отношений между Москвой и Брюсселем может быть приведен в действие данный механизм «наказания» России под

благовидными лозунгами борьбы с потеплением климата. Иными словами, «околоклиматическая» риторика сегодня превращается в оружие борьбы на энергетических рынках (и шире – в инструмент соперничества за лидирующие позиции в мировой экономике и политике), что требует от России выработки мер реагирования на международном уровне с целью сохранения и расширения своих рыночных ниш. По мере развития процессов энергоперехода данная борьба будет лишь обостряться. Западные государства будут использовать «принуждение к экологичности» как способ избавиться от нежелательных конкурентов в сфере традиционной энергетики, при этом сохраняя в своем национальном энергобалансе значительную долю традиционных ископаемых источников (произведенных в своей юрисдикции либо приобретенных у объявленных «экологически чистыми» политических союзников и сателлитов).

Реакция России на возникающие риски может и должна осуществляться по двум направлениям. *С одной стороны*, требуется полное и четкое выполнение Россией взятых на себя обязательств в рамках Парижского соглашения и, в том числе, реализация климатических инициатив, позволяющих кардинально снизить углеродный след российской экспортной продукции. Вопреки настойчиво формируемому коллективным Западом имиджу России как «экологически грязной страны», власти РФ в последние годы выдвинули ряд инициатив в области климатической политики, по ряду параметров превосходящих экологические обязательства ведущих индустриально развитых государств. «Нередко приходилось слышать разговоры о том, что Россия, мол, не очень-то заинтересована в решении глобальных экологических проблем... Это чушь, это миф, а то и откровенные передергивания. Следующие 30 лет накопленный объем чистой эмиссии парниковых газов должен быть ниже, чем в Европе», – подчеркнул Президент России В.В. Путин в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2021 года [20]. В ходе расширенного заседания коллегии МИД РФ 18 ноября 2021 года глава государства также заявил, что перед Россией стоит задача выхода на углеродную нейтральность не позднее 2060 года, но это может произойти и раньше [21]. Предпринимаются также конкретные шаги по осуществлению энергоперехода в российской экономике. Согласно заявлению директора Департамента развития электроэнергетики Минэнерго Андрея Максимова, сделанному на Конференции ООН по изменению климата в Глазго, цель России – увеличить к 2050 году долю безуглеродных источников в энергобалансе до уровня не менее 56,5 %, из них 19 % придется на гидроэлектростанции, 25 % – на атомные электростанции и 12,5 % – на возобновляемые источники энергии [22].

Еще в начале 2009 года было принято Распоряжение Правительства РФ «Об основных направлениях государственной политики в сфере повы-

шения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии». Изначально меры поддержки были рассчитаны на период до 2020 года, но их продлили сначала до 2024, а затем и до 2035 года. На оптовом и розничном рынках электроэнергии предусмотрен конкурентный отбор, по итогам которого инвестор получает право на строительство объектов ВИЭ любого вида гарантированным возвратом вложений. Доля ВИЭ в единой энергетической системе России пока остается достаточно скромной и не превышает 1 %, а установленная мощность солнечных и ветряных электростанций составляет 1354,88 и 172,43 МВт – 0,55 % и 0,07 % от общей мощности, соответственно [23]. Однако в сфере развития альтернативной энергетики в 2021 году обозначился серьезный перелом: по итогам очередного конкурентного отбора себестоимость генерации в рамках нескольких «ветровых» проектов оказалась ниже, чем в углеродной энергетике [24]. Это яркое доказательство эффективности проводимой государственной политики по развитию ВИЭ. 12 октября 2020 года Правительством утвержден план мероприятий («дорожная карта») по развитию водородной энергетики до 2024 года [25]. 5 августа 2021 года утверждена Концепция развития водородной энергетики в РФ [26].

Распоряжением от 29 октября 2021 года №3052-р Правительство утвердило Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года [27]. В стратегии заложены два сценария – инерционный и целевой (интенсивный). В целевом сценарии в качестве ключевой задачи обозначено обеспечение конкурентоспособности и устойчивого экономического роста России в условиях глобального энергоперехода. 1 сентября 2021 года принято Постановление Правительства №1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в РФ и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в РФ» (система «зеленой таксономии») [28]. Таким образом, в России создаются предпосылки для того, чтобы стать глобальным лидером в сфере энергоперехода. При этом предполагается использовать широкий набор механизмов международного сотрудничества. Достижение целей климатической политики возможно, в том числе, путем расширения и углубления энергетического диалога по линии Россия-ЕС [29].

С другой стороны, необходимо отстаивание на государственно-политическом уровне интересов российских компаний с целью недопущения «экологического шантажа» и применения против России надуманных и не имеющих реальной основы «зеленых санкций», обусловленных политическими, а не природоохранными мотивами. Здесь можно выделить три основных направления внешней климатической политики.

Во-первых, признание поглотительной способности лесного фонда РФ. Проблему поглощения CO₂ можно решить путем увеличения глобального лесного фонда примерно на четверть, или на 900 млн га (500 млрд деревьев) [30]. Россия с ее огромной территорией может внести ключевой вклад в увеличение площади лесонасаждений. Но для монетизации соответствующих проектов в области лесного хозяйства необходимо признание другими странами российских оценок поглощающей способности лесов.

Во-вторых, необходимо признание на мировой арене российской системы таксономии. Таксономия – это перечень направлений деятельности, которые могут считаться «экологически дружественными» и привлекать «зеленые» кредиты. Принятая в России в 2021 году система таксономии на 90 % повторяет западные стандарты, ее главное отличие – признание атомной энергетики «зеленой», тогда как в Европе она таковой не считается. Но и в ЕС наметились подвижки на этот счет. Десять стран ЕС выступили за включение атомной энергетики в разработанный Еврокомиссией список «зеленых» отраслей [31].

В-третьих, следует лоббировать принятие механизма взаимного признания углеродных единиц, эмитированных в разных странах. Это необходимо, чтобы обеспечить более полный зачет углеродных единиц при определении углеродного следа продукции. В преддверии введения Европой трансграничного углеводородного регулирования – это крайне важная задача для России, без решения которой наша страна может потерять огромную часть своих экспортных доходов.

Таким образом, руководство страны проводит масштабную работу по поиску ответов на вызовы, порожденные новой глобальной климатической политикой и процессом энергоперехода. Однако для реализации обозначенных направлений необходимы четкое понимание российской деловой и политической элитой проблематики климатической повестки и энергетического перехода, консолидация отечественной элиты по данным вопросам и популяризация новых ценностных установок среди всех слоев населения страны. Но можно утверждать, что и такое понимание, и база для консолидации элит, и каналы эффективной популяризации новой климатической повестки в стране практически отсутствуют.

Еще относительно недавно вопросы изменения климата вообще не рассматривались российской элитой как существенная угроза. Согласно опросу, проведенному в 2013 году при составлении Аналитического доклада грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Российская элита – 2020», одной из главных угроз для страны была названа зависимость от экспорта энергоносителей («Снижение цен на нефть»). При этом экологическая проблематика, как раз и являющаяся в долгосрочной перспективе основным драйвером снижения цен на ископаемые виды энергоресурсов, вообще не воспринималась российской элитой

как источник серьезных угроз; более того, постепенно она теряла свою актуальность (рис. 2) [32].

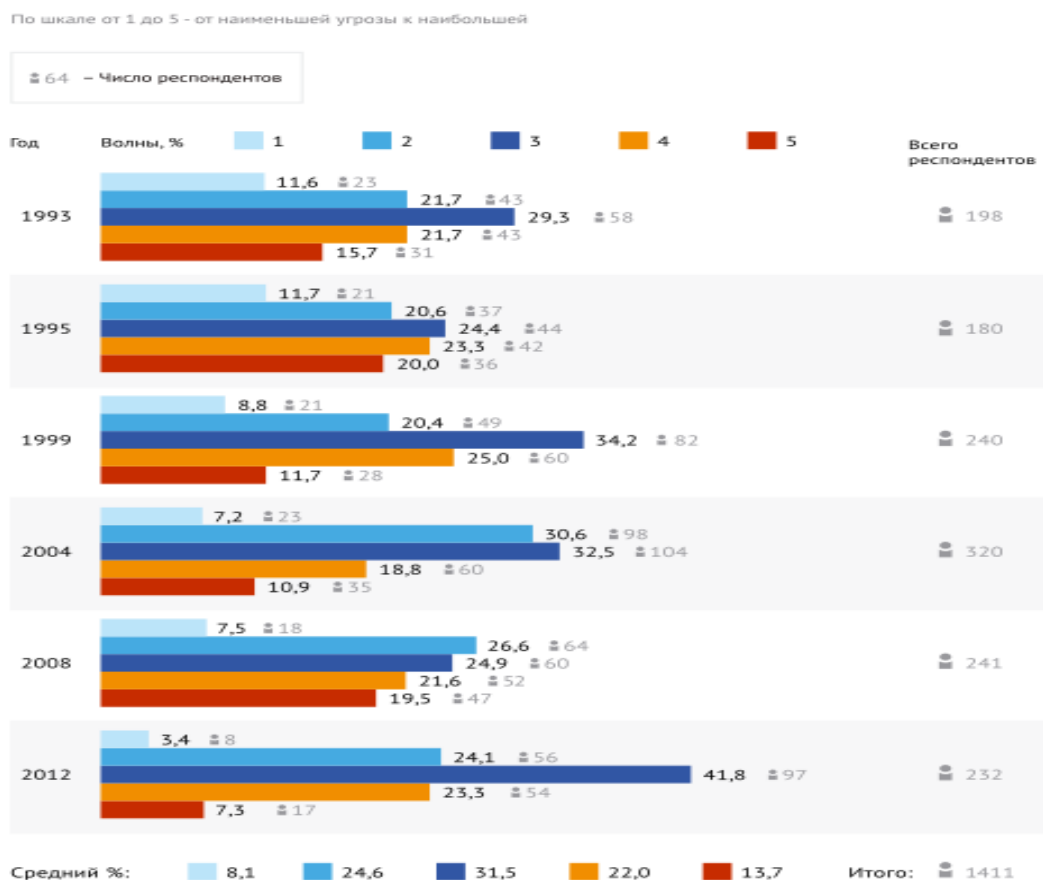

Рис. 2. Загрязнение окружающей среды как угроза для страны [32]

В последние годы в России наметился серьезный раскол политической элиты по критерию восприятия целей и темпов энергоперехода. В целом не отрицая неизбежность данного процесса и учитывая необходимость участия России в нем, представители элит расходятся в вопросах динамики и инструментов такого перехода. Симптоматично, что такое разделение происходит по уже существующей «линии разлома» между двумя группами элит, условно обозначаемыми как «либералы» и «государственники» (или «силовики»), по классификации профессора Финансового университета при Правительстве РФ К.В. Симонова [33].

Представители первой из этих элитных групп, условные «либералы», рассматривают климатическую тематику как часть общей системы «ценностей западного мира» и активно критикуют действующую власть за якобы противодействие процессам энергоперехода и нежелание встраиваться в глобальную природоохранную повестку. В частности, глава гос-

корпорации «Роснано» Анатолий Чубайс в интервью журналу Forbes отметил: «Есть известная ковбойская поговорка: если лошадь сдохла, с нее надо слезать. Это не значит, что надо закрывать Западно-Сибирское нефтяное месторождение. Но <...> чем раньше мы начнем сворачивать с этого пути, тем в большей степени мы снимем со страны стратегические риски государственного масштаба. Все, ребята! Хорош рассказывать про слезание с нефтяной иглы. Мы уже 15 лет слышим, как вы слезаете. Если не слезете, то в тупик заедете <..> в долгую» [34]. Само упоминание о каком-то мифическом «Западно-Сибирском месторождении» свидетельствует о глубокой некомпетентности А.Б. Чубайса в вопросах нефтегазового комплекса. А фактические призывы отказаться от развития отрасли, являющейся локомотивом экономики страны, и «бежать впереди паровоза» в процессе глобального энергоперехода вполне вписываются в концепцию пропагандистской кампании, развернутой коллективным Западом, и направленной на дискредитацию России как «экологически грязной» страны.

Уже занимая должность специального представителя Президента РФ по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития (то есть де-факто лица, курирующего механизмы вовлечения России в мировые процессы энергоперехода) Анатолий Чубайс заявил в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2021 года: «Распространена точка зрения о том, что все это (энергопереход – *В.А.*) придумал Запад. Она полностью, на 100 % неадекватна, устарела и искажает реальность. Те, кто с этой точкой зрения выступают, не понимают, что происходит... Глобальные вызовы очень сложные, острые для всех, а для российского бизнеса будет еще более острым и тяжелым, просто в силу структуры нашей экономики... С углеводородами все понятно, даже не хочу обсуждать (мир откажется от них)...» [35]. В этой фразе А.Б. Чубайс, приписывая своим оппонентам маргинальную точку зрения о «теории заговора», делает ничем не обоснованный вывод о необходимости ускоренного отказа от углеводородного сырья, тем временем как те же США наращивают сланцевую добычу нефти и газа и ведут активную борьбу за вытеснение России с глобального энергетического рынка. Таким образом, прозападно-ориентированная часть российской элиты выступает за ускоренное осуществление энергоперехода, даже в ущерб базовым отраслям российской экономики, ссылаясь на возможные еще более серьезные потери для экономики страны в случае отказа от «зеленой повестки».

Другая часть элиты – «государственники» – выступает против неоправданного ускоренного энергоперехода, который может привести не только к краткосрочным потерям нефтегазовых доходов РФ, но и к долгосрочной утрате конкурентоспособности России на мировых рынках и ослаблению ее геополитических позиций. Как отметил в своем выступлении на XIV Евразийском экономическом форуме в Вероне в октябре 2021 года главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть» И.И. Се-

чин, «процесс энергетического перехода должен быть взвешенным, экономически обусловленным и социально ответственным». «Мировое сообщество должно выработать единый подход к глобальной климатической проблеме и стимулированию развития и обмена технологиями снижения выбросов, а не искать виновных, и не использовать односторонние протекционистские меры, которые увеличивают и без того значительный разрыв в энергетической обеспеченности между развитыми и развивающимися странами... Несмотря на безусловную важность решения экологических вопросов, ответственность за парниковые выбросы часто (и ошибочно!) возлагается не на загрязняющие отрасли, а на производителей первичных энергоресурсов... Важно, чтобы продолжающееся стимулирование «зеленой» энергетики не подменяло ее реальную экономическую эффективность и учитывало выбросы по всей цепочке, от производства металлов до утилизации оборудования ветровых и солнечных станций, аккумуляторов и электромобилей... Лишь разумный баланс между традиционной и возобновляемой энергетикой способен обеспечить устойчивый долгосрочный рост мировой экономики», – подчеркнул глава российской компании [36].

Иными словами, представители части элиты, обозначаемые как «государственники», не отрицают необходимости проведения климатической политики и осуществления энергоперехода и, вопреки критике А.Б. Чубайса, не приписывают эти объективные процессы «козням Запада». Но они видят вполне реальные угрозы данных процессов, обусловленные попытками коллективного Запада использовать трудности, с которыми столкнулось человечество, для реализации своих экономических и политических интересов в ущерб интересам других стран, в том числе России. Поэтому они призывают не к быстрому и безоглядному отказу от традиционной энергетики и к переходу к «зеленым» технологиям (экологическая «безупречность» которых находится под вопросом), а к взвешенному и научно обоснованному развитию как новых, так и традиционных отраслей ТЭК при условии интенсивного снижения углеродного следа.

Помимо конфликта внутри политической элиты по поводу климатической повестки определенные внутривнутриполитические угрозы возникают и в связи с недостаточным пониманием представителями научной, образовательной, экономической элиты и широкими слоями населения целей и задач энергоперехода. Негативным фактором также служит низкий уровень информированности о действиях, предпринимаемых руководством Российской Федерации в целях выполнения своих обязательств в рамках Парижского соглашения.

В этом плане весьма симптоматичны результаты исследования, осуществленного весной 2021 года «Левада-центром» (организация является иностранным агентом). Были проведены глубинные интервью с 40 представителями российской интеллектуальной элиты, в результате которых были выявлены следующие трендовые мнения:

1. Тематика глобального потепления если не придумана Западом, то по меньшей мере активно используется им в геополитических целях, для оказания давления на Россию и вытеснения ее с рынков энергоносителей.

2. Глобальное потепление пойдет на пользу России. Таяние льдов затопит нелюбимую Европу и откроет «наш» Севморпуть.

3. Россиян пока больше беспокоит местная экология, чем климат на планете. В частности, таяние грунта в зоне вечной мерзлоты, которая занимает около 60 % территории РФ. В то же время в южных районах РФ, например, в Ставрополье или в Калмыкии, нарастает угроза засухливости и даже опустынивания.

4. Переход России к зеленой экономике *начнется только при новой власти (курсив – В.А.)*. «У нас не частная энергетика, она государственная, и строить новые зеленые станции на данный момент может только государство. Но для этого, скажем так, нужна уже новая власть» [37].

Если с первым мнением можно согласиться, то остальные три выявленные тренда вызывают некоторое недоумение. Они свидетельствуют о том, что даже представители интеллектуальной элиты не в полной мере осознают климатические угрозы, стоящие перед планетой, и очень смутно представляют себе цели и задачи климатической политики и энергоперехода. Более того, как свидетельствует четвертый выявленный тренд, представители интеллектуальной элиты рассматривают российскую власть как противника идей энергоперехода и считают смену власти в стране непременным условием начала соответствующих трансформаций в области климатической повестки. Хотя, как было показано выше, именно руководство РФ сегодня предпринимает активные шаги по снижению негативного влияния на окружающую среду, зачастую ставя при этом даже более амбициозные задачи, чем страны Запада. Данная парадоксальная ситуация, по мнению автора, является следствием недостаточной информированности как интеллектуальной элиты, так и общества в целом о текущей климатической политике России. Навязываемые коллективным Западом идеологические штампы об «экологически грязной России», к сожалению, нашли распространение не только на международной арене, но и внутри РФ. И это свидетельствует о недостаточных усилиях российских властей, научной элиты, СМИ, общественных организаций по информированию общества о целях и достижениях российской климатической политики, об открываемых ею возможностях и существующих рисках.

В условиях разделения политической элиты по вопросам климатической повестки и относительной пассивности научно-интеллектуальной элиты, в обществе также возникает раскол по данной проблематике. Можно говорить о том, что на глобальном уровне сложился общественный консенсус по вопросам климатической повестки. Так, 64 % участников опроса ООН, проведенного в начале 2021 года в 50 странах мира специалистами Оксфордского университета, считают изменение климата чрезвычайной ситуацией глобального значения. Во всех странах, включая госу-

дарства с низким уровнем дохода (например, Бутан), подавляющее большинство людей с высшим образованием (более 80 %) убеждены в необходимости срочных мер по борьбе с изменением климата. Среди молодых людей это мнение более распространено, чем среди представителей более старшего поколения [38].

В России же наблюдается гораздо более высокая поляризация мнений по данному вопросу. Согласно опросу ВЦИОМ от сентября 2020 года, 52 % россиян признают глобальное потепление как значимую проблему, но 40 % считают, что она надумана и раздута. При этом большинство опрошенных (от 62 % до 76 %) пока не готовы платить больше за климатически нейтральные решения, такие как повышение энергоэффективности или внедрение альтернативных возобновляемых источников энергии [39].

Такая поляризация мнений может служить благоприятной почвой для использования климатической повестки в качестве фактора расшатывания внутривнутриполитической стабильности в Российской Федерации. В последнее время наблюдается активизация общественных протестов, связанных с экологической тематикой. В частности, активисты экологического движения «Нам здесь жить» объявили о «Всероссийском экологическом референдуме». Они пытаются провести сразу 11 плебисцитов в восьми регионах, для чего координируют местный протест и помогают ему юридически. Экологический протест «разогрет» во многих субъектах РФ [40].

Риск радикализации экологического протеста возрастает в связи с тем, что в России до сих пор не появилось сильных экологически ориентированных (так называемых «зеленых») партий, представленных в парламентских структурах и способных проводить ответственную политику, учитывающую требования климатической повестки и энергоперехода, но при этом органично вписанную в общую стратегию экономического развития РФ и отвечающую геополитическим интересам страны. Существующие в России «зеленые» партии пока не имеют существенного политического веса. Так, к выборам в Государственную Думу в 2021 году Российская экологическая партия «Зеленые» провела два альтернативных съезда, фактически в партии произошел раскол. По заявлению сопредседателя партии Сергея Шахматова, при успешном исходе выборов в Госдуму «Зеленые» были намерены провести «ревизию» законодательства в сфере экологии и здравоохранения» [41]. Партия получила по итогам выборов всего 512 418 голосов (0,91 %).

Вторая российская экологическая партия – «Зеленая альтернатива» – по результатам выборов 11-13 сентября 2020 года преодолела 5-процентный барьер на выборах в Государственный Совет Республики Коми и Челябинское законодательное собрание, обеспечив себе право на участие в выборах в Государственную думу в 2021 году без сбора подписей. По словам лидера партии Руслана Хвостова, «Зеленая альтернатива» сильно отличается от старейшей экологической партии России «Зеленые», которую он считает больше экспертным сообществом, чем политической си-

лой, которая решает вопросы людей [42]. Однако и она потерпела фиаско на выборах в Государственную Думу, получив 357 870 голосов (0,64 %)

Данные печальные результаты российских экологических партий контрастируют с относительным успехом зеленых партий на парламентских выборах в ряде европейских стран. В частности, на выборах в Германии в 2021 году партия «Союз90/Зеленые» получила 6 469 081 голосов (14 %) по одномандатным округам и 6 852 206 голосов (14,8 %) по партийным спискам, завоевав в общей сложности 118 мест в Бундестаге [43].

Отсутствие ответственной политической силы, транслирующей интересы общественных слоев, уделяющих особое внимание климатической повестке, создает определенную «политическую лагуну», которые могут занять деструктивные силы, использующие экологический фактор для расшатывания внутривнутриполитической стабильности в стране.

Таким образом, залогом обеспечения консенсуса элит и общества по вопросам климатической повестки является широкая информационная кампания, позволяющая довести до широких масс населения цели и задачи энергоперехода, информирующая о действиях российских властей в данной сфере и вместе с тем предупреждающая о политических угрозах, инспирируемых коллективным Западом под прикрытием псевдоэкологических лозунгов в целях ослабления экономических и геополитических позиций России.

Из вышеприведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Использование климатической повестки как оружия нечестной конкурентной борьбы на мировых рынках способно нанести существенный экономический урон России.

2. Российская власть предпринимает адекватные и полномасштабные меры, направленные на участие в России в международной климатической повестке на равных условиях и на минимизацию возникающих экологических и экономических рисков.

3. Попытки искусственного форсирования энергетического перехода под знаменем климатической повестки, поддерживаемые частью российской элиты, способны нанести серьезный удар как по экономике России, так и по глобальной энергетической безопасности.

4. Непонимание большей частью российской политической и интеллектуальной элиты целей, задач и направлений климатической политики способствует расколу элит «по климатическому признаку» и может стать источником возникновения серьезных внутривнутриполитических конфликтов.

5. Отсутствие крупных институализированных политических структур, сконцентрированных на экологической повестке (влиятельных зеленых партий), способствует росту несистемного «зеленого протеста», который может быть использован в своих интересах частью российской политической элиты, а также иностранными политическими оппонентами и экономическими конкурентами.

6. Необходима активизация просветительской деятельности, направленная на разъяснение (в первую очередь – молодому поколению) целей, задач и направлений российской климатической политики.

Список литературы

1. Парижское соглашение [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 14.01.2022).

2. Порфириев Б., Широков А., Колпаков А. Климат для людей, а не люди для климата // Эксперт. 2020 № 31-34. С. 44-47.

3. Yann Robiou du Pont, Malte Meinshausen Warming assessment of the bottom-up Paris Agreement emissions pledges *Nature Communications* 9, Article number: 4810 (2018) [Электронный ресурс] URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-07223-9> (дата обращения: 14.01.2022).

4. The Production Gap: 2019 Report [Электронный ресурс] URL: <https://productiongap.org/2019report/> (дата обращения: 14.01.2022).

5. Климатолог: при нынешних темпах снижения парниковых выбросов Цели Парижского соглашения недостижимы // Рамблер-ньюс 18.10.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://news.rambler.ru/weather/47407707-klimatolog-pri-nyneshnih-tempah-snizheniya-parnikovyyh-vybrossov-tseli-parizhskogo-soglasheniya-nedostizhimy-novosti-1-18-10-2021/> (дата обращения: 14.01.2022).

6. Расторгуев С.В. Внешнеполитические гибридные возможности и угрозы современной России: вызов обществу, государству и элите // Власть. 2016. т. 24. № 9. с. 15-24.

7. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 и на плановый период 2023 и 2024 годов [Электронный ресурс] URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=134362-osnovnye_napravleniya_byudzhetoj_nalogovoj_i_tamozhenno-tarifnoj_politiki_na_2022_god_i_na_planovyi_period_2023_i_2024_godov (дата обращения: 14.01.2022).

8. СП рассказала о падении доли нефтегазовых доходов бюджета России // РИА Новости 24.02.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210224/dokhody-1598699925.html> (дата обращения: 14.01.2022).

9. Инвестиционный форум «Россия зовёт!» 29 октября 2020 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64296> (дата обращения: 14.01.2022).

10. Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина 17 декабря 2020 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64671> (дата обращения: 14.01.2022).

11. BP Statistical Review of World Energy 2021 p.38 [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).

12. Экспорт газа из США может вырасти вдвое // Агентство экономической информации «Прайм» 11.01.2022 [Электронный ресурс] URL: <https://1prime.ru/energy/20220111/835745054.html> (дата обращения: 14.01.2022).

13. Ellie Kaufman US energy officials hail “freedom gas,” “molecules of freedom” CNN 29.05.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://edition.cnn.com/2019/05/29/politics/doe-freedom-gas-natural-gas/index.html> (дата обращения: 14.01.2022).

14. Цит. по: Министр энергетики США назвала российский газ "самым грязным" в мире // РИА Новости 28.05.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210528/gaz-1734515825.html> (дата обращения: 14.01.2022).

15. Цит. по: В «Газпроме» сравнили углеродный след от поставок СПГ из США с динозаврами // РБК 30.04.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/business/30/04/2021/608b20689a7947847685f056> (дата обращения: 14.01.2022).

16. Вызовы углеродного регулирования. / Энергетический бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. 2021. №94, март. С. 21 [Электронный ресурс] URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/бюллетень_№_94.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

17. Оценка рисков для российской экономики от ввода трансграничного углеродного регулирования в Европейском Союзе: аналитический доклад / Ю.З. Саакян [и др.] М.: ИПЕМ, 2020. С. 10. [Электронный ресурс] URL: http://www.ipem.ru/files/files/research/20201023_russia_and_border_carbon_adjustments.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

18. BCG Углеродный вызов российским экспортерам 29.07.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/press/29july2020-carbon-challenge-to-russian-exporters> (дата обращения: 14.01.2022).

19. Фадеева А. KPMG оценила ущерб для России от введения углеродного налога в ЕС // РБК, 07.07.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be> (дата обращения: 14.01.2022).

20. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65746> (дата обращения: 14.01.2022).

21. Расширенное заседание коллегии МИД [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67123> (дата обращения: 14.01.2022).

22. Андрей Максимов: «Установленная мощность возобновляемых источников энергии в России к 2050 году может достичь 97,4 ГВт» // Официальный сайт Министерства энергетики РФ 10.11.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://minenergo.gov.ru/node/21980> (дата обращения: 14.01.2022).

23. Основные характеристики российской электроэнергетики // Официальный сайт Министерства энергетики РФ [Электронный ресурс] URL: <https://minenergo.gov.ru/node/532> (дата обращения: 14.01.2022).

24. Подведены итоги отбора проектов ВИЭ в 2021 году // Официальный сайт НП Совет рынка 21.09.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.np-sr.ru/ru/press/news/52120-podvedeny-itogi-otbora-proektov-vie-v-2021-godu> (дата обращения: 14.01.2022)

25. Правительство Российской Федерации утвердило план мероприятий по развитию водородной энергетики [Электронный ресурс] URL: <https://minenergo.gov.ru/node/19194> (дата обращения: 14.01.2022).

26. Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/5JFns1CDAKqYKzZ0mnRADAw2NqcVsexl.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).

27. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fW032e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).

28. Критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/3hAvr18rMjp19BApLG2cchmt35YBPH8z.pdf> (дата обращения: 14.01.2022).

29. Конопляник А.А. Перспективы взаимодействия РФ и ЕС в сфере декарбонизации. Есть ли возможности для расширения рынка для российского газа в Европе? // «Нефтегазовая вертикаль». 2019. № 13. С. 101-105.

30. Bastin JF, Finegold Y, Garcia C, Mollicone D, Rezende M, Routh D, Zohner CM, Crowther TW: The global tree restoration potential // Science, 5 July 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aax0848> (дата обращения: 14.01.2022).

31. Ворошилов Д. Еврокомиссия предложит присвоить ядерной энергетике «зеленый» статус [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/01/2022/61d076059a79479bc2463e3e> (дата обращения: 14.01.2022).

32. Российская элита – 2020 Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, июль 2013 [Электронный ресурс] URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/fvctzlmuhq/direct/117034469> (дата обращения: 14.01.2022).

33. Симонов К.В. Русская нефть. Последний передел / Москва, 2005. Сер. Текущий момент. 318 с.

34. «Если лошадь сдохла, надо с нее слезть»: Анатолий Чубайс о «тяжелом плато» для России, появлении совсем бедных и уникальном приборе от COVID-19 // Forbes 18.05.2000 [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/biznes/400747-esli-loshad-sdohla-nado-s-nee-slezt-anatoliy-chubays-o-tyazhelom-plato-dlya-rossii> (дата обращения: 14.01.2022).

35. Чубайс призвал реструктурировать экономику из-за изменения климата // РИА Новости 03.06.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210603/klimat-1735378427.html> (дата обращения: 14.01.2022).

36. Официальный сайт ПАО «НК «Роснефть» [Электронный ресурс] URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/208243/> (дата обращения: 14.01.2022).

37. Гурков А. Что думает интеллектуальная элита России об изменении климата? // DW 20.05.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.dw.com/ru/chto-dumaet-intellektualnaja-jelita-rossii-o-zashhite-klimata/a-57556146> (дата обращения: 14.01.2022).

38. Миклашевская А. 64% людей в мире считают изменение климата глобальной ЧС // «Коммерсантъ» 27.01.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4663061> (дата обращения: 14.01.2022).

39. ВЦИОМ: около 40 % опрошенных россиян назвали глобальное потепление надуманной проблемой // ТАСС 20.02.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/7846251> (дата обращения: 14.01.2022).

40. Прах А., Васильева А. Всеприродное волеизъявление // «Коммерсантъ» 30.08.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4965361> (дата обращения: 14.01.2022).

41. «Зеленые» выдвинут на выборы в Госдуму 341 кандидата // ТАСС 7.07.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/11843523> (дата обращения: 14.01.2022).

42. Слабада О. Влияние Греты Тунберг? В России появится «Зеленая альтернатива» // «Свободная Пресса» 4.02.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://svpressa.ru/society/article/256268/> (дата обращения: 14.01.2022).

43. Bundestag election 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/en/bundestagswahlen/2021/ergebnisse/bund-99.html> (дата обращения: 14.01.2022).

Андреанов Валерий Валентинович, канд. полит. наук, доц., vvandrianov@fa.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

CHALLENGES OF THE CLIMATE AGENDA FOR FOREIGN AND DOMESTIC POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.V. Andrianov

The Paris Agreement under the United Nations Framework Convention on Climate Change, which was adopted on December 12, 2015, creates new challenges for Russian foreign and domestic policy. It is necessary to clearly identify and classify these challenges in

order to develop measures to minimize emerging risks. The most dangerous risks are associated with growing foreign political pressure on the Russian oil and gas complex, which is the main source of budget replenishment. It is necessary to defend the interests of Russian companies at the state-political level in order to prevent "environmental blackmail". A necessary condition for strengthening the positions of the Russian Federation in the process of energy transition is the consolidation of the Russian elite and society on the climate agenda.

Key words: climate policy, energy transition, ecology, elite conflict, environmental protests.

Andrianov Valery Valentinovich, candidate of political sciences, docent, vvandrianov@fa.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

УДК 327

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-22-34

ЛИЧНОСТНЫЙ И СТРАНОВОЙ ФАКТОРЫ ЛИДЕРСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

М.А. Майорова, Е.И. Лебедева

Понятие политического лидерства имеет ключевое значение для понимания происходящих политических процессов как внутри страны, так и на международной арене. В статье приводятся теоретические подходы к понятию лидерства и обозначается проблема недостаточной степени научной разработанности феномена лидерства. Авторы приходят к выводу, что личностные и страновые факторы лидерства неразрывно связаны друг с другом. От понимания степени этого соотношения зависит определение траектории развития системы международных отношений и политических процессов внутри страны.

Ключевые слова: политическое лидерство, система международных отношений, теории политического лидерства, политическая власть и влияние.

Глобальные вызовы XXI в. — возрастающее социальное неравенство, фундаментализм, локальные войны, кризис демократий и либерализма — неизмеримо повышают в международных отношениях роль личностных качеств политических деятелей в целом и глав государств в особенности. Представляется возможным отметить, что сложившаяся в мире

финансово-экономическая система находится в режиме выживания, что, в частности, подтверждает и разворачивающаяся на наших глазах пандемия.

Анализируя на переживаемом нами острым идеологическом и социально-экономическом переломе причины мировой нестабильности, эксперты и политики во многих странах уже выдвигают концепции будущих изменений в экономике, звучат предложения, каким образом реформировать социально-экономические отношения в обществе, обсуждаются возможные изменения в банковской и финансовых сферах.

В ноябре 1942 г., после решающей победы союзников под Эль-Аламейном, У. Черчилль подчеркнул: «Это еще не конец. Это даже не начало конца. Но это, пожалуй, конец начала» [1]. Похоже, мир и теперь находится в «конце начала» установившихся за более чем столетие социальных укладов, экономических связей и финансовых отношений. Важно, какими будут следующие шаги вперед, что, несомненно, зависит от личностных качеств государственных лидеров ведущих держав.

Происходящие в мире изменения позволяют говорить о трансформации современной системы международных отношений в иное состояние, отличное от того, которое было характерно для нее в последнее десятилетие XX века. Новой системе международных отношений присуща большая степень рациональности, что проявляется в стремлении глобального лидера регулировать международные отношения на основе собственных представлений и интересов. Также возрастает хаотичность, исходящая от самой системы международных отношений. Таким образом, первостепенное значение приобретает исследование личностных и страновых факторов лидерства в международных отношениях.

В мировой политике акторами являются как отдельные личности, так и страны. В связи с этим представляется важным уделить особое внимание соотношению двух измерений лидерства в международных отношениях – личностного и странового. В первую очередь это следует сделать на теоретическом уровне.

В социогуманитарной науке политическое лидерство преимущественно связывают с личностью, а не со страной. Страновое лидерство как устоявшийся термин еще не сформировалось. Более того, во главе любой страны стоит, в первую очередь, человек. Поэтому логичным представляется начать рассмотрение соотношения странового и личностного лидерства в международных отношениях с теоретических подходов именно к последнему.

В рамках политической науки и смежных с ней дисциплин существуют подходы, объясняющие причины возникновения и сущность феномена политического лидерства. При этом лишь немногие исследователи, которые занимались вопросами политического лидерства, обращались в своих работах к этимологии слов «лидер», «лидерство» [2, с. 182]. Выявление происхождения концепта «лидер» может привести нас к пониманию

того, как эволюционировали его содержание и смысл, а также отношение к феномену лидерства.

Так, в 20–50 гг. XX в. существенное влияние в изучении лидерства получает теория, которая выделяет необходимость обладания лидером определенным набором качеств, благодаря чему он наиболее эффективно управляет обществом и занимает в нем ведущие позиции [3, с. 26]. Представителями этой концепции являются Ю. Дженнингс [4], Р. Стогдилл [5], Э. Трельч [6], У. Беннис [7] и др. Основной задачей теории было выявление универсальной совокупности свойств, которыми должен обладать человек, чтобы стать лидером, но после проведения ряда эмпирических исследований этого сделать не удалось, и к середине XX века данная теория утрачивает свое влияние в научном сообществе [8, с. 52-53].

Одним из фундаментальных направлений изучения личности в психологии является также типологический подход, представленный в работах Д. Боггса из Университета Сан-Диего, который занимался изучением лидерства, опираясь на литературные произведения. В результате он пришел к выводам о том, что степень лидерства, которую демонстрирует главный герой, зависит от уровня самоуправления людей. Еще одним важным фактом, по его мнению, является то, что по мере того, как «уменьшается способность богов влиять на людей и окружающую действительность» [9, с. 181], возрастает необходимость эффективного руководства обществом. В процессе научных изысканий ученый отметил, что в книгах, написанных после эпохи Возрождения, ведущие позиции в социуме стали занимать незнатные люди, поскольку религия и соответственно божественное право на власть утрачивают свою значимость [там же, с. 140].

Сотрудник Университета Сан-Диего Р. Хейнриксон выделял влияние философии в эволюции значения слова «лидерство». Он подчеркивал, что западные общества предлагают людям ценности индивидуализма, основанные на капиталистических традициях, протестантизме и личных достижениях, на подобной основе и возникают фигуры, которых люди называют лидерами [11, с. 100-102].

В начале XX века М. Вебер предпринял попытку выявить объективные признаки становления политического лидера. Он отмечал, что политическая деятельность требует не столько определенного уровня профессионализма, сколько является призванием человека [12, с. 138]. Для того чтобы стать политическим лидером, человек должен обладать определенными социально-политическими и психологическими качествами, такими как страсть, чувство ответственности и дистанцирование [13, с. 139-140].

В XX в. формируются и целые научные школы, которые вносят вклад в формирование теории лидерства, среди них выделяются Психоаналитическая школа, Йельская школа, Франкфуртская школа и др.

Представители психоаналитической школы, которая в проводимых исследованиях рассматривала бессознательные факторы процесса лидер-

ства [14, с. 150-161], З. Фрейд и У. Буллит посредством биографического метода пытались выявить влияние определенных жизненных обстоятельств [15] на формирование личности и стиля руководства политического лидера на примере 28-го президента США В. Вильсона [16]. Это исследование оказало влияние на развитие психологии личности.

Йельская школа, представителями которой являются Г. Лассуэлл, Б. Скиннер, У. Уайт, рассматривала черты сознания политических лидеров [17, с. 154]. Эти исследователи подчеркивали, что поведение в политике имеет единообразные свойства, которые можно выявить эмпирически при помощи методов сбора и анализа информации, таких как опросы, интервью и т.д.

Франкфуртская школа, представленная Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фроммом, Ю. Хабермасом, разрабатывала концепцию «авторитарной личности» и фокусировала свое внимание на вопросах взаимоотношений лидеров и их последователей [18]. В рамках данного направления был сформирован образ политического деятеля, который для достижения своих целей должен показывать такую же приверженность публичности, подчеркивать наличие у него того же опыта, что и у населения, принимать участие во всех событиях, происходящих в обществе и демонстрировать свои успехи и властные полномочия по отношению к конкурентам, членам собственной партии и администрации [19].

Особый интерес к рассмотрению проблем лидерства возникает в 60-х годах XX века, что было связано, по мнению ряда исследователей, с возрастанием роли политических руководителей в жизни общества, а также непосредственно в избирательном процессе [20]. Ускорение социальных процессов и возникновение новых вызовов, прежде всего со стороны требующих большего представительства политических групп, выявили недостаточную эффективность существующих политических институтов, выразившуюся в отсутствии быстрой реакции или адаптации к изменяющимся условиям социальной среды.

В 60-70 гг. XX в. Р. Стогдилл, С. Шартл и др. особое внимание в изучении лидерства отводят именно роли последователей, определяя ее как ключевую [21, с. 88-90]. Согласно данной теории без поддержки социальных групп лидер полностью теряет влияние на общество, поэтому основной его задачей является построение устойчивых связей между людьми [22].

В это время обретают популярность и атрибутивные теории лидерства, в которых особое внимание уделяется изучению роли последователей в процессе принятия решений руководителем [23]. Представителями данного направления являются П. Сьюдфельд, П. Тетлок и др. Сторонники данного подхода, сосредоточившись на публичной политике в западных странах, приходили к выводу, что процесс принятия решений происходил

не просто под влиянием мнения групп сторонников, но через субъективное восприятие лидером их целей и ценностей.

В 80-х годах XX века профессор Принстонского университета Р. Та-кер предположил, что лидерство представляет собой истинную сущность самой политики и оказывает огромное влияние на нее [24, с. 302-304]. Главным его нововведением было использование термина «неофициальный лидер», которым он определил человека, формально не обладающего властью и не занимающего высокий политический пост, но де-факто являющегося политическим лидером. Данный подход соотносится с возросшим вниманием научного сообщества к неформальным институтам, также оказывающим влияние на процесс выработки и принятия политических решений, однако, в отличие от неоинституциональной теории, он сосредоточен на субъективных факторах стратегии политического деятеля.

Во второй половине XX века вновь возрастает интерес исследователей к роли личностных факторов в лидерстве, особым влиянием пользуются теории харизматического лидерства. Сторонники данной теории К. Клейн и Р. Хауз подчеркивают, что харизма проявляется непосредственно в отношениях между лидером и его последователями [25]. Таким образом можно глубже рассмотреть отношения лидера и его сторонников, которые обуславливаются не только попытками навязывания собственной воли, но и более широким спектром эмоций, восприятием действий лидирующей личности.

Тем не менее, теория личностных факторов в середине XX в. претерпевает кризис, и уже во второй половине двадцатого столетия появляются концепции, направленные на изучение роли ситуативных факторов, главной идеей которых является непосредственная зависимость типа лидерства от ситуации, в которой находится общество [26, с. 53-56]. Так, Р. Богардус, Л. Картер и др. обращали внимание на возникновение такой фигуры руководителя, который приспосабливается к определенным обстоятельствам и обнаруживает наличие своих особых качеств, проявляя их в зависимости от времени и места [27, с. 256-258]. Благодаря этому удалось частично объяснить изменения стиля управления лидера с уже устоявшимися личными свойствами.

В конце XX в. появляется новый подход к изучению лидерства и выделяется новый тип руководителя — политический предприниматель, способствующий усовершенствованию организации государственного управления так, что изменяется существующая модель распределения ограниченных государственных ресурсов [28, с. 99]. Начинает развиваться и ценностная концепция лидерства, в которой эффективный лидер оказывает непосредственное влияние на нормативную и ценностную базу конкретного общества. Подобный лидер способен определить конечную цель и, благодаря формированию устойчивых связей со своими последователями, добиваться ее [29].

Таким образом, основные западные исследования XX в. рассматривают лидера как носителя уникальных личностных качеств, как человека, который раскрывает свои способности в определенной социальной ситуации, а лидерство — как способ организации межличностных отношений и как процесс организации деятельности всей группы [30, с. 260].

Отечественными исследователями вопросы политического лидерства стали рассматриваться лишь во второй половине XX в. Для российской политической культуры на всех этапах формирования особое место всегда занимали именно личностные качества человека, поскольку история становления и развития нашего государства обычно рассматривается только в совокупности с исследованием того, кто в определенный момент берет на себя руководство страной, причем титул правителя (царь, президент) не играет здесь основополагающей роли [31, с. 8].

Вопрос о политическом лидерстве остается одним из наиболее дискуссионных и наименее изученных [32]. С точки зрения политической психологии сложность проблемы лидерства связана с тем, что оно, как отмечает Е.Б. Шестопал, сочетает в себе одновременно черты рационально-волевого и иррационально-инстинктивного феноменов [33].

Одними из первых в нашей стране в рамках политической психологии о личности заговорили А.И. Китов [34] и С.К. Рощин [35]. В любой стране практически все значимые политические явления зависимы от личности ее правителей. Поэтому первопричины политических решений и действий кроются не только в обстоятельствах объективного порядка, но и в психологических качествах, в особенностях психологии политического деятеля, в изменениях его психических состояний и свойств из-за нарушений внутренней или внешней среды.

Знание психологических качеств политического деятеля, особенностей и противоречий его личности позволяет понять и адекватно описать закономерности его поведения, осуществить системный анализ его прошлых действий и ошибок, а следовательно, прогнозировать тенденции его поведения в значимых политических ситуациях [36].

Таким образом, личность конкретного политика — феномен, который в значительной мере определяется сложившейся системой общественных отношений, национальным менталитетом, политическим контекстом и личностным выбором.

Лидерство в международных отношениях довольно сложный и неустойчивый феномен, зависящий от многих факторов. В отечественной и зарубежной науке разделяют страновое и личностное лидерство, рассматривая каждый из этих феноменов отдельно. Однако не стоит недооценивать личностное влияние лидеров стран на происходящие процессы на международной арене. Именно личность стоит во главе государства и принимает ключевые решения, которые могут привести страну к статусу лидера.

Понятие странового лидерства, как и лидерства личностного, является дискуссионным. На данном этапе в современной науке нет однозначной точки зрения на определение термина, соответственно нет точной научной формулировки, охватывающей весь спектр особенностей данного феномена. В теории международных отношений часто лидерство отождествляют с понятием гегемонии, которое западная наука определяет как субъекта, «являющегося достаточно сильным, чтобы утверждать основные правила, регулирующие международные отношения» [37, с. 34]. В современной системе международных отношений недостаточно быть просто сильным, нужно уметь грамотно и незаметно распространять свои сферы влияния, уметь убеждать. Грубое установление своих правил вызывает недоверие и отторжение у международного сообщества – есть риск не только не встать на лидерские позиции, но и уйти в аутсайдеры.

На смену биполярного мира приходит многополюсный - возникают новые центры, интеграционные процессы, меняются ценности. Процесс трансформации системы может происходить хаотично, т.к. она склонна к саморегулированию, но всегда найдется тот, кто захочет его возглавить. Все чаще применяются методы непрямого воздействия через «мягкую силу». Страны, стремящиеся распространять свое влияние и активно действующие на международной арене, следует называть лидерами или претендующими на лидерство.

Лидер является более тонким психологическим понятием, нежели остальные термины. Д.М. Темников отмечает, что стоит рассматривать «лидерство» как категорию более абстрактного и общего понятия в более мягкой форме, чем «гегемония». Т.А. Шаклеина пишет об этом следующее: «...гегемония — это тоже лидерство, но принуждающее к признанию лидера и подавляющее сопротивление его действиям, в том числе силовыми методами» [38, с. 98].

Однако некоторые характеристики гегемона все же присутствуют и у лидера. Например те, что выделяет А.Д. Воскресенский [39]: обладать эффективным экономическим механизмом, основанным на производстве инновационного типа; иметь главенствующие позиции в мировой торговле и контролировать большую часть крупных транснациональных корпораций; обладать привлекательностью с точки зрения культуры, компетентным руководством и потенциалом общественной жертвенности; постулировать не вызывающую отчуждения идеологию и восприниматься центром мировой науки и образованности.

С опорой на выведенное Р. Кохеном определение гегемона, к обозначенным выше характеристикам, можно добавить обладание возможным лидером достаточным количеством материальных ресурсов [40, с. 106]. Однако новые реалии времени требуют от акторов не только силового и экономического превосходства, но и идейной составляющей. Возникший после распада СССР идейный вакуум, не только в новом государстве, но и

в большинстве новых стран, требует заполнения. Сама история международных отношений в целом полна событиями противостояния идеологий и ценностей. В связи с чем некоторые авторы акцентируют внимание на способности субъекта влиять через распространение политических идей [41].

Дж. Айкенберри определяет лидерство как «власть» или «силу», что выражается в принуждении других к действиям, которые они сами делать бы не стали. Лидерство проявляется в возможности прямо или косвенно формировать интересы и влиять на деятельность других [42]. В то же время Э. Я. Баталов подчеркивает, что нельзя сводить лидерство к понятиям господства, доминирования, гегемонии, первенствования и выделяет следующие критерии лидерства:

- лидер, обладая необходимыми для этого ресурсами, играет важную роль в социально-политических процессах, протекающих в рамках данной общности, и регулировании отношений между членами этой общности;
- лидер обладает общепризнанным (в рамках данной общности) авторитетом и рассматривается как пример для подражания;
- лидер обладает способностью к эмпатии, т.е. умению входить в положение другого и учитывать это при принятии решений;
- лидер несет ответственность перед ведомым и за проводимый им политический и экономический курс;
- лидер, как правило, превосходит других по своей интегральной силе, позволяющей ему проводить принятые решения в жизнь и тем самым осуществлять свои лидерские функции [43].

А. Вендта, отмечает два условия, которые присущи только лидеру, – выстраивание структуры взаимоотношений через гегемонию и удержание лидерских позиций через формирование механизмов управления и регуляции международных отношений [44].

Обозначенные критерии касаются преимущественно поведения лидера на международной арене и его возможностях, однако следует также принимать во внимание масштаб и степень влияния лидера. Существует три общепринятых уровня – глобальный (мировой), региональный и локальный.

Более точное определение понятию международного лидерства дал А.Д. Богатуров: «ситуация, при которой субъект мировой политики имеет объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязывать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы собственной выживаемости в политическом и страновом качестве» [45, с. 11].

Расширяя свое определение, Богатуров вводит понятие «пространственного лидерства». Чтобы правильно понять его значение и пояснить позиции А. Д. Богатурова, Д. М. Темников выводит понятие «типичного лидерства» [46, с. 46], основными характеристиками которого являются:

- односторонний характер принятия решений, без согласования их со своими союзниками или партнерами;
- «наступательная» внешняя политика;
- стремление повысить свое влияние в мире;
- склонность к мессианству.

Преимущественное отличие этих двух понятий заключается в том, как они организуются. «Пространственное» лидерство имеет горизонтальную структуру, позволяя группе примерно равных по потенциалу и ресурсам субъектов осуществлять лидерство преимущественно в региональных системах, т.е. осуществлять «коллективное» лидерство. В свою очередь, «типичное» лидерство выстраивается вертикально, где субъект в одиночку задает параметры развития системы международных отношений, в отличие от «пространственного» лидерства, при котором система сама задает курс развития.

Наряду с «пространственным» лидерством, стоит отметить «консенсусальное» или «мягкое» лидерство – когда лидер, устанавливая свои правила игры, учитывает интересы других акторов международных отношений. Основными чертами указанного типа лидерства являются открытость и либеральность [47]. Открытость выражается в многостороннем обсуждении и вовлеченности в решение мировых проблем. Несмотря на консенсусное принятие решений, идеология должна у всех быть схожей, причем один субъект должен доминировать в идеологическом поле. Здесь лидер продвигает свои интересы на международной арене, имея свободу в своих решениях через «гибкую политику» [48, с. 18]. Примечательно, что лидер может не считаться с принятыми международными обязательствами, если они не совпадают с его представлениями об открытости и либеральности системы международных отношений.

Несмотря на все перечисленные характеристики лидера, они не будут работать без желания их реализовывать. И. Валлерстайна и Б. Рассета, отмечают, что государству недостаточно обладать только возможностями, необходимо желание осуществлять гегемонию [49], а в нашем случае – лидерство. Если личностное лидерство может проявляться само по себе, то, чтобы считаться лидером на международной арене, нужно приложить усилия и иметь к этому стремление.

Таким образом, лидерство можно обозначить как ведущую роль актора или группы акторов на международной арене, изъявивших желание эту роль осуществлять. Под лидерством также понимается деятельность, направленная на управление поведением акторов международного процесса и формирующая принципы развития системы международных отноше-

ний. Однако понятие лидерства не столь широкое, как глобальное управление. Лидер лишь дает направление развития мировой политики и влияет на ее повестку.

Сегодня понятия личностного и странового лидерства остаются дискуссионными. Более сложным вопросом является проблема взаимозависимости этих двух измерений лидерства на международной арене – комплексных исследований по данной теме недостаточно для выявления каких-либо закономерностей. Однако неоспоримым фактом остается то, что феномен лидерства характерен для системы международных отношений и выступает как комплексное явление, дополняющее ее. Лидер действует с опорой на международную коалицию, межгосударственные институты, в целом соблюдает принятые международные нормы. Теоретические подходы к изучению личностного и странового лидерства дополняют друг друга, их сочетание позволяет изучать конкретные практики в международных отношениях.

Исследователи пытаются выявить объективные параметры, по которым страна или человек могли бы называться лидером, – в личностном лидерстве это набор психологических качеств и черт, в страновом – политико-экономические и социокультурные характеристики. Более того, развитие ценностной концепции лидерства, в которой эффективный лидер оказывает непосредственное влияние на нормативную и ценностную базу конкретного общества соотносится с критериями лидерства стран, т.к. мировой лидер должен определять путь развития мирового сообщества и увлекать за собой идеей, быть склонным к мессианству, распространяя ценности, как это делает, например, США. Стоит также отметить, что франкфуртская школа со своей концепцией «авторитарной личности» и фокусировкой внимания на вопросах взаимоотношений лидеров и их последователей явно соотносится с представлениями о «гегемоне» в страновом лидерстве, а также с теорией «типового» и «пространственного лидерства».

Несмотря на схожесть в теориях странового и личностного лидерства, в последнем большее внимание уделяется природе его возникновения, в то время как лидерство в системе международных отношений определяется преимущественно материальными факторами и ресурсами. Однако при анализе международных ситуаций следует учитывать, что личностное и страновое лидерство неразрывно связаны, вопрос лишь в соотношении. Страновое лидерство может сохраняться инерциально и после ухода лидера, но с течением времени на мировой арене появится новый актор, готовый сдвинуть страну с пьедестала.

Отличительная черта лидерства заключается в способности формирования траектории развития системы международных отношений, а не сохранять свой статус-кво. Решение о направлении внешнеполитического

курса принимает преимущественно глава государства, в связи с чем нельзя оставлять без внимания его личностные особенности.

Список литературы

1. News improves for the Britain on the Eastern Front and North Africa [Электронный ресурс] URL: <https://winstonchurchill.org/the-life-of-churchill/war-leader/1940-1942/autumn-1942-age-68/> (дата обращения: 28.07.2021 г.)
2. Bass B.M., Stogdill R.M. Bass & Stogdill's handbook of leadership: theory, research, and managerial applications. 3rd ed. London: Free Press, 1990. P. 182.
3. Stogdill R. Personal factors associated with leadership. P. 26–27.
4. Jennings E.E. An anatomy of leadership: princes, heroes, and supermen. New York: Harper, 1960.
5. Stogdill R. Handbook of leadership. A survey of theory and research. N.Y., 1974.
6. Troeltsch E. Die Bedeutung des Protestantismus für die Entstehung der modernen Welt, Schutterwald. Baden, 1997.
7. Bennis W. Leaders: The Strategies for Taking Charge. N.Y.: Harper Business, 2007.
8. Бендас Т.В. Гендерная психология лидерства: монография Оренбург: ИПК ОГУ, 2000. С. 50–53.
9. Boggs D.B. Literary perceptions of leadership. Doctoral dissertation, University of San Diego. San Diego, 1990.
10. Boggs D.B. Literary perceptions of leadership. P. 140.
11. Henrickson R.L. Leadership and culture. Doctoral dissertation, University of San Diego. San Diego, 1989. P. 100—102.
12. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Прогресс, 1990. С. 138.
13. Вебер М. Там же. С. 139–140.
14. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2005. С. 150–161.
15. Эриксон Э. Психология и психоанализ власти. Самара: Бахрах-2, 1999. С. 449–480.
16. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон, двадцать восьмой президент США. Психологическое исследование (пер. с англ.). М.: Прогресс, 1992. С. 155–187.
17. Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика. М., 2005. С. 154.
18. Баязитов Р.Ф. Авторитарный стереотип: сущность и проявления в социальных взаимодействиях. Нижнекамск: НМИ, 2006. С. 112–116.
19. Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. 1914-1939 гг. М.: Институт философии РАН, 2008.

20. Кретов Б.И. Современные западные концепции лидерства. С. 75–84.
21. Stogdill R. Handbook of leadership. A survey of theory and research. N.Y., 1974. P. 88–90.
22. Blank W. The 108 Skills of Natural Born Leaders. N.Y., 1986. P.169–185.
23. Мень М.А. Лидерство как социальный и личностный феномен: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. С.78–85.
24. Такер Р. Сталин: путь к власти. 1879-1929. История и личность. М., 1990. С. 302–304.
25. Klein K.J., House R.J. On fire: charismatic leadership and levels of analysis // Leadership: the multiple - level approaches: contemporary and alternative. Monographs in organizational behavior and industrial relations: Vol.24. Part.B. // Dansereau F., Yammarino F. J. (eds.) Stanford. 1998. P. 3–52.
26. Пономаренко Т.В. Социально-психологические особенности политического лидерства женщин: дис. канд. психол. наук. М., 2001. С. 53–56.
27. Андриянченко Е.Г. Теоретический анализ проблемы лидерства в зарубежной социальной психологии // Молодой ученый. 2012. №10. С. 256–258.
28. Келлерман Б. Обновленное лидерство: политика и бизнес. С. 99.
29. Kuczmariski S., Kuczmariski Th. Values-Based Leadership. Englewood Cliffs. N.Y., 1995. P. 185–191.
30. Андриянченко Е.Г. Теоретический анализ проблемы лидерства в зарубежной социальной психологии // Молодой ученый. 2012. № 10. С. 260.
31. Шестопал Е.Б. Психологические особенности российских политических элит и рядовых граждан // ПОЛИТЭКС. 2015. С. 8.
32. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992
33. Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник. М., 2018.
34. Китов А.И. Актуальные проблемы политической психологии // Психол. журн. 1985. Т. 6, № 6;
35. Рощин С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М., 1980
36. Личность политика: теория и методология психологического портретирования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2011. 264 с.
37. Keohane R. The Theory of Hegemonic Stability and Changes in International Economic Regimes, 1967-1977. P. 34.
38. Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: ИСКРАН, 2002. С. 98.
39. Воскресенский А. Д. Китай в контексте глобального лидерства? // Международные процессы. 2004. № 2. Май–август.
40. Keohane R. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. Boulder, CO: Westview Press, 1989. P. 106.

41. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990; Cox R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Journal of International Relations. 1983. № 2. P. 162-175.
42. Ikenberry J. The Future of International Leadership // Political Science Quarterly. Fall 1996. No. 3. P. 388.
43. Баталов Э. Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера // Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / Отв. ред. А. Д. Богатуров, Т. А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2010. С. 41–45.
44. Wendt A. Constructing International Politics // International Security. 1995.
45. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997, С.11
46. Темников Д. М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе: Научное издание / М.: Аспект Пресс, 2011. С. 46.
47. Темников Д.М. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе // Международные процессы. 2003. №2 (2).
48. Шаклеина Т.А. Современные американские концепции мирового лидерства. М., 1999. С. 18.
49. Russett B. World Politics: The Menu for Choice. New York, 1985. P. 535.

Майорова Мария Алексеевна, аспирант, alex1996m5@inbox.ru, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова,

Лебедева Екатерина Игоревна, аспирант, bingobol@yandex.ru, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

PERSONAL AND COUNTRY FACTORS OF LEADERSHIP IN INTERNATIONAL RELATIONS: THEORETICAL APPROACHES

M.A. Mayorova, E.I. Lebedeva

The article discusses the main theoretical approaches to personal and country leadership and their characteristics. The problem of insufficient degree of scientific development of leadership in international relations is outlined. The authors conclude that personal and country leadership are inextricably linked. The definition of the trajectory of the development of the system of international relations depends on the understanding of the degree of this correlation.

Key words: leadership, system of international relations, personal leadership, country leadership.

Mayorova Maria Alekseevna, postgraduate, alex1996m5@inbox.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University,

Lebedeva Ekaterina Igorevna, postgraduate, bingobol@yandex.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ VS КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ: ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ

Д.В. Алексеев, П.С. Копылова, И.А. Помигуев

Рассмотрен разрыв, существующий между карьерными ожиданиями и траекториями молодых ученых и студентов, обучающихся по направлению «Политология» и смежным специальностям. Для того, чтобы понять причины неудовлетворенности молодых людей карьерными перспективами, необходимо оценить потребности, связанные с их профессиональным будущим. Эта задача была реализована с помощью факторного и ANOVA-анализа результатов анкетирования молодых политологов. Полученные данные свидетельствуют о противоречиях во взглядах молодых ученых на будущую профессию. В частности, есть разночтения между мотивами поступления на специальность и приоритетами в выборе будущей работы, между оценкой перспективности тех или иных профессий и желаниями самих молодых людей. К тому же было выявлено, что чем старше молодой ученый, тем с большей вероятностью он выбирает профессиональную траекторию, связанную с исследованиями и аналитикой, а студенты бакалавриата (особенно младших курсов) считают государственную службу и политическую деятельность наиболее перспективными направлениями самореализации.

Ключевые слова: карьерные траектории, карьерные ожидания, идентичность молодых исследователей, кризис идентичности.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, в рамках научного проекта № 21-011- 32262.

На сегодняшний день проблема самоидентификации и самореализации молодёжи стоит достаточно остро [1]. Не исключением являются и молодые ученые, занимающиеся исследованиями в области социально-гуманитарных наук. Отсутствие карьерных перспектив и четких представлений о профессии, неясное будущее после получения высшего образования – те факторы, которые негативно влияют на морально-психологическое состояние обучающихся, что в конечном счете может приводить к социальной и политической напряженности в молодежной среде, особенно в той, что активно интересуется политическими явлениями и процессами.

Вопрос о карьерных ожиданиях и перспективах молодых исследователей и студентов непосредственно связан с вопросом об их идентичности. Как правило, термин идентичность используют, когда хотят подчеркнуть принадлежность индивида к какой-либо общности. Согласно классификации Р. Родса [2], молодых политологов и начинающих исследователей в области социальных наук можно отнести к профессиональным (эпистемическим) сетям. Появляется вопрос относительно критериев идентификации себя как члена такой сетевой группы. Критерии для уже зрелых специалистов-политологов, например, наличие ученой степени, «работа по специальности», преподавание на профильных образовательных программах в

данном случае не подходят [3]. Сталкиваемся мы здесь и с проблемой междисциплинарности и размытости профессионального поля [4], поскольку молодым политологом может считаться и тот, кто получает «неполитологическое» образование, но занимается изучением политических явлений и процессов (философ, социолог, юрист и др.).

Все эти причины становятся катализаторами возникновения дефицита идентичности в молодежном научном сообществе. Возможно, он также довольно органично вплетён в недостаток идентичности, которые многие испытывают ещё с 1990-х гг. [5]. Однако основа этого дефицита другая: молодые ученые, политологи опасаются, что их навыки и знания будут не востребованы за пределами университета.

В частности, в ходе проведения цикла круглых столов «Знание о политике: как получить и где применить?», организованных в двадцати регионах России, студенты не раз делились своими опасениями по поводу бесполезности и низкой востребованности получаемых ими знаний и навыков: «политологи... не понимают, чем они будут заниматься, когда получают диплом» [6]. Отметим, что с такой проблемой в той или иной степени сталкивается большое количество молодых людей: согласно опросу Фонда общественного мнения, проведенному в 2019 году, 22 % респондентов назвали именно трудоустройство главной проблемой современного студенчества [7].

Раскол между карьерными ожиданиями и реальными профессиональными траекториями

Проблемным полем предложенного исследования являются противоречия между карьерными ожиданиями молодых ученых и реальными возможностями построения профессиональной карьеры, в том числе с учетом ситуации на рынке труда. Мы не можем однозначно утверждать, что это противоречие является значимой причиной ощущения невостребованности в профессии. Например, в действительности выпускник редко может сразу по окончании вуза получить «работу мечты», которая одновременно и интересна, и высокооплачиваема. Именно на период последних годов обучения приходится момент столкновения «с правдой», когда собственные ожидания расходятся с реальной ситуацией, в том числе и с условиями рынка труда.

Тема этого расхождения также поднималась и в ходе экспертных интервью, проводившихся с людьми, которые сегодня строят успешную карьеру в профессии, а ранее были активными членами сообщества молодых политологов [8]. Одна из интервьюируемых отметила, что молодые исследователи должны проявлять активность и таким образом находить собственную карьерную траекторию: «...не считаю, что кто-то придет и даст. Надо крутиться, шевелиться и придумывать, всегда самим предлагать эти форматы, и, возможно, что-то выстрелит». Подобный взгляд на проблему понятен, так как для нахождения эффективной карьерной траектории ва-

жен процесс накопления опыта и символического капитала ещё в студенческий период [9].

Однако для того, чтобы понять какие стратегии могут помочь адаптироваться молодым политологам в профессиональной среде, нужно более подробно выяснить, жалеют ли они о выборе специальности? Какие факторы с их точки зрения влияют на трудоустройство? Какие препятствия могут возникнуть при поиске работы? Какие варианты профессий наиболее предпочтительны для молодых политологов? Чтобы получить ответы на эти вопросы, был проведён социологический опрос молодых людей, изучающих политологию и смежные специальности (молодых политологов).

Характеристика выборки и методы обработки данных

В опросе приняло участие 133 респондента, средний возраст которых составил 22 года (медианный – 21 год), из них 52,6 % мужчин и 47,4 % женщин. Две трети участников опроса непосредственно обучаются по специальности «Политология» (66 %). Также статистически значима доля обучающихся по специальности «Международные отношения» (9 %) и «Государственное и муниципальное управление» (8 %). Если говорить про уровень образования, то более половины опрошенных обучаются на бакалавриате (53,4 %), 14,3 % в магистратуре, 12 % на аспирантских программах. При этом 6 % закончили бакалавриат и решили не продолжать обучение, 7 % респондентов закончили магистерские программы и не продолжили обучение в аспирантуре. Репрезентативность выборки оценивалась по официальным данным Министерства науки и высшего образования о количестве обучающихся по направлению «Политология» [10].

Чуть больше половины участников опроса обучаются в региональных вузах (52,6 %), при этом в столичных, соответственно, 47,4 %. Практически идентичны данные по месту жительства респондентов: в Москве и Московской области – 45,1 %, в других регионах и странах – 54,9 %. В настоящее время обучаются в вузе 44,4 % от общего числа принявших участие в опросе. Совмещают работу и учебу 36,8 % опрошенных. Таким образом, почти 81 % респондентов в том или ином виде продолжают процесс обучения. 15 % уже закончили процесс обучения и сосредоточены исключительно на профессиональной деятельности. Вариант «другое» (подготовка к защите кандидатской диссертации, безработный, самозанятый) выбрали 3,8 % респондентов.

При статистической обработке данных применялись следующие виды анализа: факторный и ANOVA. Факторный анализ был применен в варианте метода главных компонент с подпрограммой поворота осей «varimax». При интеграции использовались следующие показатели:

➤ вес фактора отражает долю в общей дисперсии, вносимую конкретным фактором;

➤ каждая переменная в определенном факторе имеет свою математическую «нагрузку», значение - коэффициент корреляции (связи) с фактором в целом (чем больше значение корреляции, тем в большей степени переменная отражает общий смысл фактора).

Для проверки пригодности данных применялась процедура подсчета коэффициента Kaiser-Meyer-Olki (КМО коэффициент). Кроме того, учитывалась статистическая значимость при помощи Barlett-Test.

ANOVA-анализ направлен на исследование значимости различий средних значений показателей гомогенных (по определенному признаку) групп между собой.

Основные результаты исследования

По результатам обработки данных, полученных в ходе анализа, были выявлены некоторые противоречия во взглядах молодых людей как на процесс обучения, так и на собственные карьерные перспективы (рис. 1).

Так, среди мотивов поступления однозначно доминировал интерес к направлению обучения и всё, что с этим связано (84,2 %). Возможность успешного построения карьеры как мотив поступления на специальность «проиграла» более, чем на 50 %. Большинство респондентов также не жалеют о выборе вуза и специальности. Суммарно почти 70 % опрошенных заявили, что не изменили бы своего решения относительно направления подготовки, будь у них такая возможность. Среди политологов данный показатель еще выше – порядка 75%. Однако стоит отметить, что почти четверть респондентов сожалеют о поступлении в собственный вуз.

Рис. 1. Основные причины выбора специальности (в % от общего числа опрошенных)

Примечателен контраст этих данных опросу, проведенному ВЦИОМ, который определил, что большинство респондентов не хотят, чтобы их дети получали политологическое образование, а также связывали свою профессиональную деятельность с политикой. «Скорее нет» и «безусловно нет» ответили 72 % участвующих в опросе [11].

Ситуация серьезно меняется при рассмотрении ответов на вопрос о выборе места трудоустройства. Здесь на первое место выходит финансовая составляющая вопроса – 62,4 %. При этом, на эти вопросы анкеты отвечали одни и те же респонденты. Однако ответ «интерес к политике и политологии» выбрали совсем немного меньшее количество респондентов – 60,2 % (в данных вопросах был допустим выбор нескольких вариантов ответов (не более трёх)).

Рис. 2. Наиболее важные критерии при трудоустройстве (в % от общего числа опрошенных)

Таким образом, приоритеты в выборе образовательной программы и при трудоустройстве существенно различаются. Это можно объяснить недостаточной сформированностью жизненных приоритетов. Дефицит идентичности, о котором было упомянуто в начале статьи, имеет источник не только в виде ограничений внешних возможностей, но и неопределенности внутренних ориентиров и потребностей. В условиях меняющегося мира кризис идентичности все больше становится обыденностью, и молодёжь это чувствует особенно остро. Если не предпринять активные шаги в направлении укрепления и развития идентичности (например, поддержка и развитие молодежных и научных сообществ), то кризис может проявиться еще острее [12].

Противоречия были также зафиксированы и между теми политологическими профессиями, которые респонденты посчитали перспективными и теми, с которыми они бы хотели связать свою жизнь. Участники анкетирования считают политическую аналитику и экспертизу наиболее востребованной сферой деятельности (1,6 балла при максимальных 2 баллах) (см. табл).

Оценка респондентами востребованности различных направлений деятельности при построении будущей карьеры (результаты ANOVA-анализа)

Категория респондентов	Средний балл	Уровень значимости
Медиа, политическая журналистика		
мужчины	1,1	0,03
женщины	1,4	
Работа в сфере образования		
Респонденты, обучающиеся/обучавшиеся на специальности «Политология»	0,1	0,011
Респонденты, обучающиеся/обучавшиеся на других специальностях	0,7	
Студенты-бакалавры	0,1	0,019
респонденты с другим уровнем образования*	0,6	
Проведение избирательных кампаний		
Респонденты, обучающиеся/обучавшиеся на специальности «Политология»	1,4	0,019
Респонденты, обучающиеся/обучавшиеся на других специальностях	1	
PR-коммуникации		
Респонденты, обучающиеся/обучавшиеся на специальности «Политология»	1	0,019
Респонденты, обучающиеся/обучавшиеся на других специальностях	0,6	
Политическая деятельность (политик)		
Студент-бакалавр 1 курса	1,4	0,036
Студент-бакалавр 2 курса	1,5	
Студент-бакалавр 3 курса	0,7	
Студент-бакалавр 4 курса	0,7	

Возможно, такое распределение мнений отчасти обусловлено популяризацией этого направления деятельности за последние годы, возросшей

публичностью представителей данной профессии. Также показатели выше одного балла получили научно-исследовательская деятельность, GR и взаимодействие с органами власти, медиа и политическая журналистика, общественная деятельность, работа в государственных и муниципальных органах власти, проведение избирательных кампаний, что можно интерпретировать, как «скорее востребована». Значение в вопросах о наиболее приоритетной и востребованной политологической профессии и о том, где они сами хотят работать были посчитаны посредством нахождения среднего арифметического значения. Респонденты оценивали востребованность и приоритетность каждой из профессий, выставляя оценки по шкале от «2» до «-2», где «-2» - точно нет, а «2» - безусловно да.

В отношении собственного трудоустройства респонденты были менее определены в своих ответах. Так, большинство результатов распределились в диапазоне от 0,4 до 0,8 баллов. Лидером предпочтений вновь оказалась политическая аналитика и экспертиза. Обратим особое внимание на крайне низкую популярность работы в сфере образования у политологов (всего 0,1). Данный вывод вызывает тревогу, так как работа в сфере образования часто подразумевает научную деятельность, а низкое желание связывать свою жизнь с этими сферами чревато проблемами со сменой поколений в научном сообществе.

Если говорить про конкретные карьерные траектории студентов, то факторный анализ позволил выявить карьерные направления, которые равнозначны для опрошенных. Респондентам предложили дать общую оценку направлений деятельности, которые они считают наиболее востребованными для студентов по специальности «Политология» при построении будущей карьеры, а также сферы, в которых они бы хотели работать. В итоге анализ выявил три траектории, которые являются наиболее приоритетными для молодых политологов:

1. политическая деятельность, государственная служба, а также GR;
2. медиа, PR, проведение избирательных кампаний;
3. научно-исследовательская деятельность, образование, политическая экспертиза, общественная деятельность.

Говоря о *первой траектории*, то в ней доминирующим видом деятельности все же является государственная служба и политическая деятельность. Взаимодействие с органами государственной власти (GR) также значимо, однако находится на периферии. Можно отметить и слабую корреляцию с таким направлением деятельности, как проведение избирательных кампаний, что указывает на существующую взаимосвязь в сознании респондентов. При том, что основным мотивом трудоустройства здесь является высокая заработная плата, стремление к профессиональной самореализации в системе госуправления более характерно для студентов бакалавриата.

Вторая траектория включает в себя проведение избирательных кампаний, медиа и PR. Факторные нагрузки категорий несколько ниже, чем в других траекториях, что говорит об их меньшей взаимосвязи друг с

другом. Данная траектория более характерна для студентов смежных специальностей, принявших участие в опросе. Зарплатные ожидания респондентов с подобными карьерными предпочтениями несколько выше, чем в среднем по выборке. Отметим, что они в меньшей степени рассчитывают на помощь ВУЗов при трудоустройстве.

Фундаментом *третьей траектории* стала исследовательская деятельность. Планы на самореализацию именно в этой отрасли объединяют респондентов, отмечавших сферу образования, политическую экспертизу, общественную деятельность. Ключевыми характеристиками участников опроса с подобными карьерными предпочтениями являются интерес к политике и политологии, самореализация в выбранной профессии, а также общественная значимость своей деятельности, возможность приносить пользу обществу. Кроме того, была выявлена одна особенность: чем старше респонденты, тем выше вероятность выбора именно траектории, связанной с исследованиями и аналитикой.

Главными препятствиями для нахождения работы по специальности являются прежде всего невостребованность профессии на рынке труда и отсутствие связей, чтобы попасть на желаемую должность (рис.3). Также значимыми факторами оказались неблагоприятные социально-экономические условия, политическая ситуация, которая не способствует работе по специальности для политолога и нехватка опыта и знаний, полученных в вузе.

Рис. 3. Препятствия в поиске работы по специальности (в % от общего числа опрошенных)

Данные ответы безусловно справедливы и объективны, однако наличие на верхних строчках «отсутствие связей» в качестве препятствия для построения карьеры говорит о том, что студенты часто предпочитают рас-

считывать на других людей, а не на собственные навыки и компетенции. Это подтверждают и другие опросы ведущих социологических компаний. Например, согласно опросу ВЦИОМ, каждый пятый россиянин считает, что устроиться сразу после окончания ВУЗа по специальности практически невозможно. Также за 2009 – 2019 гг. на 5% выросла доля людей, которые считают, что найти работу выпускнику удастся с большим трудом [13].

Помочь в построении карьеры могут научные и студенческие сообщества. По крайней мере, так думает значительная часть студентов и молодых ученых. Среди тех, кто относит себя к политологическому сообществу, 52 % рассчитывают на помощь коллег при трудоустройстве. Подобное доверие свидетельствует, прежде всего, о потенциале молодежного политологического сообщества. Исследователи определяют идентичность в том числе и через принадлежность к сообществу и общность черт и характеристик [14]. Более того, сообщества, которые основаны на «чувстве принадлежности, общности интересов, которые складываются в процессе социализации индивидов» являются наиболее прочными [15, с. 118]. Поиск нового знания, трудоустройство, стремление реализоваться в профессии – достаточно мощные общие интересы и потребности, которые работают как на пользу сообщества, так и помогают каждому из его участников.

Общие выводы

В целом можно утверждать, что противоречия, которые были выявлены во взглядах молодых политологов на выбор образовательных программ для обучения и собственные карьерные траектории, действительно указывают нам на неопределенность их будущих карьерных планов и ожиданий. В то же время подобные результаты показывают, что молодые люди на протяжении всего обучения ищут себя в карьере. Если этот процесс выражается в стремлении опробовать как можно большее количество профессий, например, в виде стажировок и практик, то это является позитивным моментом.

Однако подобный поиск часто нуждается в определении границ возможностей, целей и вектора движения, поэтому актуальна разработка стратегий адаптации молодых ученых и студентов, в том числе и тех, которые обучаются на политологической или смежной специальностях. Среди таких стратегий можно отметить:

1. профориентационные курсы, которые могли бы стать навигатором для студентов в мире политологических профессий;
2. студенческие практики и стажировки. Причем поиском таких мест и организаций должны заниматься не только университеты, но и сами обучающиеся, ведь лучшую карьерную траекторию молодой ученый может создать лишь самостоятельно;

3. участие в студенческих, в том числе и научных мероприятиях, где есть возможность получить опыт и даже личную консультацию, как у исследователей, так и практикующих политологов.

Список литературы

1. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119-138. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

2. Rhodes R. Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham, Philadelphia: Open univ. press, 1997. 252 p.

3. Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / редкол.: О.Ю. Малинова (отв. ред.), С.В. Патрушев, Я.А. Пляйс, В.В. Смирнов. М.: РАПН : РОССПЭН, 2008. 463 с.

4. Малинова О.Ю. Кто формирует общественное «лицо» профессии: сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ // Политическая наука. 2015. № 3. С. 225-237.

5. Дилигенский Г. Г. Индивидуализм Старый и новый личность в постсоветском социуме // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. С. 5–15.

6. Знания о политике: как получить и где применить?: Сборник материалов по итогам цикла региональных круглых столов / под общ. ред. И.А. Помигуева, П.С. Копыловой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 480 с.

7. Сообщество молодых политологов: Сетевой анализ: Коллективная монография / И. А. Помигуев, Д. В. Алексеев, П. С. Копылова [и др.]. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 324 с.

8. Студенчество: опрос ФОМ о современном российском студенчестве. 23.11.2019 // Сайт Фонда общественное мнение. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14277> (дата обращения: 08.01.2022).

9. Бурдые П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Электронный журнал. 2020. Т. 3, № 5. С. 60–74.

10. Сведения о численности студентов по курсам, направлениям подготовки и специальностям // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-po-kursam-napravleniyam-podgotovki-i-spetsialnostyam> (дата обращения: 08.01.2022).

11. Профессия: политолог. 17.09.2020 // Сайт Всероссийского Центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professiya-politolog> (дата обращения: 08.01.2021).

12. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59.

13. День студента: зачем идти учиться. 25.01.2019 // Сайт Всероссийского Центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-studenta-zachem-idti-uchitsya> (дата обращения: 09.01.2022).

14. Сообщества как политический феномен / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

15. Calhoun C. Nationalism, Political Community and the Representation of Society Or, Why Feeling at Home is not a Substitute for Public Space // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2, N 2. P. 220.

Алексеев Дмитрий Владимирович, аспирант, mityaalexeev@yandex.ru, Россия, Москва, РАНХиГС при Президенте РФ,

Копылова Полина Сергеевна, аспирант, polya_kopylova@mail.ru, Россия, Москва, ФНИСЦ РАН,

Помигуев Илья Александрович, канд. полит. наук, доц., pomilya@mail.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

CAREER TRAJECTORIES VS CAREER EXPECTATIONS OF YOUNG POLITICAL SCIENTISTS: THE PROBLEM OF CORRELATION

D.V. Alekseev, P.S. Kopylova, I.A. Pomiguyev

Within the framework of this article, the gap that exists between career expectations and trajectories of young scientists and students studying in the direction of "Political Science" and related specialties is considered. In order to understand the reasons for young people's dissatisfaction with career prospects, it is necessary to understand the needs associated with their professional future. For this, a survey was conducted, the data of which were analyzed by means of factorial and ANOVA analysis. The results obtained testify to the contradictions in the views of young scientists on the future profession. In particular, there are discrepancies between the motives for entering a specialty and the priorities in choosing a future job, those professions that young people consider promising and those that they themselves would like to connect life with. In addition, it was found that the younger a scientist, the more likely he is to choose a professional trajectory related to research and analytics, and undergraduate students (especially undergraduate students) consider public service and political activity to be more promising.

Key words: career trajectories, career expectations, young researchers' identity, identity crisis.

Alekseev Dmitry Vladimirovich, postgraduate, mityaalexeev@yandex.ru, Russia, Moscow, RANEPА under the President of the Russian Federation,

Kopylova Polina Sergeevna, post-graduate student, polya_kopylova@mail.ru, Russia, Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Pomiguyev Ilya Alexandrovich, candidate of political sciences, associate professor, pomilya@mail.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАПРОСА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КАПИТАЛИЗМА

С.П. Митрахович, Д.В. Петросянц, Р.В. Антошкин

Рассматривается проблема политического, социального и интеллектуального запроса в современном обществе на трансформацию капитализма, на уход от традиционного капитализма к «капитализму всех заинтересованных сторон». Особое внимание уделяется вопросам взаимосвязи нового капитализма и политико-ценностных установок общества, а также борьбы за идентичность как драйвера фундаментальных изменений в обществе и идеологии.

Ключевые слова: капитализм стейкхолдеров, общественное мнение, политические взгляды, идеологии, политические партии.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

Технологический прогресс и инновации давно рассматриваются как один из драйверов для социально-экономической и политической трансформации. Интеллектуальный след подобной объяснительной парадигмы можно проследить, как минимум, от марксизма до социально-футурологических концепций второй половины XX века. Некоторые из концепций прямо объясняли настоящее и будущее развитие через призму роли технологий. Например, различные меритократические интерпретации теории элит середины века указывали на предстоящую и уже начавшуюся трансформацию капитализма в силу усложнения технико-производственных и соответственно управленческих отношений в обществе, с которыми могли справиться только специалисты («менеджеры»), а сам капитализм при этом превращался бы в общество меритократии.

Интересно, что логика авторов меритократических концепций предполагала в итоге движение в том же направлении и социалистических обществ, которые хотя и были идеологической противоположностью капитализма, но подвергались бы сходным тенденциям необходимости передачи основных полномочий меритократам и технократам. То есть само по себе развитие техники и связанной с ней социальной организации неизбежно подстегивало бы идеологически по-разному устроенные общества к определенному сходству в некоторых аспектах эволюции. В дальнейшем о той или иной форме возможной конвергенции капитализма и социализма писали многие иные авторы (Дж.Гэлбрейт и т.д.). В одной из главных концептуальных работ по постиндустриальному обществу (Д.Белл, «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования») проводится мысль о фундаментальном факторе значимости все более творче-

ского характера труда в современной экономике, где все большую роль занимает сектор услуг, наука и инновации.

Творческий характер труда как раз объединяет концепцию постиндустриализма с параллельно существовавшими в мире в то время, да и настоящее время также, коммунистическими и социалистическими доктринами. В идеале общество будущего и в трансформированном капитализме, и в трансформированном социализме оказывается неким сообществом творчески работающих специалистов/меритократов/менеджеров, которые способны с выгодой для себя использовать новые возможности науки и техники. При этом параллельно внимание многими авторами обращалось на риски («Футурошок» Э.Тоффлера и др.) из-за стремительного внедрения новых технологий. Речь шла как о рисках для отдельной личности, так и для сообщества людей в целом, в том числе обсуждались и риски для гражданского общества, которое может быть подавлено государством с помощью все тех же достижений технологического прогресса (сценарии дистопии / антиутопии).

Очевидно, что с учетом наследия обществоведческой и гуманитарной мысли последних десятилетий, логично рассматривать технологический прогресс и как возможность для развития гражданского общества, гражданских инициатив по самоорганизации и самоуправлению на базе распределенных систем кооперации и коммуникации, и как риски подавления гражданского общества со стороны государства на базе все тех же технологических открытий. Отдельным, хотя и взаимосвязанным с проблематикой гражданского общества сюжетом оказывается возможность для наиболее сильных рыночных агентов «знать все о человеке» за счет анализа его «электронного следа поведения» и реализовывать на новом уровне капиталистическую эксплуатацию этого знания.

Социально-психологический и собственно политический запрос на трансформацию капитализма имеет солидную предысторию, которая менялась вместе с изменениями в самом капитализме.

Первой причиной возникновения запроса (в его условно современной форме, считая с середины XX века) на «более социальный» капитализм стоит считать рост потребностей за пределами удовлетворения базового уровня материальной жизни («переход вверх» по пирамиде Маслоу). Быстрый поствоенный рост благосостояния в США вообще создал целую традицию для американских политиков и экспертов бесконечно в рамках актуальных дискуссий «возвращаться в 1950-е годы» с точки зрения обсуждения возможности использования на новом уровне прежних рецептов. Даже для демократов 1950-е годы в целом воспринимаются как время того необходимого материального прогресса, которое смогло подготовить столь ценный левыми либералами социальный и культурный прогресс шестидесятых. Для республиканцев пятидесятые годы вообще воспринимаются чуть ли не как «золотой век», а Д. Трампа и его идеологических сторонни-

ков даже обвиняли в попытках «политического ретрофутуризма на базе 1950-х гг.», то есть в стремлении видеть будущее через повторение стандартов «недостаточно прогрессивных», с точки зрения левых либералов, 1950-х гг. [7].

Рост благосостояния спровоцировал логичный интерес к самореализации людей на социальном и социально-политическом уровнях. Фактически в данный период произошла очередная (в исторических масштабах) значимая трансформация конфликта между социальными авангардистами и социальными консерваторами. [9]. Метафорически этот конфликт часто описывается как «лево-правый» дуализм, сохраняющий свою актуальность, несмотря на многочисленные новые аспекты политики, приходящие с каждым десятилетием, особенно учитывая темп времени Новейшей истории (с начала XX века). Однако само по себе противостояние сторонников социальных инноваций («левых») и сторонников консервации социальной реальности («правых») никуда не уходит, а лишь преобразуется. И сохраняется вечный вопрос о том, до какого уровня радикализма можно и нужно доходить в желании увидеть социальный авангардизм и социальный прогресс (или псевдопрогресс) и какой уровень сопротивления этим социальным изменениям можно себе позволить. В этом смысле слова в каждый конкретный момент времени в каждой стране существует свой уровень авангардизма («каких социальных инноваций хотим достичь») и свой уровень консерватизма («что именно мы собираемся консервировать»). Сходная логика подобного исторического развития консерватизма была подробно описана С. Хантингтоном в его знаменитой статье о консерватизме 1957 года [4].

Экономический рост послевоенных обществ Запада и укрепление перераспределительных механизмов в рамках welfare state в значительной степени выбил из рук социалистов и их симпатизантов в академической среде классические призывы к борьбе с экономической депривацией и отчуждением. Да, полного отказа от апелляции к идее Маркса о несправедливости экономического устройства капитализма с отделением рабочих от средств производства и лишения их возможности получать истинно соразмерное вознаграждение за свой вклад в процесс производства не произошло. И социалисты, и сблизившееся с ними левое крыло либералов не забывало напоминать, что, скажем, основные экономические активы по-прежнему принадлежат лишь очень небольшому проценту семей и что стать богатым человеком намного проще для выходца из состоятельной семьи, чем ребенку бедных родителей. Интересно, что 1950-1960-е гг. были периодом еще и становления мощной традиции неомарксистской критики внутри теории элит и теории олигархии. То есть параллельно с идеями «академических оптимистов» относительно устройства и судьбы западных обществ (вроде Р. Даля, Т. Парсонса, Л. Козера) распространение получили и взгляды «пессимистов» (вроде Ч.Р. Миллса и Дж. Домхоффа),

подвергавших критике концентрацию реальной власти в западных обществах в руках властвующей элиты, использующей либерально-демократический фасад лишь для прикрытия истинного положения дел.

Но по состоянию на начало второй половины XX века призывать к интеллектуальной и тем более практической борьбе с «олигархией» и за ту или иную форму социалистической революции с экономическими целями стало уже сложно. Банальный рост зарплат, потребительских расходов и общего экономического благосостояния широких слоев населения делал эти призывы недостаточно актуальными. Грубо говоря, стало неясно, зачем американскому или западногерманскому рабочему нужна революция против капиталистов, если он и без нее способен заработать себе денег и на дом, и на автомобиль, и на бытовую технику, и на образование для детей (пусть и не такого высокого уровня, как у представителей буржуазии).

Нельзя не учитывать и фактор внешней политики – в период «холодной войны» слишком активное использование аргументов и терминологии противника (советских коммунистов) было не слишком удобным ходом даже для западных марксистов, критиковавших собственные страны.

В итоге в большинстве стран Запада коммунистам пришлось уйти на периферию политической жизни (даже сильные коммунистические партии Франции и Италии не имели реальных шансов прийти к власти), а социал-демократы сдвинулись в сторону политического центра, сделав свою идеологию более размытой, нечеткой, и потому более приемлемой для избирателей с относительно высоким уровнем благосостояния (для т.н. среднего класса). Ярким примером подобной трансформации стала западногерманская СДПГ. В ответ и консерваторы согласились пойти на уступки, что опять же легко увидеть на примере немецких ХДС/ХСС, провозгласивших своей целью в том числе поддержку «людей труда», а не только класса предпринимателей и прочих высокодоходных – и потому консервативных – слоев общества. Подобную тенденцию сближения идеологических (прежде всего, экономических) позиций партий известный немецкий теоретик политических партий Отто Киркхаймер назвал появлением «всеохватных партий» или «народных» (catch-all). И не зря экономическую политику консервативных – и по названию, и по духу – правительств К. Аденауэра и Л. Эрхарда в ФРГ называли «социальным либерализмом», когда к консервативной ценности классической либеральной конкуренции был добавлен элемент государственного регулирования, этатистской риторики и социальной защиты малоимущих.

Успокоение широких масс и многих интеллектуалов за счет экономического роста и программ социальной поддержки («социальный либерализм» ФРГ, «Великое общество» Линдона Джонсона) в США и пр.) не могли, однако, ликвидировать само стремление части общества к авангардизму. Просто для призывов к «прогрессу» пришлось искать иную опору, раз уж обращение к рабочему классу стало недостаточным актуальным.

Пришлось все в той же логике «поиска несчастных и обделенных» искать иные социальные силы. Которые, в новой интерпретации депривации («лишения») и отчуждения, отделены от мира, в котором они живут, и являются для него «чужими».

И вот тут и пригодилась идея расширения концепции депривации на пространство культуры и идентичности, причем до таких границ, которая и не снилась классическим марксистам. Примеры того, что «есть у социального авангардизма начало – и нет у социального авангардизма конца», и насколько далеко может заходить борьба за все новые и специфические формы «ущемленной идентичности», мы будем приводить далее, в том числе показывая противоречия политики идентичностей и зачастую замены одних форм дискриминаций на иные в ходе борьбы с самой дискриминацией. Реализация «политики идентичности» (*identity politics*) повлияла на поведение политических сил, ставших акцентировать все большее внимание и формулировать свою позицию по вопросам конфликта идентичностей, зачастую оставляя экономическую проблематику в стороне либо как раз связывая ее с вопросами идентичностей (насколько «право на признание» должно обеспечиваться именно за счет налогоплательщиков и т.п.).

Отметим, что понимание неизбежности сосуществования капитализма как экономического режима с социальными конструктами, находящимися с капитализмом во взаимосвязи, присутствовало и в общественных настроениях, и в социальной мысли уже давно. Как минимум со времен Макса Вебера развивается представление о связи культуры конкретного общества, характерной для его членов этики и характера развивающегося в нем капитализма. Идеи Вебера оказались удобны для интеграции в либерально-консервативную доктрину в том виде, в котором она была распространена в англосаксонских и иных западных странах с конца XIX века по начало XXI века, т.е. доктрину, интегрирующую рыночные подходы, христианство и наследие либералов Просвещения, особенно Дж. Локка и американских «отцов-основателей».

Марксизм, подававший себя как преобразовательное и революционное движение, строился на оппонировании либерально-консервативной доктрине и бросал вызов в том числе этической и культурной обоснованности капитализма. При этом смягчение большинства западных марксистских теоретиков и легальных политических партий к середине XX века хоть и привело к отказу от полноценной «революционности», но продвигать запрос на изменение капитализма данные общественные игроки не переставали, требуя все большей «социализации» или «социальности» капитализма, начиная от гарантии прав наемных работников и продвигаясь дальше в сферу экологических и социетальных обязательств бизнеса, вроде поддержания достойной среды обитания для участников производств.

Характеристики среды обитания понимались все более широко, постепенно начав включать аспекты идентичности, когда самовосприятие

человека или социальной группы становится одной из важнейших характеристик качества жизни – а обеспечение защиты ущемленных идентичностей стало восприниматься как задача и для властей, и для бизнеса. Подталкивать к соответствующим изменениям государственную и экономическую систему должно было гражданское общество как «третий сектор». Подобное восприятие задач было характерным для сближающихся идеологий сдвинувшегося от консерватизма «влево» либерализма (он превратился в «левый либерализм») и социализма, вместо требований масштабной национализации перешедшего в сферу требований пересмотра политики в сфере идентичности, то есть борьбы с дискриминацией культурного, интеллектуального, ценностного характера.

Возник своего рода социально-либеральный синтез, на уровне реальной политики закреплённый в идейных построениях леволиберальных и социалистических партий, а на уровне идеологии прописанный в документах вроде манифестов Либерального интернационала. На уровне философского обоснования требований справедливости на уровне политик идентичности основой стал культурный марксизм, Франкфуртская школа и ее дальнейшие постмодернистские интерпретации.

При всем многообразии идей, высказанных в работах «франкфуртцев» Г. Маркузе, М. Хоркхаймера и др., их объединяет внимание и характерное для марксизма «сочувствие» к аутсайдерам общества, тем более помноженное на антифашистский пафос. Фашизм же и нацизм, по своей идейной сути, предполагает принципиальную неприязнь к аутсайдерам, которых необходимо либо уничтожить, либо встроить в общую «корпорацию», в которой их идентичность будет возможна лишь в дозволенной корпорацией пределах. Фашизм, фактически, по своей структурной сути, и есть корпоративизм (пусть у корпоративизма есть и более мягкие, либеральные версии).

Неудивительно, что именно симпатии к аутсайдерам и определили идеологию Франкфуртской школы – это понималось как своего рода моральный долг интеллектуалов общества, пережившего нацизм. Другое дело, что подобные интеллектуальные корни сыграли злую шутку и со многими представителями и самой Франкфуртской школы, и в особенности со многими их последователями, которые стали любыми сомнениями относительно адекватности тезисов о необходимости «социального и культурного освобождения» тех или иных социальных групп и чуть ли не любыми призывы к консервативному подходу называть «фашизмом». Риск получить ярлык «фашиста» во второй половине XX века от представителей культурного марксизма Франкфуртской школы стал неизменным спутником жизни консервативных политиков и интеллектуалов.

Если представителей рабочего класса в современную эпоху за аутсайдеров и потенциальных революционеров выдать сложно, то закономерным образом культурные марксисты обратились к иным группам. В

первую очередь, к женщинам, молодежи и иммигрантам – как новым движущим силам социальной борьбы и социального прогресса. В относительно уязвимом положении и социальном поведении этих групп виделось противодействие консервативным, стандартным схемам жизни в обществе. Просто потому, что женщины воспринимались как более слабые по отношению к мужчинам, молодежь – как более слабая социальная страта по отношению к уже обладающим собственностью и знаниями представителям старшему поколению, а иммигранты – как более слабая сила по отношению к автохтонному, коренному населению той или иной территории.

Интересно, что на ранней стадии работы Франкфуртской школы не фокусировались на проблематике меньшинств. Женщины и молодежь формально не могут быть отнесены к категории меньшинств, однако культурными марксистами в логике поиска «уязвимых групп» они обычно присоединяются к реальным меньшинствам (религиозным, этническим, сексуальным). Тенденцию, при которой внимание марксистской критики к женщинам постепенно смещалось от взгляда на всех женщин вообще к женщинам все более специфических социальных групп с «дополнительными характеристиками», можно проследить на примере последовательно сменявших друг друга «трех волн» теории феминизма.

Важен мотив технологического контроля, также оказавшийся в фокусе работ культурных марксистов и Франкфуртской школы. Повышение уровня комфортности жизни из-за технологического прогресса и связанного с ним экономического роста рассматривается именно как еще одна форма контроля или закабаления, также как и прогресс в средствах массовой коммуникации и технических стандартов для массового образования. По мнению культурных марксистов, проблематика «уязвимых групп» (аутсайдеров) важна уже потому, что к средствам массовой коммуникации и вершинам в сфере образования (преподавания) они допущены в меньшей степени по сравнению со своими конкурентами. По крайней мере, таковой виделась этим теоретикам западная реальность 1950-1970-х гг.

Развитие технологий удаленного образования в последовавшие десятилетия стало еще одним трансформатором повестки дискуссии относительно привилегий и социальных деприваций в сфере образования. С одной стороны, сама возможность учиться и работать удаленно означала экономическую демократизацию, большее количество людей получило необходимые навыки, причем и внутри национальных экономик, и в международном аспекте. Символом данных изменений стали колл-центры в одних странах, обслуживающие клиентов в иных странах (например, индийцы, обслуживающие британцев).

Более образованные люди и способные к эффективному использованию средств коммуникации стали более восприимчивы к лозунгам относительно необходимости борьбы за новую справедливость, их стало легче организовывать через СМИ или социальные сети. Одна из популярных со-

временных концепций политических партий (А. Панебианко) говорит о доминировании сейчас «электорально-профессиональных партий», ориентирующихся на работу через СМИ, социальные сети с помощью специализированных политических менеджеров по коммуникациям и с минимум подключения к работе классических партийных ячеек – все можно и нужно делать удаленно. Эффективность политических мобилизаций через подобные механизмы оказалась очень высока, причем в самых разных странах. Кое-где произошли даже соответствующие революции или перевороты (или их попытки) с опорой на удаленное администрирование общественными настроениями и социально-политической мобилизаций («арабская весна», «цветные революции» и т.д.). Новейший тренд в этом ключе – управление массовыми протестами в Белоруссии в 2020 году через Telegram-каналы, управляемые из Польши.

Важным сюжетом является дискуссия о способности на каком-то этапе развития технологий автоматизированной и/или удаленной работы привести к массовой безработице во многих или даже во всех отраслях (последнюю крайнюю точку зрения разделяет Илон Маск, утверждающий, что нет такой работы, которую в перспективе не мог бы выполнять искусственный интеллект). Неизвестно, сможет ли система безусловного дохода решить проблему безработицы. Не у всех стран будут достаточные деньги для выплат населению, не всегда общество будет готово к решению социально-психологических проблем у людей, у которых уже не будет возможности занять себя привычной работой и найти себе психологически удобное место в жизни. Современную Европу, например, многие с подачи американского теоретика неоконсерватизма Роберта Кейгана называют «обществом комфорта», когда люди не чувствуют желания быть участниками больших свершений, а просто довольствуются комфортной жизнью – но вопрос в том, насколько комфортно будет жить рядом с иными странами, где безусловный доход будет куда меньше. Да и для самой Европы массовая безработица будет масштабным не только экономическим, но и социально-психологическим вызовом. Технологически измененный капитализм может оказаться как пространством возможностей для наиболее талантливой части общества, так и ловушкой для общественных систем, столкнувшихся с массовой безработицей.

На уровне же «больших теорий» академической политико-экономической мысли обоснованием для роли социальных правил, в том числе неформальных, для оптимизации функционирования капитализма можно считать работы вроде знаменитого труда Карла Поланьи «Великая трансформация», в котором в широкий оборот введено понятие *Embeddenness* [6]. Под ним понимается «укорененность» в социальной сфере тех правил, которые находятся за пределами формально-механистических правил рынка. Для Поланьи как симпатизанта околосоциалистических взглядов наступление эры «механистического» государ-

ственного капитализма (а ключевые, важнейшие для страны технологические предприятия даже в США 20 века действительно можно считать в значительной степени контролируемые государством монополиями и/или олигополиями – см. Rockwell, Lockheed Martin Corporation и т.д.) воспринималось как неблагоприятный для общества отказ от базовых социальных ценностей, которые были «укоренены» в общество и собственно делали формальное сообщество «настоящим обществом».

По иронии интеллектуальной истории идеи Поланьи были подхвачены в том числе политическими левыми либералами и социалистами, которые как раз за счет механизмов государственного вмешательства в механизмы рынка стали видеть возможности сделать капитализм и вообще функционирование общества более справедливым. В дальнейшем поднятые Поланьи идеи стали частью большого академического дискурса, куда вошли работы многих крупных авторов, включая Дугласа Норта («Институты, институциональные изменения и функционирование экономики»), Элинор Остром с ее обновленной теорией общественного выбора и т.д.

Теории, фокусирующиеся на роли формальных и особенно неформальных правил функционирования сообществ, стали идейным обоснованием в том числе для современных запросов политических и общественно-политических движений на новые формы регулирования бизнеса, которыми может заниматься как государство, так и само общество за счет внутренних договоренностей об оптимизации правил игры

На практике эти внутренние договоренности могут выражаться в принятии компаниями правил корпоративного управления и корпоративного развития, которые стали восприниматься как абсолютно необходимые под влиянием общественного мнения и его лидеров, в том числе претендующих на статус интеллектуальных лидеров, захвативших «интеллектуальные высоты» вроде университетов. Примером стали корпоративные требования приоритетно подбирать сотрудников из тех социальных групп и идентичностей, которые считаются общественным мнением уязвимыми (то есть из различных меньшинств), корпоративные инициативы не работать с «неправильными» правительствами тех или иных стран, правительственными органами или компаниями. Так, компания Google заявила (по крайней мере, на словах) об отказе работать с Пентагоном по проектам использования элементов искусственного интеллекта в системах вооружений, а также об отказе предоставлять свои наработки в сфере искусственного интеллекта для компаний, занимающихся добычей углеводородов, поскольку данный вид бизнеса считается леволиберальным мейнстримом «неправильным» [8].

С точки зрения управленческих теорий или теорий, описывающих эволюцию капитализма через призму изменения соотношения отраслей, характера труда и управленческо-организаторских практик, запрос на трансформацию капитализма был отражен в сменявшихся, дополнявших и

развивавших друг друга концепций «менеджеральной революции» (Джеймс Бернхем), «постиндустриального общества» (Дэниел Белл), «четвертой индустриальной революции» (Клаус Шваб и др.). Все эти концепции в этой или иной степени объединяет представление о все более компетентном характере труда по мере технологического прогресса, который требует и социальных изменений [2].

«Менеджеральная революция» предполагала описание, казалось бы, противоположных по экономическому устройству США и СССР времен «холодной войны» как на самом деле во многом сходных: ведь и в одной, и в другой системе велика была роль технических и административных специалистов (условных «менеджеров»), без которых невозможно было достичь критически важных целей вроде получения космических и атомных технологий. Какая бы ни была идеология правящих сил в любой хотя бы относительно успешной стране, без достаточно компетентных специалистов («менеджеров») и подходящих для них условий и труда, и существования в обществе в целом, достичь значимых результатов (условно: адекватного функционирования завода или исследовательского института) не получится. Концепция постиндустриального общества является прямым продолжением «менеджеральной революции», поскольку указывала на дополнительно возрастающую роль меритократии по мере ухода от шаблонных производства товаров и стандартизированного набора относительно немногочисленных услуг. Четвертая индустриальная революция декларирует ожидания перехода к еще более творческому характеру труда и индивидуализации производства и потребления услуг, которые становятся все более разнообразными в сервисной экономике современности.

На уровне концепций корпоративного управления взгляд на социальную среду бизнеса как диктующую приоритеты был отражен в подходах ОЭСР, ставших очень модными в 1990-2010-е гг. и в западных странах, и в странах, которые хотели заимствовать западные рецепты. Например, знаменитая реформа корпоративного управления в Великобритании девятидесятых годов («кодекс Кэдбери») предполагала увеличение полномочий советов директоров компаний и увеличение представительств в них интересов социетального сообщества, в котором работает компания. Представительство акционеров (shareholders) было разбавлено представительством различных социальных групп, важных для бизнеса (stakeholders, «стейкхолдеры») и «укорененных» в тех сферах общества, для которых важен конкретный бизнес. Под представительством социальных групп понималось представительство и традиционно значимых для бизнеса элитных групп, в том числе политических, и групп более широкого охвата (включая экспертов индустрий, посредников и даже церкви) [5]. Интересно, что в дальнейшем руководители стран постсоветского пространства и представители топ-менеджмента стали ссылаться на принципы ОЭСР с увеличенными полномочиями советов директоров и включения в них

представителей широко понимаемых «стейкхолдеров» для решения своих политических задач. Например, государственная компания Украины «Нафтогаз» создала под предлогом следования корпоративным стандартам ОЭСР практически независимый от правительства Украины (главного и единственного акционера «Нафтогаза») совет директоров, заседающий в Лондоне и включающий в себя иностранных представителей нефтегазовой отрасли (как представителей «важной в данном случае социальной группы»). А в России информационное сопровождение тех же нацпроектов было акцентированно выстроено вокруг идеи успеха именно широких слоев и социальных групп общества [1].

Как итог, по состоянию на двадцатые годы двадцать первого века новые «социальные» подходы в корпоративном управлении получили еще более широкое общественное признание на уровне т.н. стандартов ESG (Environmental. Social. Governance), проникших и в компании и бизнес-школы, и на уровень ключевых международных переговорных площадок по проблемам глобального развития. Так, в 2020 году на форуме в Давосе был принят манифест об общих принципах работы компаний в условиях Четвертой индустриальной революции [3]. Прямо было объявлено, что прибыль для капитализма – теперь не главное, то есть базовые представления о бизнесе как о деятельности, для которой безусловно и безоговорочно главной целью должно быть получение прибыли, должны быть пересмотрены. Главное теперь для капитализма и для бизнеса – так называемые «общественные интересы», собственно и превращающие старый капитализм в «капитализм всех заинтересованных сторон», он же – «капитализм стейкхолдеров»

Список литературы

1. Петросянц Д.В., Осинина Д.Д. Анализ информационного сопровождения реализации национальных проектов. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(6). С. 105-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-105-112.
2. Симонов К.В. Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(6). С. 6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-6-11.
3. Davos Manifesto 2020: The Universal Purpose of a Company in the Fourth Industrial Revolution // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/12/davos-manifesto-2020-the-universal-purpose-of-a-company-in-the-fourth-industrial-revolution/> (дата обращения: 14.01.2022).
4. Huntington, S. P. Conservatism as an ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51. Pp. 454-473.
5. Ilir Haxhi Hans van Ees Arndt Sorge. A Political Perspective on Business Elites and Institutional Embeddedness in the UK Code Issuing Process //

Corporate Governance An International Review 21(6) – June 2013. DOI: 10.1111/corg.12036

6. Karl Polanyi, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. 1944. xiii + 305.

7. Keith Wagstaff. Republicans love the '50s, while Democrats prefer the '90s // *The week* // [Электронный ресурс]. URL: <https://theweek.com/articles/460849/republicans-love-50s-democrats-prefer-90s> (дата обращения: 14.01.2022).

8. Matt O'Brien. Google said it will no longer build custom AI tools for fossil fuel extraction as it looks to distance itself from oil and gas industry // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businessinsider.com/google-backs-off-on-ai-for-oil-and-gas-extraction-2020-5> (дата обращения: 14.01.2022).

9. Митрахович С.П. Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. № 9(6). С. 18-23. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23>

Митрахович Станислав Павлович, старший преподаватель, stasmitr@mail.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Петросянц Даниэл Викторович, канд. экон. наук, доц., dan-basa@yandex.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Антошкин Роман Владимирович, аспирант, rvantoshkin2020@edu.fa.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

THE DEVELOPMENT OF A POLITICAL DEMAND FOR THE TRANSFORMATION OF CAPITALISM

S.P.Mitrakhovich, D.V. Petrosyants, R.V. Antoshkin

The article considers the problem of political, social and intellectual demand in modern society for the transformation of capitalism, for a departure from traditional capitalism to "capitalism of all interested parties." Particular attention is paid to the interrelation of new capitalism and the political and value-based attitudes of society, as well as the struggle for identity as a driver of fundamental changes in society and ideology.

Key words: stakeholder capitalism, public opinion, political views, ideologies, political parties

Mitrakhovich Stanislav Pavlovich, senior lecturer, stasmitr@mail.ru, Russia, Moscow, The Financial University under the Government of the Russian Federation,

Petrosyants Daniel Viktorovich, candidate of economic sciences, docent, dan-basa@yandex.ru, Russia, Moscow, The Financial University under the Government of the Russian Federation,

Antoshkin Roman Vladimirovich, postgraduate, rvantoshkin2020@edu.fa.ru, Russia, Moscow, The Financial University under the Government of the Russian Federation

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В. Л. Шаповалов, Е. Р. Никулин, А. С. Хардикова

Проведен анализ политического поведения молодых российских пользователей в возрасте от 15 до 24 лет, их ценностно-идеологических ориентаций и приемлемых сценариев политической активности, декларируемых в цифровом пространстве. С помощью разработанной нами гибридной методики определена возрастная специфика онлайн и офлайн политического поведения данной возрастной категории, а также спрогнозированы наиболее референтные ценностно-идеологические концепции для молодежи в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: цифровое поведение, приемлемые сценарии политической активности, ценностно-идеологические ориентации, сетевое пространство, возрастная группа, политическое участие.

Статья подготовлена в рамках реализации исследовательского проекта «Треки 2024: прогнозирование политического выбора молодых избирателей», осуществляемого при финансовой поддержке РФФИ (проект № 21-011-31891 опп, 2021).

Современный этап истории Российской Федерации характеризуется значительными усилиями различных акторов по вовлечению молодежи в политическую повестку, стимулированию ее политического участия. Наряду с конвенциональными формами политической активности, молодым гражданам предлагаются и сценарии неконвенциональных действий политической направленности. Учитывая важность участия молодежи в политической жизни страны, необходимо выявить особенности трансформации цифрового и приемлемых сценариев политического поведения молодых россиян с учетом их ценностно-идеологических предпочтений (в том числе в хронологической динамике с 2012 по 2021). Это позволит купировать стратегии неконвенциональных акторов по вовлечению молодых людей в возрасте 15-24 лет в деструктивную политическую деятельность.

Исследовательский вопрос заключается в выявлении возрастных и поколенческих особенностей цифрового и политического поведения пользователей с учетом декларируемых ими идеологических ценностей. Рассмотрение данной проблемы необходимо проводить с учетом структуры политической коммуникации в сетевом пространстве, которое является ключевой платформой для обсуждения политической повестки данной возрастной группы.

Теоретическая база исследования включает работы, позволяющие обозначить границы теоретического объекта настоящего исследования и

обеспечить формирование валидного инструментария в виде новой гибридной модели методики.

Коммуникации в сетевом пространстве как одном из основополагающих факторов реальной политической повестки, с помощью которого молодежь активно потребляет, транслирует и продуцирует контент политического характера, посвящены работы П. Бергера и Т. Лукмана [1], М. Кастельса [2], рассматривающих сетевое пространство в качестве среды, создающей как конструктивные, так и деструктивные смыслы, влияющие на реальное пространство политики, Дж. Томпсона [3]. Г. Рейнгольда [4], акцентирующих внимание на становлении сетевых платформ как ключевых площадок политической коммуникации, где происходит противостояние политических акторов, С. Грина, разработавшего концепцию социально-медийного «эхо», которое из следствия превращается в причину политической активности в реальном пространстве [5].

Специфика цифрового и политического поведения, а также ценностно-идеологические ориентации молодежи в Российской Федерации рассматриваются в работах Р. В. Пырмы, отмечавшего, что мотивация к политическому участию лидеров и активистов носит макросоциальный и идейный характер [6], Т. В. Евгеньевой и В. Д. Нечаева, акцентирующих внимание читателей на специфичности потребления информации политического содержания: молодые люди склонны доверять эмоционально окрашенному контенту [7], Е. В. Бродовской [8, 9], А. Ю. Домбровской, подчеркивающих, что политическая коммуникация и активность молодежи происходит преимущественно в социальных сетях [10] и А. Ю. Станевича, указывающего на преобладание пассивных форм политического участия данной возрастной группы [11].

В *методологическом аспекте* исследование опирается на сетевой и неинституциональный (его когнитивную версию) подходы, с помощью которых нами детально анализируется предметно-объектная область работы с точки зрения взаимного влияния офлайн и онлайн политического пространства и существенного значения эмоционального компонента в поведении граждан в возрасте от 15 до 24 лет.

Использование сетевого подхода объясняется гибридной моделью исследования и проявлением политической активности анализируемой возрастной группы преимущественно в социально-медийном пространстве.

Когнитивная версия неинституционального подхода позволяет более детально раскрыть поведенческие мотивации молодых людей, выявляя не только транслируемые сценарии и формы политического участия, но и специфику их трансформации в зависимости от степени эмоциональности информационного (или иного) окружения.

Методика исследования носит гибридный характер и включает в себя три метода: *массовый онлайн-опрос* (N=522), *комплексный социально-*

медийный анализ профилей пользователей в возрасте 15-24 лет (N=243), ретроспективный *автоматизированный социально-медийный анализ* аудитории 30 релевантных сообществ.

Отметим, что цифровые компоненты исследования реализовывались на платформе социальной сети «ВКонтакте», поскольку она является одной из наиболее популярных сегментов российской блогосферы, характеризуется существенной долей молодежи, сбалансированной по половым, возрастным и географическим особенностям, а также является одной из самых первых социальных сетей российского Интернета, что в контексте ретроспективного анализа является необходимым условием [12, 13]. Кроме того, существенной причиной выбора данной социальной сети для реализации настоящего исследования является наличие широкого спектра инструментов автоматизированной социально-медийной аналитики.

Возрастная дифференциация (15-17 лет и 18-24 года) обуславливается двумя факторами: коммуникативной средой молодых людей (первая возрастная категория включает себя учащихся старшей школы либо сузов, а вторая – студентов вузов либо работающих граждан) и формально-юридическим критерием (возможность реализации политических прав, в том числе избирательного права после 18 лет).

Ввиду специфичности коммуникативной онлайн и офлайн сред в разных населенных пунктах географический параметр исследования дифференцирован на три сегмента: крупный (более 500 тыс. жителей), средний (от 100 тыс. до 500 тыс. жителей) и малый (до 100 тыс. жителей) город.

Выборочная совокупность *онлайн-опроса* составляет 522 респондента (при погрешности не более 4,29 % при доверительной вероятности 95 %), отобранных нами в рамках квот относительно территориального и возрастного параметров в равной пропорции. Структура опроса (вопросы и варианты ответа см. в *табл. 1* (1-й и 2-й столбцы)) сформирована по следующей схеме: определение каналов и круга политической коммуникации молодых людей, референтных проблем политического, социального или экономического характера, путей их решения с разной степенью конвенциональности, а также оценки уровня удовлетворенности ситуацией в Российской Федерации через пять лет, что с относительно высокой долей вероятности позволит нам определить готовность участия респондентов в политической деятельности.

Комплексный социально-медийный анализ включает в себя 243 профиля (при погрешности не более 5,22 % при доверительной вероятности 95 %), отобранных в транслирующих политический контент с той или иной идеологической направленностью и аполитичных сообществах, пользователей изучаемой возрастной категории и состоит из *дискурс-анализа* (параметры и значения см. в *табл. 2, 4* («идеологические предпочтения профиля», «цифровое поведение профиля», «тематические особенности потребляемого контента») и *метода социального графа* (представлен в строках *табл. 2*

«плотность связей аудитории профиля» «средний возраст аудитории профиля», «половое соотношение аудитории профиля» (инструмент: специальное программное обеспечение). Данная гибридизация позволяет нам отпортретировать пользователя по его цифровому поведению, идеологическо-ценностной ориентации и выявить специфику его аудитории (актуально для «лидеров», «активистов» и «активных вовлеченных»). Кроме того, дискурс-анализ позволяет сформировать словарь поисковых запросов для автоматизированного социально-медийного анализа, выявив семантическое ядро и речевые паттерны релевантного контента.

Выборочная совокупность формировалась на основании двух квот: возрастная дифференциация (15-17 лет и 18-24 года) и ценностно-идеологическая ориентация («левые», «националисты», «либералы» и «аполитичные»). Каждый из обозначенных нами сегментов выборочной совокупности включает в себя 28 исследовательских случаев (224 профиля). Продуценты контента, транслирующегося ими на аудиторию релевантного сетевого агента (администраторы сообществ в возрасте 15-24 лет), являются отдельным сегментом, который дополняет данную выборочную совокупность.

Параметр «цифровое поведение профиля» включает следующие роли пользователей: «лидер» - пользователь, являющийся администратором сообщества и продуцирующий контент политического характера, «активист» - пользователь, продуцирующий контент политического характера на аудиторию своего профиля, «активный вовлеченный» - пользователь – репостер контента политического характера, «пассивный вовлеченный» - потребитель контента политического характера и «обыватель - зритель» – аполитичный пользователь. Отметим, что при формировании данного спектра ролей мы опирались на работу Е. В. Бродовской и Н. А. Тюкова [14]. Отметим, что период анализа социально-медийной активности отобранных профилей включает в себя год (с июня 2020 по июнь 2021).

Параметр «Плотность» является отношением числа связей между друзьями профиля к числу его друзей и характеризует коммуникативную среду аудитории (чем выше показатель, тем она плотнее).

Дифференциация профилей на идеологические сегменты (для комплексного социально-медийного анализа) и сообщества (для ретроспективного автоматизированного социально-медийного анализа) проводилась следующим образом: основным признаком отнесения профиля пользователя к той или иной идеологической направленности является их собственная идентификация, определенная нами в рамках изучения раздела «Информация» сообщества, контент которого он потребляет. Нами выявлены следующие значения параметра «идеологические предпочтения»: «левые» (преимущественно сторонники коммунистических и социалистических взглядов), «либералы» (преимущественно сторонники либеральной демократии и ценностей, транслируемых прозападно ориентированными поли-

тическими акторами) и «националисты» (преимущественно сторонники идей русского национализма). Отметим, что при формировании ценностно-идеологической шкалы, по которой распределялись совокупности релевантных профилей и сетевых агентов, мы основывались на работе Л. Н. Мартюшова: автор выделяет три ключевых идеологических концепции, опираясь на исторические периоды российского государства (консервативный (националистический)-монархическая эпоха, коммунистический (социалистический)-советская эпоха, либеральная-эпоха 1990-х годов) [15]. Также для определения соотношения релевантных параметров среди пользователей «вне политики» в рамках реализации комплексного социально-медийного анализа нами определена квота «аполитичных» эмпирических объектов (включает в себя пользователей, потребляющих контент сообществ, указывающих на свою аполитичную позицию в разделе «Информация»).

Степень конвенциональности определялась по наличию (низкая степень конвенциональности) или отсутствию (высокая степень конвенциональности) призыва к деструктивным действиям в рамках политической активности. Отметим, что данный параметр валиден для сообществ. Однозначное определение степени конвенциональности для пользователей сети не представилось возможным, поскольку подавляющее большинство профилей потребляет контент сетевых агентов с разной степенью деструктивности контента.

Ретроспективный *автоматизированный социально-медийный анализ* (инструмент: Publer) заключается в выявлении возрастной структуры аудитории отобранных сообществ. Матрица данного метода (табл. 3) включает в себя три идеологических сегмента, дифференцированного на две группы по степени конвенциональности. Каждая из групп состоит из пяти релевантных сообществ (в общей совокупности 30 сетевых агентов), динамика возрастной изменчивости которых с помощью *корреляционного анализа* отмечает валидность выбранной методики. Данное соотношение позволяет нам проследить изменчивость возрастной структуры аудитории сообщества в период с 1 января 2012 по 1 января 2021 (с помощью указанного инструмента определялась возрастная структура аудитории релевантного сообщества на момент 1 января 2012, 2015, 2018 и 2021).

Измеряется данный показатель в процентном отношении (число релевантного возраста к общему числу подписчиков сообщества) и является средним арифметическим долевым показателем пяти сообществ в каждой из шести групп.

С помощью *осевого, кросс-табуляционного, корреляционного* (инструмент: SPSS Statistic) и *дискурс-анализа* нами проанализирована собранная эмпирическая база и получены следующие результаты.

В табл. 1 представлены данные, полученные при реализации *массового онлайн-опроса*, которые показывают отсутствие резких расхождений между респондентами 15-17 и 18-24 лет.

В качестве источника получения информации политического содержания подавляющее большинство молодых людей в обоих возрастных сегментах выбрали социальные сети. Референтным кругом общения являются преимущественно друзья. Это свидетельствует о превалировании горизонтальной политической социализации, что способствует более высокой вероятности включения молодежи в деструктивную деятельность ввиду отсутствия передачи политического опыта в рамках вертикальной политической коммуникации.

Проблемы Российской Федерации, определяемые респондентами в возрасте 15-17 и 18-24 лет в качестве наиболее волнующих, схожи, и включают в себя преимущественно микросоциальные («личная безопасность») или проецируемые микросоциальные («рост цен», «бедность») ценности, что следует рассматривать с позиции триггера для включения молодых людей в дискурсивную повестку неконвенциональных акторов.

Относительно приемлемых методов политического участия для решения выявленных выше проблем две возрастные категории также практически идентичны: для большинства респондентов формат политического участия ограничивается реализацией активного избирательного права. Однако для четверти опрошенных одним из ведущих методов изменения ситуации в Российской Федерации к лучшему является участие в деятельности партии, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о высоком потенциале включения молодежи в активную политическую деятельность.

Отношение к возможности нарушения закона также свидетельствует о гомогенности двух возрастных категорий: большинство из опрошиваемых уверены, что законы нарушать нельзя ни при каких обстоятельствах (43 % и 41 %). Подобного рода соотношение следует рассматривать в качестве показателя высокой доли легизма среди молодежи. При этом доля социальных эгоистов («когда это близко моим взглядам и позиции») крайне низка (5 % и 7 %). В тоже время существенная доля респондентов (34 % и 32 %) считает, что закон нарушать можно, если это «не вредит обществу», что в перспективе при потреблении дискурсивного поля неконвенциональных политических акторов может привести к смещению понятия «вред» и вовлечению молодежи в деструктивные процессы.

Единственной выраженной точкой дифференциации является взгляд в будущее. При ответе на вопрос о будущей ситуации в Российской Федерации через 5 лет респонденты 15-17 лет настроены значительно оптимистичнее своих старших сограждан: полагают что «жизнь улучшится» - 23 %, (в группе 18-25 – 14 %), «жизнь ухудшится» - 26 % (в группе 18-25 – 38 %). Оценка данного расхождения выходит за рамки исследования и тре-

бует дополнительного изучения и возможного выявления психологических, социально-экономических или поколенческих причин).

Таблица 1

Результаты массового онлайн-опроса

Вопрос респондентам	Варианты ответа	15-17 лет	18-24 года
		%	%
Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию о происходящем в стране и мире? (до трех вариантов ответа)	Социальные сети (ВК, Twitter и др.)	86	88
	Видеоролики в сети (youtube, tiktok, и др.)	8	6
	Каналы и чаты в Telegram	2	1
	Отдельные сайты	1	1
	Телевидение	2	2
	Печатные СМИ	1	1
	Личное общение	0	1
С кем Вы чаще всего обсуждаете новости и иную информацию о происходящем в стране и мире? (до трех вариантов ответа)	С друзьями	77	80
	С семьей	11	7
	С одноклассниками / коллегами по работе	11	12
	Не обсуждаю ни с кем	1	1
Какие проблемы в современной России Вас больше всего волнуют? (до трех вариантов ответа)	Личная безопасность	39	33
	Рост цен	30	34
	Бедность, обнищание населения	13	15
	Коррупция, взяточничество	10	8
	Социальное неравенство, несправедливость	4	4
	Неэффективная социальная инфраструктура	3	5
Какие методы политической активности Вы в принципе считаете допустимыми? (до трех вариантов ответа)	Ограничения гражданских прав и свобод, цензура	1	1
	Участие в выборах	53	61
	Участие в деятельности политической партии	26	24
	Участие в реализации политических реформ	1	2
	Участие в акциях протеста	1	1
	Участие в революционных действиях	1	1
В каких случаях Вы считаете допустимым нарушение законов? (один вариант ответа)	Затрудняюсь ответить	18	11
	Законно необходимо соблюдать всегда	43	41
	Когда это близко моим взглядам и позиции	5	7
	Когда это не наносит ущерба обществу	34	32
	Когда эти законы никто не соблюдает	6	5
Как Вы думаете, жизнь в России через 5 лет..? (один вариант ответа)	Затрудняюсь ответить	12	15
	Улучшится/скорее улучшится	23	14
	Останется неизменной	26	25
	Скорее ухудшится/ухудшится	26	38
	Затрудняюсь ответить	25	23

В табл.2 представлены данные, полученные в рамках реализации комплексного социально-медийного анализа профилей, сегментированные по определенным нами возрастным группам (15-17 лет и 18-24 лет) и по ценностно-идеологической ориентации.

Половая структура пользователей вне зависимости возрастной группы представляется достаточно однородной. При этом пропорции схожи в обеих возрастных категориях. Для «левых» и «националистов» она характеризуется существенным превалированием мужского пола, а у «ли-

бералов» аудитория сбалансирована. На наш взгляд, это можно объяснить дискурсивной повесткой, включающей в себя тематики привлекательные для женской аудитории данного возраста. Однако принципиального изменения аудитории в половом аспекте с приобретением активного избирательного права не фиксируется, что также указывает на гомогенность молодых людей 15-24 лет.

Практически во всех идеологических сегментах (кроме «левых») выявлены пользователи с ролью «лидера» в рамках цифрового поведения, ведущие активную политическую коммуникацию, транслируя определенные ценностно-идеологическое ориентации. Однако все они фиксируются в группе 18-25 лет. Полное отсутствие «лидеров» среди профилей, принадлежащих учащимся старшей школы или сузов, – одно из ключевых отличий возрастных групп.

Позиция «активистов» в обеих возрастных категориях характеризуется крайней неравномерностью распределения. Можно зафиксировать для «националистов» присутствие в обеих группах (4 % и 19 %), для «левых» – только в группе 15-17 (19 %). Подобного рода распределение указывает, что эффекта в сфере трансляции собственных идеологических воззрений могут достигнуть сторонники националистических взглядов, поскольку у них высокий процент активных коммуникаторов в сетевом пространстве как среди младшей возрастной группы, так и среди старшей. Для «левых» характерно чрезмерно высокая трансляция взглядов в младшей группе, что может объясняться политической модой, стремлением сформировать и декларировать собственную политическую позицию, отличную от предшествующих (либеральная, консервативная). Характерно отсутствие продуцентов среди «либералов», что может быть объяснено наличием большого количества сильных активистов более старших возрастов.

Ключевой ролью политически активных пользователей обоих возрастов является «вовлеченный» - открытый (для группы 15-17 – 12-17 %; для группы 18-25 – 11-16 %) или скрытый (67-84 %; 65-86 %). Это подчеркивает, что молодые пользователи в целом сохраняют позиции «ведомых».

Соотношение «активных вовлеченных» во всех сегментах схоже, однако большая их часть по сравнению с остальными сосредоточена в либеральном сегменте. Подобного рода ситуация указывает на то, что, несмотря на низкую долю «лидеров» и «активистов», то есть неучастие профилей в продуцировании контента, они являются его ретрансляторами.

Большинство профилей является «скрытыми вовлеченным» в ту или иную идеологическую повестку. Примечательна тенденция роста/снижения соотношения представителей данной роли и более активных ролей: для «левых» характерен с возрастом рост доли «скрытых вовлеченных», что указывает на изменения приемлемого сценария политической активности в сетевом пространстве от более активного к наблюдательно-ограничивающемуся потреблению релевантного контента. В меньшей степени для «либералов» и в большей для «националистов» характерна об-

ратная ситуация: отмечается рост доли «лидеров» и «активистов» за счёт снижения числа «скрытых вовлеченных», что следует рассматривать в качестве признака более «живой» коммуникативной среды в данных идеологических сегментах.

Отдельного комментария требует соотношение ролей в «аполитичном» блоке. Цифровое поведение пользователей данного сегмента включает в себя все определенные нами роли. Однако продуцируемый, потребляемый или транслируемый ими контент носит преимущественно оппозиционный характер без опоры на какие-либо ценностно-идеологические ориентации.

Плотность аудитории у «либералов» практически не отличается и является показателем ниже среднего. Динамика плотности «левых» (снижается) и «националистов» (повышается) связана с изменением ролевого соотношения в данных идеологических сегментах: рост цифровой активности приводит к уплотнению связей внутри аудитории.

Примечательно, что для подавляющего большинства профилей характерно потребление развлекательного контента, что свидетельствует об использовании ими сетевых платформ преимущественно для досугового формата, а не для трансляции ценностно-идеологических ориентаций.

Половозрастную структуру аудитории «лидеров» и «активистов» следует рассматривать в качестве целевой аудитории, потребляющей контент определенного ценностно-идеологического характера. Судя по данным *табл.2*, основные потребители контента, продуцируемого «лидерами» и «активистами», а также транслируемая «открытыми вовлеченными», является старшая подгруппа и потребители 25-26 лет. Половая структура аудитории профилей схожа с соотношением долей мужского и женского пола в выборочной совокупности профилей (N=243), что свидетельствует о гомогенности аудитории в половом аспекте внутри разных идеологических сегментов.

Таблица 2

Результаты комплексного социально-медийного анализа профилей

Параметр	Значения	15-17 лет				18-25 лет			
		1	2	3	4	1	2	3	4
Идеологические предпочтения профиля (1-«левые», 2-«либералы», 3-«националисты», 4-аполитичные)		1	2	3	4	1	2	3	4
Пол (%)	Мужской	77	48	71	62	81	42	80	73
	Женский	23	52	29	38	19	58	20	27
Цифровое поведение профиля (%)	Лидер	0	0	0	0	0	5	5	4
	Активист	19	0	4	5	0	0	19	3
	Открытый вовлеченный	14	17	12	11	14	16	11	8
	Скрытый вовлеченный	67	83	84	10	86	79	65	9
	Зритель-обыватель	0	0	0	74	0	0	0	76
Тематические особенности потребляемого контента	Волонтерство	0	12	0	0	0	0	4	0
	Провластная	4	0	0	0	0	0	4	0
	Оппозиционная	12	0	2	11	11	6	16	4
	Развлекательная	84	76	92	89	89	94	63	81
	Бытовая	0	6	4	0	0	0	2	7
	Местная	0	6	2	0	0	0	11	8

Окончание табл. 2

Плотность связей аудитории профиля		7,2	5,2	4,8	9,1	4,7	5,3	10,3	9,3
Средний возраст аудитории профиля (лет)		24	23	25	26	24	26	27	26
Половое соотношение аудитории (%)	Мужской	61	49	62	57	64	61	66	65
	Женский	39	51	38	43	36	39	34	35

Ключевым аспектом настоящего исследования служит реализация ретроспективного *автоматизированного социально-медийного анализа*, поскольку именно данный метод позволяет рассматривать приверженность определенным идеологическим и поведенческим ценностям молодежи сквозь призму поколенческого и возрастного аспектов (то есть акцентируется внимание как на ценностно-идеологических предпочтениях аудитории в возрасте от 15 до 24 лет, так и на характере приемлемых моделей поведения в рамках политической активности).

Отметим также, что необходимым является выявление коэффициента корреляции, поскольку он позволит нам рассматривать полученные результаты в качестве валидных. Итак, исходя из данных *табл.3*, коэффициент корреляции во всех исследуемых случаях равен в пределах от 0,534 до 0,631, что следует рассматривать в качестве «заметной» корреляции соотношения возрастных групп аудиторий релевантных сетевых агентов. Следовательно, возрастная структура отобранных нами сообществ на всех хронологических этапах носит преимущественно общий характер, а разработанный инструментарий является валидным.

Результаты анализа позволяют охарактеризовать идеологические группы по критериям: возраст и изменение с возрастом (поколение).

Среди *«левых» конвенциональных сил* отмечаются следующие тенденции: на протяжении всего хронологического ряда превалируют две возрастные категории (15-17 и 18-24 лет), что свидетельствует о возрастном характере вовлеченности в контент данных сетевых агентов. Более того, также видим достаточно стабильное сокращение числа возрастных сторонников 1992-1997 годов рождения: с 14,5 % (показатель 15-17 для 2012) до 6,5 % (показатель 24-26 для 2021); с 11 % (показатель 18-20 для 2021) до 7,5 % (27-30 для 2021), что также подтверждает высказанный выше тезис.

Ситуация с *«левыми» неконвенционалами* несколько сложнее: с 2012 года имеет место быть превалирование потребителей релевантного контента в возрасте от 18 до 23 лет, что свидетельствует о возрастном характере вовлеченности пользователей. Однако примечательна динамика роста доли аудитории данных сообществ потребителей, рожденных в 1995 году (например, с 10,5% (показатель 15-17 для 2012) до 14 % (показатель 24-26 для 2021)) и позже на фоне снижения числа более возрастных пользователей, что свидетельствует о поколенческом характере изменчивости аудитории.

Можно предположить, что число «левых» неконвенционалов в ближайшее время будет расти. Соотношение конвенциональных и некон-

венциональных профилей (для 2021 года) для левых положительное только в категории 15-18 лет.

Либеральных конвенциональных участников политической коммуникации следует рассматривать как преимущественно поколенческий характер изменчивости, поскольку отсутствует возрастная категории, которая бы сохраняла свое преобладающее состояние с 2012 года: например число приверженцев модели в возрасте 15-17 лет сокращается (с 14,5 % в 2012 до 6 % в 2021), а в возрасте 21-23 лет растет (с 9,5 % в 2012 до 15,5 % в 2021). Относительная стабильность поколенческого показателя (14,5% для 15-17 в 2021 до 11 %; 21-23 в 2021; 17,5 % для 15-17 в 2015 к 15,5 % 21-23 в 2021) указывает на физиологическое взросление аудитории, как и общее соотношение возрастных групп в 2012 и 2021.

Неконвенциональные сторонники либеральных ценностей характеризуются скорее как смешанные, поскольку число приверженцев модели во всех возрастных категориях растет. Также видим и поколенческий рост (6 % для 15-17 в 2012 к 16 % для 24-26 в 2021), а также (стабильное увеличение доли возрастных групп уже вовлеченных ранее).

Соотношение конвенциональных и неконвенциональных профилей (для 2021 года) для либералов отрицательное во всех возрастных категориях. С учетом сохранения поколенческой тенденции, либералы могут стать менее конвенциональны.

Конвенциональных и неконвенциональных «националистов» следует рассматривать в качестве преимущественно возрастного характера вовлеченности, поскольку в поколенческом аспекте отмечается постоянное снижение доли участников (по диагонали), а относительное статичное долевое соотношение возрастных категорий подтверждает тезис о возрастном характере изменчивости. Следовательно, «националисты» - явление сугубо возрастное и включает в себя преимущественно возраст от 15 до 20 лет (21-23 года в меньше степени).

Соотношение конвенциональных и неконвенциональных профилей (для 2021 года) для «националистов» во всех возрастных категориях положительное.

Таблица 3
Трансформация возрастного соотношения аудитории
релевантных сообществ

	Степень конвенциональности	Коэффициент корреляции	Возраст (годы)	2012 %	2015 %	2018 %	2021 %	2024 % прогн.
«Левые»	Высокая степень конвенциональности	0,631 (замечная)	15-17	14,5	11,5	16	14	15
			18-20	11	9,5	16	14,5	16
			21-23	10	10,5	10	11	11
			24-26	8,5	7	7,5	6,5	6,5
			27-30	5,5	6	10,5	7,5	7
	Низкая степень конвенциональности	0,622 (замечная)	15-17	10,5	14	11,5	12,5	13
			18-20	12,5	15	16	15	17,5
			21-23	13,5	15,5	12	18,5	16,5
			24-26	8,5	9	8,5	14	15
			27-30	4,5	6,5	7,5	10	12

Окончание табл. 3

«Либералы»	Высокая степень конвенциональности	0,534 (заметная)	15-17	14,5	17,5	10	6	3
			18-20	16	17	15	13	12
			21-23	9,5	12	11	15,5	15
			24-26	8	9	7,5	11	1,5
			27-30	5,5	7	6,5	6	7
	Низкая степень конвенциональности	0,582 (заметная)	15-17	6	7,5	8	12	13,5
			18-20	8,5	11,5	14,5	15,5	18
			21-23	9	14	12,5	19	21
			24-26	11,5	12,5	11,5	16	16,5
			27-30	5,5	8	10	7,5	8,5
«Националисты»	Высокая степень конвенциональности	0,603 (заметная)	15-17	15,5	12,5	10	15	13,5
			18-20	10,1	11	9,5	14,5	14,5
			21-23	12	8,5	7	13	12
			24-26	7,5	6,5	5	6,5	5,5
			27-30	6	3,5	3	3	2
	Низкая степень конвенциональности	0,628 (заметная)	15-17	11	11,5	8,5	11,5	11
			18-20	8	9	10	11	11
			21-23	9	7	5,5	9,5	8
			24-26	5,5	5,5	3,5	4	3,5
			27-30	4,5	3	1,5	1,5	0,5

Важнейшим этапом настоящего исследования является не только выявление тенденций, но и прогнозирование ценностно-идеологических ориентаций и приемлемых сценариев политического участия молодежи в возрасте 15 - 24 лет. С помощью методов *экстраполяции тренда* (исходим из инерционности предпочтений в условиях социально-экономической и политической стабильности), а также *социального графа* нами определены долевое соотношение возрастных групп в обозначенных нами сообществах в рамках автоматизированного социально-медийного анализа, а также основная половозрастная аудитория «лидеров», «активистов» и «открытых вовлеченных», которая в перспективе с учетом контента, продуцируемого и транслируемого ими, может стать также вовлеченной в определенную идеологическую повестку.

Итак, в перспективе с высокой долей вероятности при сохранении схожих социально-экономической и политической повесток потребителями «левого» контента конвенционального характера будет преимущественно аудитория до 21 года, а неконвенционального несколько старше - до 24 лет. «Либералы» конвенционального толка в 2024 году будут преимущественно в возрасте от 18 до 27 лет в обоих сегментах конвенциональности. У «националистов» основная категория вовлеченных в возрасте до 21 года также в обоих сегментах конвенциональности.

Как видно из *табл. 2*, возрастные особенности аудитории таковы, что говорить о передаче политического опыта от старшей возрастной группы к младшей нецелесообразно, поскольку аудитория «активистов», «лидеров» и «открытых вовлеченных» всех возрастных категорий представляет в среднем возраст 23-27 лет с половым соотношением схожим с показателем данного показателя в рамках вовлеченности в ценностно-идеологическую повестку. Данное обстоятельство дает основания пола-

гать, что в ближайшей перспективе серьезных изменений аудитории в половозрастном аспекте не предвидится.

Таким образом, на основе реализованных нами методов сбора и обработки эмпирических данных и прогнозирования нами были определены следующие **выводы**:

-приемлемые сценарии политического участия в обеих возрастных категориях схожи: единообразны их коммуникативная среда, общественная проблематика, приемлемые методы конвенционального и неконвенционального участия. Единственным отличием является более оптимистичный взгляд на будущее у учащихся старшей школы с сузов;

-пользователи с «левыми» предпочтениями с возрастом изменяют роль в рамках цифрового поведения на более пассивную, ограничивающуюся потреблением релевантного контента (то есть останутся скрытыми вовлеченным), а «либералы» и в большей степени «националисты» включаются в политическую коммуникацию в сети более активно, становясь «лидерами» и «активистами»;

-пользователи «аполитичного» сегмента характеризуются широким спектром ролей в рамках цифровой политической коммуникации. Однако контент, потребляемый, транслируемый или продуцируемый ими носит сугубо оппозиционный характер (ценностно-идеологических ориентации практически нет);

-для сторонников националистических идей (конвенциональных и неконвенциональных) характерен возрастной сценарий. Для иных идеологических сегментов неконвенциональной направленности отмечается смешанный (поколенческий и возрастной) сценарий, а для конвенциональных «левых» и «либералов» - возрастной и поколенческий соответственно;

-согласно прогнозной части исследования сторонники националистических идей в 2024 году будут самыми молодыми (до 21 года), «левых» - несколько старше (до 24 лет), а самым широким возрастным спектром вовлеченных характеризуется либеральная повестка (от 18 до 27 лет). Подтверждает данный тезис половозрастная структура аудитории «лидеров» и «активистов», которую следует рассматривать в качестве потенциальных вовлеченных в перспективе.

Среди перспектив настоящего исследования необходимо отметить проведение глубинного интервью с «лидерами», «активистами» и «открытыми вовлеченными» всех идеологических сегментов для выявления мотиваций для более активной политической коммуникации в цифровом пространстве, а также реализацию метода когнитивного картирования (ретроспективный формат), для определения причин роста/снижения той или иной возрастной категории в сообществах обозначенных нами групп.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

2. Castells M. The Rise of the network society [Электронный ресурс] URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf> (дата обращения: 29.11.2021).
3. Thompson J. B. Political scandal: power and visibility in the media age. Cambridge: Polity, 2000.
4. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ГРАНД: Фаир пресс; 2006.
5. Грин С. «Твиттер» и протест в России: мемы, сети, мобилизация // Интернет-издание Слон Ру. [Электронный ресурс] URL: http://slon.ru/russia/twitter_i_protest_v_rossii_memy_seti_i_mobilizatsiya-791222.xhtml (дата обращения: 29.12.2021).
6. Пырма Р. В. Факторы формирования установок и стратегий гражданского активизма у молодежи России. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-ustanovok-i-strategiy-grazhdanskogo-aktivizma-u-molodezhi-rossii/viewer> (дата обращения: 28.12.2021).
7. Евгеньева Т. В., Нечаев В. Д. Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников. // Ценности и смыслы. 2014. № 1. С. 7-21.
8. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Парма Р. В., Азаров А. А. Готовность современной российской молодежи к реализации гражданской и политической активности в цифровой среде [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gotovnost-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi-k-realizatsii-grazhdanskoy-i-politicheskoy-aktivnosti-v-tsifrovoy-srede/viewer> (дата обращения: 28.12.2021).
9. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Парма Р. В., Азаров А. А., Карзубов Д. Н. Молодежь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-поведения. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-rossii-v-tsifrovom-prostranstve-osnovaniya-differentsiatsii-strategiy-internet-povedeniya/viewer> (дата обращения: 28.12.2021).
10. Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн и офлайн - средах (по результатам эмпирического исследования). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-aktivizm-molodezhi-v-sovremennoy-rossii-osobennosti-proyavleniya-v-onlayn-i-oflayn-sredah-po-rezultatam-empiricheskogo/viewer> (дата обращения: 28.12.2021).
11. Станевич А. Ю. Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности / Вестник Московского университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 256-274.
12. Медиапотребление в России – 2021. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ [Электронный ресурс] URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediaconsumption-russia-2021.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

13. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021. Brand Analytics [Электронный ресурс] URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (дата обращения: 20.01.2022).

14. Бродовская Е. В., Тюков Н. А. Методология и методика прикладного политического исследования гражданского активизма в социальных медиа современной России // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 199-204. DOI 10.31171/vlast.v28i2.7157.

15. Мартюшов Л.Н. Государственная идеология российской Федерации: какой ей быть? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. №4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ideologiya-rossiyskoy-federatsii-kakoy-ey-byt> (дата обращения: 10.03.2022).

Шаповалов Владимир Леонидович, канд. ист. наук, доц., vladshapovalov@mail.ru, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет,

Никулин Егор Романович, магистрант, egor.nikulin.98@bk.ru, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет,

Хардикова Анна Сергеевна, бакалавр, as_burkut@mail.ru, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет.

FEATURES OF DIGITAL ACTIVITY WITHIN POLITICAL COMMUNICATION OF RUSSIAN YOUTH: TRANSFORMATION AND AGE DIFFERENTIATION OF VALUE-IDEOLOGICAL ORIENTATION AND BEHAVIORAL SCENARIO

V. L. Shapovalov, E. R. Nikulin, A. S. Khardikova

The article is devoted to the analysis of the political behavior of young Russian users aged 15 to 24, their value and ideological orientations and acceptable scenarios of political activity declared in the digital space. With the help of the hybrid methodology developed by us, the age specificity of online and offline political behavior of this age category was determined, and the most reference value-ideological concepts for young people in the short term were predicted.

Key words: digital behavior, acceptable scenarios of political activity, value-ideological orientations, network space, age group, political participation.

Shapovalov Vladimir Leonidovich, candidate of historical sciences, Assoc. Department of Political Science, vladshapovalov@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University,

Nikulin Egor Romanovich, master student, egor.nikulin.98@bk.ru, Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University,

Khardikova Anna Sergeevna, bachelor, as_burkut@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University.

ПОПУЛИЗМ: ОТ ДИХОТОМИЧЕСКОГО К ГРАДУИРОВАННОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

А.В. Богапова

Посвящается проблеме операционализации понятия популизма в научной литературе, а также проблеме измерения популизма в политическом процессе. Множественность подходов к феномену популизма обнаруживает в себе необходимость констатации характерных маркеров популизма. При обращении к результатам проведенного автором экспертного опроса обнаруживается отсутствие четкого разделения популизма и непопулизма, и соответственно бинарный подход к пониманию популизма в политике становится недостаточным. На основе современных научных исследований автором делается вывод о возможности градуированного осмысления популизма в политическом процессе, которое позволяет рассмотреть феномен популизма более точно.

Ключевые слова: популизм, популистский дискурс, политический процесс.

Усложнение современного мира требует новых способов исследования политического процесса. Наличие эклектичных политических сообществ, движений и идеологий может легко привести к путанице понятий и явлений. Поэтому перед современным исследователем встает задача по размежеванию схожих политических явлений и процессов. Серьезного осмысления требует, в частности, такое понятие, как популизм.

Так, например, голландский исследователь М. Родёйн замечает, что на фоне роста литературы о популизме, данный термин стало легко спутать с родственными понятиями, такими как «нативизм» и «евроскептицизм». Концептуальная размытость популизма служит стимулом к широкому и подчас неточному использованию этого термина, даже если в действительности основное внимание уделяется другой теме. Подобная ситуация, прогнозирует и М. Родёйн, скорее всего, приведет к еще большей концептуальной путанице, а, следовательно, и к неаккуратным и неверным выводам [6, с. 369].

Рассуждая о феномене популизма, перед исследователем стоят две серьезные проблемы – как операционализировать термин «популизм» в научном исследовании и как его измерить в политическом процессе. Разброс в значениях и размытость концепции популизма делает целесообразным обобщения существующих в экспертном сообществе мнений.

Согласно результатам исследования, проведенного автором*, ниже представлено распределение ответов отечественных экспертов о том, что такое популизм (рис. 1). Мнения экспертов разделились: для 41,7% из них

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Специфика популистских практик в политическом процессе: репрезентация популизма в восприятии жителей Москвы»

популизм – это избирательная технология, для 25% - предвыборная стратегия, 16,7% респондентов считают популизм политическим стилем, оставшиеся эксперты трактуют популизм как народное движение и политическую идеологию.

Смысл термина «популизм»

Действительно, популизм может в той или иной мере обнаруживаться в любой из перечисленных ипостасей, однако это не снимает вопроса о некоторых общих маркерах популизма. Интересны в этом плане рассуждения группы немецких авторов, выделивших три основные его составляющие: наличие антиэлитизма, апелляции к народу (народоцентризм) и требования «суверенитета», а именно «восстановления власти народа» [5, с. 543]. В свою очередь, согласно аргентинскому исследователю Э. Лакло, сущностной чертой популистского дискурса является фиксация конфликта между «угнетаемой» и «угнетающей» идентичностями [4]. При этом немаловажно выделить «институциональную дилемму» или «институциональный парадокс» популизма, который, с одной стороны, по мнению Л.Г. Фишмана, заключается, в «стремлении к государственному регулированию и поклонению государству», а с другой – в стремлении к «причастности к собственной судьбе», которое превосходит любую этатистскую ангажированность» [1, с. 65]. То есть, как можно заметить, как можно заметить, одновременно, сосуществуют повестка «антиэлитности» и попытки причаститься к политической элите.

Таким образом, несмотря на множество существующих подходов к популизму, в научном сообществе выделяется семантическое ядро, заключающееся в противопоставлении «хорошего (простого) народа» и «плохой (коррупционной) элиты» [5, с. 543]. Представляется немаловажным в этой связи определиться, возможна ли борьба за власть или политическая интеракция без эксплуатации темы антагонизма? И второе - как отличить популистскую политику от непопулистской?

В рамках вышеупомянутого исследования эксперты дали варианты отличий популиста от не-популиста и следующие их характеристики. Обнаруживается при этом, что дать определение и характеристики популисту гораздо легче, чем не-популисту. В некоторых ответах даны характеристики только образа популиста, состоящие из набора негативных установок, а образ «не-популиста» остался безоценочным. Например, «популист раздаёт безответственные обещания, за все хорошее против всего плохого», «[популисту свойственны] эпатаж; ставка на эмоции, а не ratio; антиистеблишментное позиционирование», «демонстративное пренебрежение политесом и правилами публичной игры»; «популист упрощает проблемы и пути их решения, говорит лозунгами, рассчитанными на массового избирателя», «политик-популист обсуждает только удобные и горячие темы». В свою очередь непопулист описывается следующим образом: «может упрощать проблему, но ровно до той степени, до какой она не теряет всех важных ее элементов», «[непопулист] имеет более конкретную программу, ориентацию на конкретную целевую аудиторию. [У него есть] способность взять на себя ответственность за свои просчеты». Также были приведены такие мнения: «Популист ориентирован на массовых избирателей, непопулист на интеллектуальную элиту», «Успешный публичный политик популист, непубличный политик – непопулист». При этом половина опрошенных экспертов определили свое отношение к популистам как резко отрицательное.

Таким образом, в большинстве случаев присваивая определенные качества популисту, эксперты подразумевают отсутствие оных у непопулиста. Однако, с нашей точки зрения, приведенные высказывания достаточно разнородны и субъективны, размыты границы, когда из непопулиста политик превращается в популиста. Что для одного эксперта может быть упрощением, для другого казаться реальным способом решения проблемы. Представляется, следовательно, что использование популистских практик подавляющим числом политиков не делает их автоматически популистами и не предопределяет однозначно отрицательного отношения к ним.

Мысль о необходимости «ранжирования» популистской риторики последовательно проводится Яном Земанном. Автор накладывает подходы Э. Лакло на политическую практику современных партий, фиксируя огромную расплывчатость популизма. [7, с. 39-45]. «Дихотомические перспективы. – вторит ему П. Асланидис, - не учитывают много разнообразия, обнаруженного в эмпирической реальности; популизм – это не вопрос «или-или». Градуированные рассуждения могут решать более интересные исследовательские вопросы и проверять ряд гипотез, которые до сих пор оставались в темноте» [2, с.1261]. Анализируя большой корпус данных предвыборных кампаний, автор приходит к выводу о более или менее популистской риторике всех активных ее участников.

Другими авторами, Л. Бернхардом и Х. Криеси, был проведен анализ публикаций ряда заметных на политической сцене партий с помощью градуированного метода. Они, в частности, пришли к выводу о том, что идеологические экстремистские партии нельзя рассматривать как просто популистские. Важна степень использования популистской риторики, ее нарастания в конкретных ситуациях. Различия здесь часто бывают весьма значительными [3].

Вывод, с нашей точки зрения, носит принципиальный характер. Полемический дискурс может быть более или менее популистским в зависимости от преследуемых целей. Важно уйти от бинарного восприятия популистских практик, но прийти к градуированному их пониманию. Другими словами, политика, предвыборная риторика или используемые технологии не всегда могут однозначно определяться через категории «популизм – не популизм», они могут быть более или менее популистскими.

Популистская риторика и практики, присущие политическим кампаниям, могут быть дозированно и конструктивно использованы для достижения определенных целей. Необходимо, следовательно, выходить за рамки «бинарного» подхода к популизму, в большей мере сосредоточивая усилия на определении степени популизма политических интеракций. Учет градации и степени популизма позволит в какой-то мере уйти от исключительно негативных его коннотаций, более объемно осмыслить его технологические возможности в политическом процессе. Но, конечно же, это не снимает вопроса о необходимых границах и возможностях популистской риторики и – в более общем плане – о необходимости роста политической культуры населения, об общей оптимизации принципов и механизмов взаимодействия общества и власти.

Список литературы

1. Фишман Л.Г. Популизм – это надолго // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 55-70.
2. Aslanidis P. Measuring populist discourse with semantic text analysis: an application on grassroots populist mobilization // *Quality & Quantity: International Journal of Methodology*, Springer. № 52(3). 2018. P. 1241-1263.
3. Bernhard L, Kriesi H. Populism in election times: a comparative analysis of 11 countries in Western Europe // *West European Politics*. 2019. № 42 (6). P. 1188-1208.
4. Laclau E. *On Populist Reason*. London: Verso, 2005. 276 p.
5. Mudde C. *The Populist Zeitgeist* // *Government and Opposition*. 2004. № 39 (4). P. 542-563.
6. Rooduijn M. State of the field: how to study populism and adjacent topics? A plea for both more and less focus // *European Journal of Political Research*. 2019. № 58. P. 362–372.

7. Zeemann, J. Populism Beyond the Nation // Populism and World Politics. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2019. P. 25-53.

Боганова Анастасия Валерьевна, аспирант, Anastasiya.Bogapova@student.msu.ru, Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

POPULISM: FROM DICHOTOMIC TO GRADUATED MEANING

A.V. Bogapova

Dedicated to the problem of operationalizing the concept of populism in scientific literature, as well as the problem of measuring populism in the political process. The plurality of approaches to the phenomenon of populism reveals the need to state the characteristic markers of populism. When referring to the results of the expert survey conducted by the author, it is revealed that there is no clear division between populism and non-populism, and, accordingly, the binary approach to understanding populism in politics becomes insufficient. On the basis of modern scientific research, the author draws a conclusion about the possibility of a graded understanding of populism in the political process, which makes it possible to consider the phenomenon of populism more accurately.

Key words: populism, populist discourse, political process

Anastasia Valerievna Bogapova, postgraduate, Anastasiya.Bogapova@student.msu.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

УДК 323:930.2

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-77-92

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ДИСКУРСАХ РОССИИ, ГРУЗИИ И ФРАНЦИИ
О ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ В АВГУСТЕ 2008 ГОДА**

В. О. Беклямишев

Выявляется роль исторических аналогий в дискурсах президентов России, Грузии и Франции о Пятидневной войне в августе 2008 года. Используемая методология основана на «конструктивизме правил» Н. Онуфа и его операционализации в работах Д. Юргевичуте. Исторические аналогии рассматривались автором как речевые акты трёх типов: конструирующие онтологию ситуации («репрезентативы»), фиксирующие обязательства актора («комиссивы») и его ожидания от других акторов («директивы»). Из этого следует, что согласие между акторами по поводу релевантности исторической аналогии автоматически влечёт за собой установление соответствующих правил, полностью или частично «заимствуемых» из прошлого. Выявленные

в ходе исследования аналогии были разделены на три группы в зависимости от «сферы-мишеней»: глобальные (сфера-мишень – международная система), региональные (сфера-мишень – международный статус Южной Осетии и Абхазии) и национальные (сфера-мишень – отдельные государства). Основной аналогией на глобальном уровне стала «холодная война», расхождения в интерпретации которой продемонстрировали неспособность Франции, США и Грузии выработать взаимные обязательства в период российско-грузинского конфликта. В качестве альтернативных аналогий были предложены параллель с «мюнхенским сговором» 1938 г. (Грузия) и террористической атакой 11 сентября (Россия). На региональном уровне основными историческими аналогиями являлись сецессия Косова и сепаратистское движение в Чеченской Республике. Аналогии, использовавшиеся на национальном уровне, в дискурсах трёх стран не совпадали, что побудило применить к ним методы, выработанные в рамках теории «секьюритизации».

Ключевые слова: историческая аналогия, «конструктивизм правил», теория «секьюритизации», российско-грузинский конфликт 2008 года, Пятидневная война, «политическое использование прошлого», политический дискурс, «культурный поворот».

Исследование проведено при поддержке гранта на реализацию проекта научного коллектива Российского государственного гуманитарного университета «Институционально-правовые и дискурсивные основания интерпретации истории в публичном поле. К вопросу о феномене “исторической политики”»

Ракетный обстрел Цхинвала в ночь на 8 августа 2008 г. и последовавшее затем столкновение грузинских вооруженных сил с российскими миротворцами привели к резкому обострению ситуации в Закавказье, впервые поставив Россию и НАТО на грань прямой конфронтации [26, с. 58]. Операция по принуждению Грузии к миру проводилась Москвой практически в полной международной изоляции, при том что обстановка на театре военных действий с первых дней складывалась в её пользу. Продвижение российских войск по направлению к Тбилиси побудило Францию, являвшуюся на тот момент страной-председателем Европейского Союза, выступить в качестве посредника и предложить план мирного урегулирования конфликта («план Медведева – Саркози»).

12 августа президент России Д.А. Медведев объявил о завершении операции на территории Грузии, однако дипломатическая борьба за правовое закрепление её итогов продолжилась. На заседании Совета Безопасности ООН 21 августа США заблокировали принятие российской резолюции, основанной на шести пунктах «плана Медведева – Саркози». Осознавая перспективу лишиться правовой основы для размещения миротворческого контингента на территории Абхазии и Южной Осетии, Россия пошла на одностороннее признание независимости обеих республик (26 августа).

На протяжении конфликта наблюдатели отмечали, что почти все военные или дипломатические шаги сторон сопровождались проведением

исторических аналогий. Как отмечал А.Д. Цыганок: «некоторые ведущие западные политики и эксперты вдруг заговорили об истории – не как о заоблачных высотах, а как о злободневном» [35, с. 241]. Это замечание подводит нас к более широкому исследовательскому вопросу: каковы функции исторических аналогий во внешнеполитическом дискурсе? Чтобы дать на него ответ, нами были рассмотрены дискурсы президентов России, Грузии и Франции за период с 8 августа по 1 октября 2008 г.

Согласно определению, историческая аналогия – это «проекция образа прошлого (сфера-источник) на образ настоящего или будущего (сфера-мишень)» [9, р. 117]. Изучение подобных параллелей в политических дискурсах с середины 1970-х гг. ведётся на стыке политической лингвистики, когнитивной психологии и теории международных отношений [5]. При выборе методологии исследования приоритет был отдан подходу литовской исследовательницы Д. Юрглевичуте, основанному на «конструктивизме правил» Н. Онуфа и методе диалогического анализа международных отношений Дж. Даффи и Б. Фредеркинга [8, 3].

Вслед за Н. Онуфом, Д. Юрглевичуте выделила три типа «речевых актов» (в терминологии Дж. Сёрла), которые соответствуют трём типам международных правил: репрезентативным, директивным и комиссивным [6, р. 63]. Репрезентативы фиксируют «положение дел» как в прошлом (через конструирование исторического нарратива), так и в настоящем. Если интерпретации прецедентного события у всех субъектов коммуникации совпадают, то историческая аналогия (представляющая собой репрезентатив «ситуация А = ситуация Б») позволяет «заимствовать» из прошлого правила, идентичности акторов и их взаимные обязательства. То же самое происходит и в тех случаях, когда одной из сторон удаётся обеспечить доминирование своей интерпретации прецедентного события над остальными. Если же акторы не обнаруживают сходств между ситуациями в прошлом и настоящем, то исследователю надлежит выделить, какие именно из прежних правил, идентичностей или взаимных обязательств, по мнению сторон, утратили свою актуальность.

При помощи директивных правил акторы раскрывают взаимные ожидания и обозначают друг перед другом санкции за невыполнение неформальных норм. Речевые акты последнего типа – комиссивы – фиксируют обязательства, которые каждый актор добровольно берёт на себя по отношению к другим субъектам. Как отмечает Юрглевичуте, и директивы, и комиссивы могут опираться на исторические аналогии, «перенося» соответствующие обязательства из прецедентной ситуации в современную (табл. 1) [6, р. 64-65].

Таблица 1
Модель анализа исторических аналогий [6, р. 63]

Социальный порядок	Прецедентная ситуация в прошлом или ситуация в настоящем		
↓			
Правила	Репрезентативные	Директивные	Коммиссивные (правила участия)
Речевые акты	Утверждения о том, что означает прецедентное или современное событие	Инструкции, которые даются другим актерам на основе прецедентного или современного события	Обязательства, обусловленные ролями акторов, которые принимаются на основе прецедентных или современных событий
↓			
Актеры и пределы их действий	Что представляют собой актеры? Чего они хотят? Какие действия могут предпринять?	Какие действия ожидаются от других акторов?	Какие обязательства актеры берут на себя?

Применение описанной методологии несколько ограничивается тем, что для её продуктивного использования желательно, чтобы одно и то же прецедентное событие фигурировало в дискурсах разных акторов. Поэтому те случаи, в которых исторические аналогии предназначались преимущественно для внутренней, нежели для внешней аудитории (и аналогии в них, таким образом, не пересекались), рассматривались нами в русле теории «секьюритизации».

Согласно основным положениям «Копенгагенской школы» [2, р. 32], успех каждого шага по обеспечению безопасности определяется двумя основными факторами: внутренней последовательностью речевого акта (если речевой акт соответствует грамматике безопасности) и внешним положением субъекта (если социальный статус и ресурсы позволяют субъекту охватить целевую аудиторию). В свою очередь, основными компонентами грамматики безопасности являются экзистенциальная угроза (определяется в терминах референтного объекта, которому угрожает), точка невозврата (определяет условия, при которых экзистенциальная угроза наносит непоправимый ущерб референтному объекту) и выход (порядок действий, необходимых для того, чтобы защитить референтный объект от угрозы).

Исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе была сформирована выборка текстовых материалов (выступлений, интервью, заявлений, статей), размещённых на официальных сайтах президента Российской Федерации (kremlin.ru) и президента

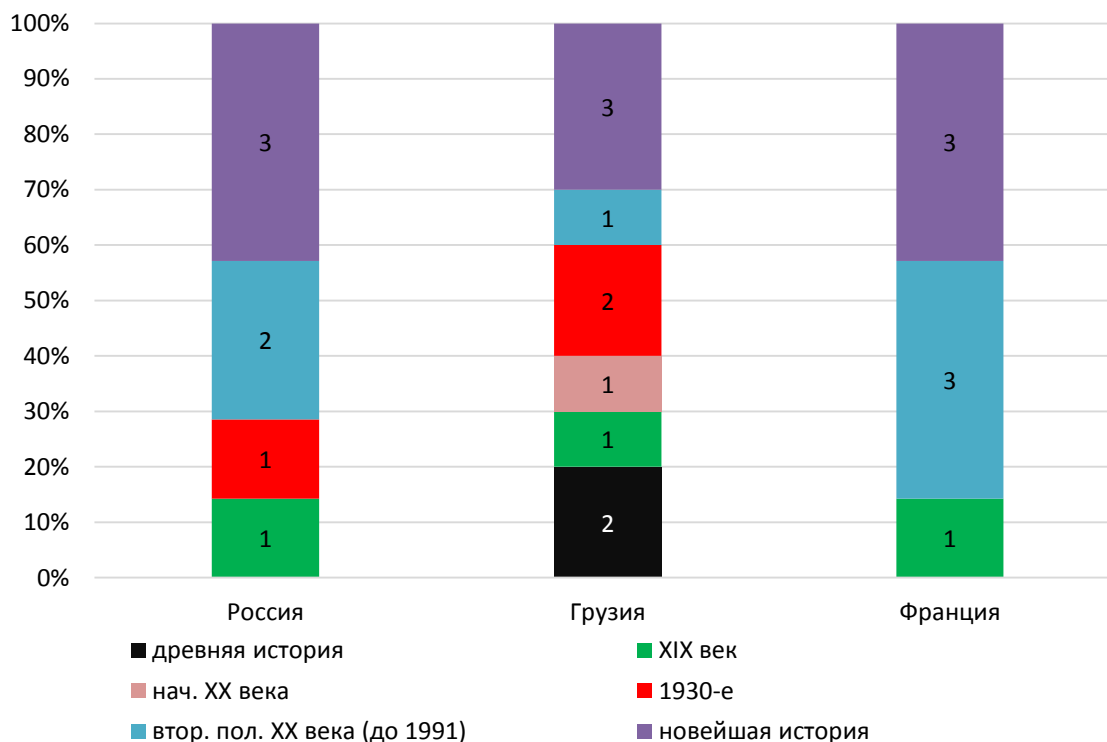

Французской Республики (elysee.fr): 12 текстов, содержащих 19 аналогий, в первом случае, и 5 текстов с 10 аналогиями, во втором. К сожалению, все материалы с официального сайта президента Грузии (president.gov.ge) за указанный период оказались удалены, поэтому для их частичного восстановления использовались тексты М. Саакашвили, размещённые на ежедневном новостном ресурсе «Civil.ge», принадлежащем неправительственной организации «Ассоциация ООН Грузии» (8 текстов, 16 аналогий). При необходимости уточнить ту или иную интерпретацию речевого акта или её трактовку привлекались материалы с сайтов МИД России и Госдепартамента США, а также иные источники.

На втором этапе исследования все исторические аналогии были разделены на уровни в зависимости от своих сфера-мишеней: «глобальный» уровень (сфера-мишень – международная система), «региональный» уровень (сфера-мишень – международный статус Южной Осетии и Абхазии) и «национальный» уровень (сфера-мишень – отдельные акторы). Исторические аналогии из последней категории, как правило, встречались в тех сегментах президентских дискурсов, которые были ориентированы на внутреннюю аудиторию. Анализ подобных случаев, как уже отмечалось, осуществлялся нами с методологических позиций теории «секьюритизации».

На третьем этапе исследования исторические аналогии, отнесённые к «глобальному» и «региональному» уровням, были соотнесены с соответствующими им правилами. Таким образом нами были выявлены репрезентативные, директивные и комиссивные правила, подразумеваемые при использовании соответствующей аналогии тем или иным актором.

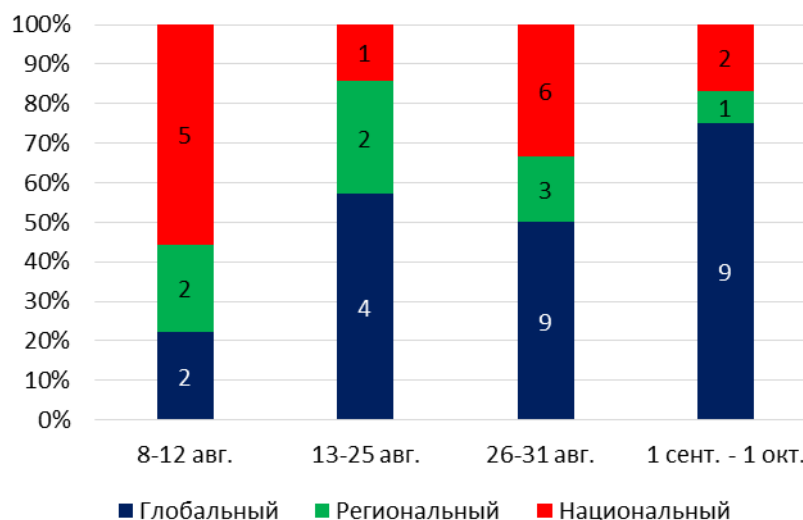
Президентские дискурсы России и оппонировавших ей стран имели противоположную темпоральность. В то время как в основе президентских дискурсов Грузии и Франции (как и США) лежала оппозиция «прошлое» – «будущее» («выбор, который следует сделать сегодня, – это выбор между Европой прошлого, Европой блоков или Европой будущего») [32], для Москвы, напротив, было принципиально важно обозначить своё историческое право на сохранение зоны влияния в Закавказье [14]. Вместе с тем, это практически не повлияло на уровень разнообразия используемых аналогий: наиболее широкий спектр сфер-источников оказался в данном случае у Грузии. Параллели со вторжением монголов или завоеваниями Атиллы подтверждают особый характер грузинской мнемонической культуры, в которой отсылки даже к самым отдалённым историческим периодам могут приобретать политическое значение (известно, например, что политтехнологи М. Саакашвили активно использовали параллель между ним и древнегрузинским царем Давидом Строителем) [22].

Рис 1. Сферы-источники исторических аналогий в дискурсах Президентов России, Грузии и Франции на разных этапах конфликта¹

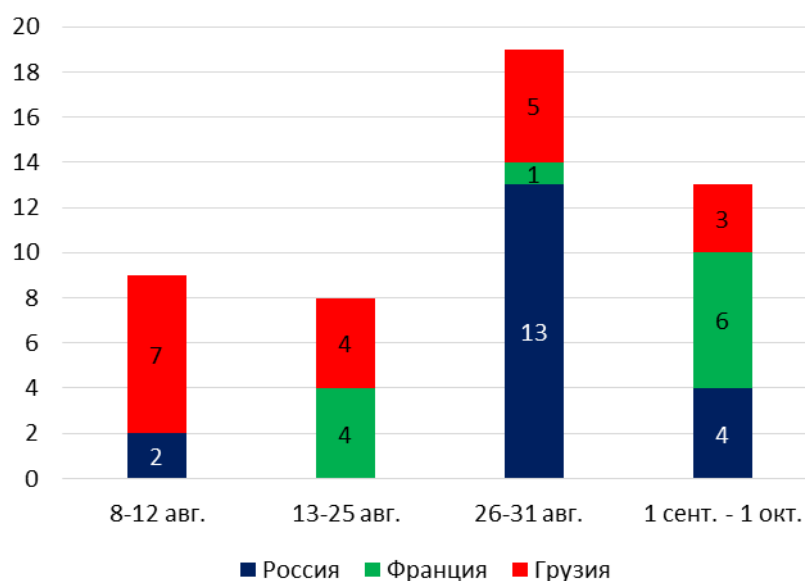
При анализе полученных данных можно заметить, что на первом этапе конфликта (в первую очередь, в грузинском президентском дискурсе), доминировали аналогии «национального» уровня, сферами-мишенями которых являлись Россия и Грузия. Эти репрезентивные высказывания позволили оперативно сконструировать онтологию конфликта, приписав «социальные роли» его основным акторам. Б. Спеллман и К. Холиок описали этот эффект на примере вступления США в ирако-кувейтский конфликт 1990-1991 гг.: «проведя аналогию между Саддамом Хусейном и Гитлером, президент Буш стимулировал процесс рассуждений, который привел к построению согласованной системы ролей... как только Ирак был определен как экспансионистская диктатура, как Германия, Кувейт – как его первая жертва, Саудовская Аравия – как следующая потенциальная жертва, а Соединенные Штаты – как главный защитник... аналогия стала подталкивать к выводу о том, что военное вмешательство было для Соединенных Штатов правильным» [11, р. 924].

¹ При составлении диаграммы учитывались только «уникальные» аналогии. Если аналогия присутствовала в нескольких текстах, то все эти однотипные случаи засчитывались как один раз.

Рис 2. Уровни исторических аналогий в дискурсах Президентов России, Грузии и Франции на разных этапах конфликта¹

По мере того, как масштаб конфликта расширялся, а «горячая» фаза противостояния сменилась дипломатической борьбой, возросла доля аналогий «глобального» уровня, призванных обеспечить выработку новых правил в изменяющейся международной системе.

Рис. 3. Количество исторических аналогий в дискурсах президентов России, Грузии и Франции на разных этапах конфликта

¹ 8–12 августа 2008 г. – «горячая фаза» вооруженного противостояния России и Грузии, 13–25 августа 2008 г. – период дипломатического противостояния, в т. ч. на площадке Совбеза ООН, 26–31 августа 2008 г. – реакция на одностороннее признание Россией независимости Ю. Осетии и Абхазии; 1 сентября – 1 октября 2008 г. – окончательный вывод российских войск с территории Грузии (до 13 сентября), фаза завершения конфликта.

На протяжении всего конфликта основной аналогией грузинского президентского дискурса служила параллель с событиями 1921 г. Непродолжительная история Грузинской демократической республики в 1990-е гг. стала «мифом основания» для современной Грузии. А ликвидация этого государственного образования силами Красной Армии в 1921 г. послужила прецедентным случаем, позволившим (в терминологии теории «секьюритизации») успешно сконструировать «референтный объект» (государственность), «точку невозврата» (военное поражение от России) и «выход» (национальную консолидацию вокруг лидера). «План России был точно таким же, как в 1921 году, заявлял М. Саакашвили в телеобращении к нации: они вошли под таким же поводом, якобы власти Грузии притесняют этнические меньшинства, как это было 1921 году. Но, вообще не вызывает сомнений, что целью России в этой интервенции является завершение государственности Грузии, воздвижение российского флага в Тбилиси» [25].

Вопреки утверждению Дж. Верча и З. Карумидзе [12] историческая аналогия с Великой Отечественной войной не являлась для российского политического дискурса доминирующей. Параллель с «мюнхенским сговором» использовалась Д.А. Медведевым лишь однажды, на встрече с лидерами партий, представленных в Государственной Думе (11 августа 2008 г.) [14]. Очевидная сдержанность в использовании этой аналогии, на наш взгляд, объясняется тем, что грузинская агрессия не могла восприниматься Москвой как экзистенциальная угроза (в то время как в период политического кризиса на Украине, аналогия с Великой Отечественной войной, стала доминирующей стратегией секьюритизации этого конфликта) [7].

Иначе обстояло дело в Южной Осетии, где для символического кодирования грузинского политического режима сразу же использовалось прецедентное понятие «фашизм». Аналогия с событиями Великой Отечественной войны органично способствовала секьюритизации этнической идентичности: «Каждый режим Грузии пытался расправиться с Южной Осетией. Южную Осетию пытались стереть с лица земли меньшевик Жордания, фашист Гамсахурдия. Планы по уничтожению Южной Осетии пытался реализовать либерал Шеварднадзе. Однако совершенное тоталитарным режимом Саакашвили намного превзошло масштабом бесчеловечности и жестокости преступления, совершенные его предшественниками» [24]. Примечательной выглядит «визуализация» этой параллели в ходе парада 20 сентября, на котором сотрудники осетинской милиции бросали грузинские флаги на главной площади в Цхинвали таким же образом, как это было сделано с нацистскими флагами на Параде Победы в Москве летом 1945 года [34].

Отдельным топиком внешнеполитического дискурса России являлся вопрос о международно-правовом статусе Южной Осетии и Абхазии. Применимость к ним «косовского сценария» начала обсуждаться ещё задолго до начала «горячей» фазы грузино-югоосетинского конфликта, по-

скольку 2 июля 2008 г. Международный суд ООН, признав законным провозглашение независимости Косово от Сербии, создал соответствующий правовой прецедент. В различных интервью международным СМИ президент России Д.А. Медведев неоднократно легитимировал своё решение об одностороннем признании двух республик аналогией с Косово. При этом упоминаниям о геноциде косоваров противопоставлялись им событиям грузино-югоосетинского конфликта 1991–1992 гг.: «В 1991 году президент Грузии Гамсахурдия с призывом «Грузия – для грузин» – только вдумайтесь в эти слова – приказал штурмовать Сухум и Цхинвал. Тысячи погибших, десятки тысяч беженцев, разорённые сёла – вот к чему тогда это привело» [16].

В дискурсе российского МИДа «агрессивной» и нарушающей международное право Грузии противопоставлялась «добродетельная» Сербия: «Белград выполнял все свои обязательства, одобренные международным сообществом в 1999 году, не пытался после этого применять против Косово силу. Тбилиси, напротив, постоянно нарушал свои обязательства по урегулированию, согласованные после развязанной Грузией в начале 1990-х годов войны против Абхазии и Южной Осетии, не раз прибегал к вооружённым провокациям, а в ночь на 8 августа растоптал все имевшиеся соглашения...» [21]. Добавим, что репрезентатив, утверждающий «косовскую аналогию», служил также директивным правилом по отношению к Грузии. В случае продолжения попыток давления на республики, Россия оставляла за собой право на силовые действия против Тбилиси. 10 августа, в ходе прений в Совете Безопасности ООН, постпред России В.И. Чуркин подчеркнул, обращаясь к представителю США: «Кстати, в случае с Косово никто себя особыми дефинициями не ограничивал, а просто стали бомбить столицу, Белград, и мосты на Дунае, которые находились в сотнях километров от зоны конфликта» [27]. Можно предположить, что в данном случае события 1999 года, воспринимавшиеся в России как своего рода «национальное оскорбление», стали сферой-источником для «аналогий-травмы» (в терминологии А. Брендстрем, Ф. Байнандера и П. Хардта) [1].

Аналогия с Косово не имела шансов быть навязанной Западу в качестве репрезентативного правила. Президент Франции указал, что «когда Европа признала Косово, Россия осудила решение Европы. Их не должно удивлять то, что мы осуждаем решение России» [28]. В свою очередь, в американском политическом дискурсе активно педалировалась аналогия между признанием независимости Южной Осетии и Абхазии и попыткой сецессии Чеченской Республики. Оттуда данная параллель попала в российский оппозиционный дискурс, где стала элементом стратегии «контр-секьюритизации». В качестве «референтного объекта» бралась территориальная целостность России, а одностороннее провозглашение независимости двух республик, создающее «прецедентный случай» на Кавказе, обозначалось уже как «точка невозврата» [15].

Разумеется, с точки зрения Москвы параллель с Чечней, «которая в 1998 году получила фактическую независимость, была предоставлена самой себе, превратилась в прибежище международных террористов, а через год начала прямую агрессию против российской Республики Дагестан», безусловно, не могла выглядеть убедительной. По мнению главы российского МИДа, «в случае с Абхазией и Южной Осетией все было с точностью до наоборот: они не были источником террористической или какой-то иной угрозы для Грузии, никогда не нападали на нее, не покушались на грузинские земли» [21].

Основной исторической аналогией, присутствующей в дискурсах всех сторон конфликта, стала историческая аналогия с холодной войной — состоянием международных отношений во второй половине XX в., основными чертами которого являлись биполярность, блоковая дисциплина, гонка вооружений и идеологическая конфронтация. Первые упоминания о «новой холодной войне» фиксируются в американской прессе ещё в конце 1990-х гг. [4], однако укоренение этой аналогии в медийном дискурсе произошло только после «мюнхенской речи» президента России В.В. Путина [13].

Отметим, что в российском президентском дискурсе параллель с холодной войной отвергалась (на основании того факта, что основным элементом холодной войны, по мнению Москвы, являлись идеологические разногласия, которые она не фиксировала) [14]. Во всех пяти интервью, данных Д.А. Медведевым международным СМИ в день одностороннего признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, российский лидер последовательно опроверг утверждения журналистов о тождественности противостояния России и Запада прежней холодной войне. «Империи, как правило, не возрождаются, – подчеркнул он – и тосковать об имперском прошлом – это очень серьезное заблуждение. В то же время естественно, что мы не можем не думать о тех гражданах, которые имеют российские паспорта и которые живут в сопредельных регионах» [18].

Данный репрезентатив означал, что Россия не оспаривает сложившийся международный порядок, а действия её вооружённых сил на территории Грузии не направлены против коллективного Запада, сотрудничество с которым представляет для Москвы интерес. Из утверждения о том, что текущее противостояние России и США не является холодной войной, вытекала директива не оказывать давления на Москву в сфере её непосредственных интересов и соответствующие комиссивы – признание суверенитета постсоветских государств (включая Грузию), а также готовность ограничить применение силы. Позднее эти обязательства были напрямую зафиксированы в комментарии министра иностранных дел России С.В. Лаврова, вынужденного отреагировать на выступление главы британского МИДа Д. Милибэнда, который сравнил операцию по принуждению Грузии к миру с событиями «Пражской весны» 1968 г. [19].

Стремясь предложить Западу иную онтологию конфликта, Д.А. Медведев на заседании клуба «Валдай» провёл аналогию между событиями в Южной Осетии и терактом 11 сентября 2001 г.: «...мне пришло в голову, что для России 8 августа 2008 года – это почти как 11 сентября 2001-го для Соединённых Штатов Америки... Из событий 11 сентября Соединённые Штаты Америки и всё человечество извлекло много полезных уроков. Мне бы хотелось, чтобы и из событий, начавшихся 8 августа этого года, мир извлёк уроки» [33]. Данный репрезентатив фиксировал наличие солидарности между Россией и странами Запада, которым надлежало противодействовать ревизии международного порядка со стороны Грузии (директив). Однако, поскольку эта интерпретация ситуации принципиально расходилась с подходами Вашингтона и Парижа, несмотря на неоднократное повторение данной аналогии на самых разных площадках, никаких комментариев со стороны оппонентов России на её счёт не последовало.

Проводя историческую параллель с «холодной войной», Вашингтон фиксировал стремление России восстановить зону влияния на постсоветском пространстве (репрезентатив), что представлялось США недопустимым (директив). В воспоминаниях госсекретаря К. Райс, содержится упоминание о её телефонном разговоре с С.В. Лавровым, в ходе которого тот, якобы, настаивал на отстранении М. Саакашвили от власти: «Все это напоминало о советском периоде, когда Москва контролировала судьбы лидеров по всей Восточной Европе, - писала она. - Я, конечно, не собиралась участвовать в возвращении в те дни» [10].

Первоначально грузинские официальные лица также активно пользовались аналогией с холодной войной, заимствуя из этой прецедентной ситуации правило блоковой солидарности. «Сенатор Маккейн вчера сказал хорошо – сегодня каждый американец должен сказать – я грузин. Последний раз такое говорил Кеннеди о берлинцах. Просто так словами на ветер не бросаются», – заявил М. Саакашвили 13 августа [25]. Впрочем, вечером того же дня эта онтология конфликта сменилась на другую: «Репутация, которую США завоевали после холодной войны, постепенно падает. Это трагично» [31].

Стремясь, во-первых, подчеркнуть роль России как государства-агрессора, а во-вторых, указать на отсутствие солидарности в противодействии Москве и недостаточность усилий Вашингтона по защите интересов Грузии, Саакашвили перешёл к использованию «мюнхенской аналогии», апеллирующей к нарративу о разделе Чехословакии в сентябре 1938 г. Уже 14 августа в заявлении для иностранных журналистов президент Грузии отметил, что Россия «шантажирует» Тбилиси, вынуждая принять «делку мюнхенского типа» [30]. 15 августа «мюнхенская аналогия» стала основным топом его выступления на совместной пресс-конференции с К. Райс, прибывшей убедить руководство Грузии подписать план «Медведева – Саркози»: «Когда в апреле в Бухаресте Грузии отказали в предоставлении Плана

кандидата в члены НАТО, я предупредил западные СМИ... Бухарест они (Россия – В.О.) восприняли на самом деле, как Мюнхен... они в спешке начали восстановление инфраструктуры в Абхазии, ввели свои ж/д войска для строительства на ненаселенных, вычиненных этнически местах, заявляя цинично, что ими двигали гуманитарные цели...» [29]. О том, насколько этот репрезентатив не соответствовал представлениям Вашингтона, свидетельствуют воспоминания К. Райс (отметим, что из всей продолжительной речи президента Грузии ею были зафиксированы именно две исторические аналогии). «Он начал называть русских варварами, сказал, что их танки “продолжают свое продвижение” и не остановятся. Ладно, подумала я... Затем он обрушился на европейцев, упомянув о Мюнхенской конференции и политике “умиротворения”... О, нет! Что он делает!» [10].

«Мюнхенская аналогия», возникшая как ответ на перспективу сецессии Южной Осетии и Абхазии, не просто фиксировала уязвимое положение Грузии как субъекта международных отношений, но и одновременно включала её в рамку «большой Европы». Уже 27 августа, после того, как Россия в одностороннем порядке заявила о признании суверенитета обеих республик, Саакашвили назвал это решение первой попыткой большого государства «после нацистской Германии и сталинского Советского Союза», с применением силы «изменить *внутриевропейские* границы» [23].

Президент Франции, с одной стороны разделяя американский дискурс («Возвращение сфер влияния неприемлемо, Ялта осталась в прошлом») [28], интерпретировал холодную войну, в большей степени, как прямую вооружённую конфронтацию. На это указывают и использовавшиеся Н. Саркози когнитивные метафоры («Когда дом горит, первоочередной задачей является тушение пожара») [20], и его прямые цитаты. Например, характеризуя свою дипломатическую миссию, президент Франции отмечал: «...мы [сделали] все возможное, чтобы уменьшить этот новый конфликт, последствия которого могут быть катастрофическими, если он окажется предвестником новой холодной войны» [20]. В Париже принимали во внимание, что «распад Варшавского договора и падение Берлинской стены» являлись не результатом победы над Советским Союзом, а сознательным выбором руководства СССР [28], поэтому директивные правила, конструируемые Саркози, являлась требованием к Москве подтвердить свой «европейский выбор», выполнив обязательства по выводу войск с территории Грузии.

Результаты проведённого исследования свидетельствуют, что исторические аналогии играют роль своего рода «языка», позволяющего акторам обозначать свои подходы к выработке международных правил ещё до их формального закрепления. При использовании параллелей с прошлым сферой-источником, как правило, выступают наиболее известные, преимущественно западоцентричные исторические нарративы. Хотя может показаться, что актуализация образов тех или иных событий связана с

их юбилеями (40-я годовщина «Пражской весны»; 70-я годовщина «Мюнхенского соглашения»), сама близость «круглой даты» не является ни необходимым, ни достаточным условием того, что аналогия будет «считана» другими акторами. На это, в частности, указывает неостребованность российской параллели с террористической атакой 11 сентября.

В большинстве случаев использование исторической аналогии провоцирует стороны на обмен аргументами. Акторы могут спорить как о релевантности параллели (репрезентативные правила), так и о тех нормах и обязательствах, которые следует из неё извлечь (директивы и комиссивы). Случаи, в которых бы оспаривалась сама целесообразность проведения параллелей с прошлым, в рассмотренных нами источниках – единичны.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что изучение исторических аналогий в политическом дискурсе может считаться эвристически продуктивной стратегией при анализе политических кризисов.

Список литературы

1. Brändström A., Bynander F., Hart P. Governing by Looking Back: Historical Analogies and Crisis Management // Public administration. 2004. Vol. 82. Issue 1. Pp. 191-210
2. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers. 1998.
3. Duffy G., Frederking B. Changing the Rules: a Speech act analysis of the End of the Cold War // International Studies Quarterly. 2009. Vol. 53. Issue 2. Pp. 325–347.
4. Friedman T. Now a Word From X [Электронный ресурс] // “Foreign Affairs” URL: <https://www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html> (дата обращения: 01.12.2021).
5. Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C., etc. Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects // Memory Studies. 2017. Vol. 10. Issue 3. Pp. 274-285.
6. Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // Politologija. 2011. № 2 (62) P. 43-73.
7. Makhortykh M. #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis / Memory and Securitization in Contemporary Europe. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 219–247.
8. Onuf N., World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina Press, 1989.
9. Pehar D. Historical rhetoric and diplomacy - an uneasy cohabitation / Language and Diplomacy. Ed by Kurbalija J., Slavik H. 2001. Pp. 117-138.
10. Rice C. No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington [Электронный ресурс] URL: <https://www.rulit.me/books/no-higher-honor-a-memoir-of-my-years-in-washington-read-344266-192.html> (дата обращения: 01.12.2021).

11. Spellman B.A., Holyoak K. J. If Saddam's Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 62. Issue 6. Pp. 913-933.
12. Wertsch J.V., Karumidze Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // *Memory Studies*. 2009. Vol 2(3). Pp. 377–391.
13. Арбатов А. Грядет ли холодная война? [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/articles/gryadet-li-holodnaya-vojna/> (дата обращения: 01.12.2021).
14. Вступительное слово на встрече с руководством партий, представленных в Государственной Думе. 11 августа 2008 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1067> (дата обращения: 01.12.2021).
15. Гейдар Джемаль: Никакой разницы между грузино-осетинским конфликтом и российско-чеченским нет [Электронный ресурс] // ИА «Регнум» URL: <https://regnum.ru/news/polit/1061049.html> (дата обращения: 01.12.2021).
16. Дмитрий Медведев выступил с заявлением в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии. 26 августа 2008 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1223> (дата обращения: 01.12.2021).
17. Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании российско-испанских переговоров, 1 октября 2008 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1581> (дата обращения: 01.12.2021).
18. Интервью телекомпании Тэ-Эф-1, 26 августа 2008 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1229> (дата обращения: 01.12.2021).
19. Комментарий Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на выступление Министра иностранных дел Великобритании Д. Милибэнда в Киеве 27 августа 2008 года [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzCA/content/id/327134 (дата обращения: 01.12.2021).
20. Комментарий Президента Республики Николя Саркози в газете «Фигаро» о действиях Франции и Европейского Союза в пользу урегулирования конфликта между Грузией и Россией под названием «Россия должна уйти из Грузии без промедления» [Электронный ресурс] URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/08/18/tribune-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-dans-le-figaro-du-18-aout-2008-sur-laction-de-la-france-et-de-lunion-europeenne-en-faveur-du-reglement-du-conflit-entre-la-georgie-et-la-russie-intitulee-la-russie-doit-se-retirer-sans-del> (дата обращения: 01.12.2021).
21. Лавров: Берите пример с России и признайте реалии [Электронный ресурс] URL: <https://inosmi.ru/world/20080911/243952.html> (дата обращения: 01.12.2021).

22. Михаил Саакашвили сравнил себя с Давидом Строителем [Электронный ресурс] // «Коммерсантъ» URL: <https://www.kommersant.ru/doc/439566> (дата обращения: 01.12.2021).

23. Обращение президента Грузии Михаила Саакашвили [Электронный ресурс] URL: <https://civil.ge/ru/archives/173336> (дата обращения: 01.12.2021).

24. Обращение Президента Республики Южная Осетия Э. Кокойты. 20 сентября 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://cominf.org/node/1166478323> (дата обращения: 01.12.2021).

25. Обращение президента Саакашвили к нации – 13 августа 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://civil.ge/ru/archives/173145> (дата обращения: 01.12.2021).

26. Орлов А.А. Региональные и глобальные измерения в комплексе проблем безопасности на Южном Кавказе // Вестник МГИМО. 2011. № 3 (18). С. 58-60.

27. Предварительный отчет о 5953-м заседании Совета Безопасности ООН, 10 августа 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.5953> (дата обращения: 01.12.2021).

28. Пресс-конференция Президента Республики Николя Саркози о действиях Европейского Союза перед лицом российско-грузинского вооруженного конфликта, касающегося Южной Осетии и Абхазии, Брюссель, 1 сентября 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/01/conference-de-presse-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-laction-de-lunion-europeenne-face-au-conflit-arme-russo-georgien-concernant-lossetie-du-sud-et-labkhazie-a-bruxelles-le-1er-septembre-2008> (дата обращения: 01.12.2021).

29. Саакашвили критикует Запад за «молчание» [Электронный ресурс] URL: <https://civil.ge/ru/archives/173189> (дата обращения: 01.12.2021).

30. Саакашвили: Россия хочет навязать нам «делку мюнхенского типа» [Электронный ресурс] URL: <https://civil.ge/ru/archives/173171> (дата обращения: 01.12.2021).

31. Саакашвили: США недооценили надлежащим образом российскую угрозу [Электронный ресурс] URL: <https://civil.ge/ru/archives/173147> (дата обращения: 01.12.2021).

32. Совместная пресс-конференция Н. Саркози, Президента Республики, и М. Саакашвили, Президента Грузии, об усилиях Европейского Союза по разрешению российско-грузинского конфликта, касающегося сепаратистских регионов Грузии - Южной Осетии и Абхазии, Тбилиси, 8 сентября 2008 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/08/conference-de-presse-conjointe-de-mm-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-et-mikheil-saakachvili-president-de-la-georgie-sur-les-efforts-de-lunion-europeenne-en-faveur-de-la-resolution-du-conflit-russo-georgien-concernant-les-regions-separati> (дата обращения: 01.12.2021).

33. Стенографический отчет о встрече с участниками международного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1383> (дата обращения: 01.12.2021)

34. Цхинвали отметил «день независимости» [Электронный ресурс] URL: <https://civil.ge/ru/archives/173598> (дата обращения: 01.12.2021)

35. Цыганок А.Д. Война 08.08.08. Принуждение Грузии к миру. М.: Вече. 2011.

Беклямишев Владимир Олегович, старший преподаватель, bekliamishev@ya.ru, Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет

HISTORICAL ANALOGIES IN RUSSIAN, GEORGIAN AND FRENCH PRESIDENTIAL DISCOURSES ON THE FIVE-DAY WAR IN AUGUST 2008

V. O. Bekliamishev

The article is dedicated to role of historical analogies in Russian, Georgian and French presidential discourses on the Five-Day War in August 2008. We used methodology based on the N. Onuf's "constructivism of rules" and its operationalization in D. Yurlevichute's papers. The author consider historical analogies as speech acts of three types: constructing the ontology of the situation ("representatives"), fixing the obligations of the actor ("comissives") and his expectations from other actors ("directives"). An agreement between actors on the relevance of historical analogy automatically entails the establishment of appropriate rules, fully or partially "borrowed" from the "past". Analogies identified during the study were divided into three groups depending on them "target domain": global (target domain – the international system), regional (target domain – status of South Ossetia and Abkhazia) and national (target domain - individual states). The key analogy at the global level was the "Cold War anology". Differences in its interpretation demonstrate the inability of France, the United States and Georgia to worked out mutual obligations during the Russian-Georgian conflict. As alternative analogies the president of Georgia proposed a parallel with the "Munich agreement" of 1938, and president of Russia used an analogy with the terrorist attack of 9/11. At the regional level, the main historical analogies were the secession of Kosovo and the separatist movement in the Chechen Republic. The analogies used at the national level did not coincide in the discourses of three countries, which prompted the application to them the "securitization" theory.

Key words: historical analogy, "constructivism of rules", the theory of "securitization", the Russian-Georgian conflict of 2008, the Five-Day War, "political use of the past", political discourse, "cultural turn".

Bekliamishev Vladimir Olegovich, senior lecturer, bekliamishev@ya.ru, Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ ПАЛЕСТИНСКИЙ НАРОД

Ф. Х. Адван

Рассмотрены международные организации, поддерживающие палестинский народ. Как показывает нынешнее состояние палестино-израильского конфликта, международное посредничество в его разрешении без привлечения всех политических сил палестинского общества принесло больше вреда, чем пользы. Урегулировать подобные вопросы возможно путем переговоров, направленных на преодоления расхождений и решение всех имеющихся проблем.

Ключевые слова: палестинский вопрос, международные организации, палестинский народ.

Израиль всегда стремился к достижению компромисса, и все израильские правительства были готовы на серьезные уступки во имя достижения мира. Однако движение на пути к миру требует уступок и мер по укреплению доверия от обеих участвующих сторон. Мир может быть достигнут только путем переговоров, направленных на преодоления расхождений и решение всех имеющихся проблем.

Проблему урегулирования палестино-израильского конфликта и создания палестинского государства вряд ли можно считать малоизученной. Этим вопросам посвящена солидная масса научной литературы, где отражены практически все ее аспекты. Однако необходимо отметить, что такая проблема, как эволюция подходов основных акторов процесса к урегулированию этого конфликта, не получила должного внимания со стороны научного сообщества. В своем большинстве имеющиеся по данной теме работы сведены к анализу, оправдывающему того или иного субъекта конфликта. Как показывает нынешнее состояние конфликта, международное посредничество в его разрешении без привлечения всех политических сил палестинского общества принесло больше вреда, чем пользы. Более того, процесс мирного урегулирования превратился в формальность, поскольку позиция ООП (Организация освобождения Палестины) как единственного признанного Западом представителя палестинского народа не только не учитывается, но и открыто игнорируется. В таком же положении находится и движение ФАТХ («Национальное движение за освобождение Палестины»).

В процессе написания статьи исследованы документы ООН, официальные программные документы и заявления ООП, ФАТХ и ХАМАС, а также материалы выступлений и заявления политических деятелей Палестины, Израиля, России, США. Русскоязычная литература по исследованию проблемы представлена работами таких исследователей как В. В. Андреев, В. И. Батюк, А. Брасс. Среди арабских источников можно назвать работы Ашиязи А. Х., Едина З. З., Аль-Абдуллы Х.

Международное внимание к палестинскому вопросу с момента его возникновения было сосредоточено главным образом на попытках урегулирования вооруженного конфликта. После войны 1967 г. вопрос о Палестине рассматривался в более широком политическом контексте. Интернационализации проблемы арабо-израильских отношений и организации палестинской государственности способствовало создание в 1964 г. Организации освобождения Палестины.

В 1991 году происходит одно из наиболее значимых событий в арабо-израильском мирном процессе – международная конференция в Мадриде. У ЕС был статус наблюдателя на этой конференции, что означало исключение его из двусторонних переговоров. Из речи председателя Европейского Совета было ясно, что видение проблемы ЕС отличается от видения США – в ней постоянно подчеркивалось, что они призывают именно Израиль принять формулу «земля в обмен на мир», и прекратить строительство поселений.

Важно отметить, что посредническая деятельность едва ли может быть эффективной в случае, если одна из сторон конфликта противодействует миротворческим усилиям посредника. Такая проблема обозначилась в 1990-е годы, когда к власти в Израиле пришла правая партия «Ликуд», а премьер-министром стал Б. Нетаньяху.

В 1997 году лидеры европейских стран встретились в Амстердаме, где прошел саммит, посвященный разрешению палестино-израильского конфликта.

К началу 2000-х годов активность ЕС в палестино-израильском мирном процессе свелась лишь к критическим заявлениям в адрес Израиля, осуждению его поселенческой активности, «непропорционального» применения силы во время антитеррористической операции «Защитная стена» в Ливане. В том, что касается реальных шагов, некоторые страны начали вводить запрет на закупку товаров, произведенных в Израиле. Также ЕС опубликовал резолюцию, призывающую прекратить огонь в Газе, ввести экономические санкции, и введение экономических санкций в отношении Израиля.

После войны в Газе Европейский парламент одобрил доклад Голдстоуна, признававший вину израильских сил обороны в преступлениях против человечности. ЕС также критиковал израильскую блокаду Газы, называя ее «коллективным наказанием». Основными целями рабочих групп были снижение уровня коррупции, децентрализация власти и повышение независимости судебной системы, подготовка к свободным и справедливым выборам и создание эффективной и прозрачной нормативной базы для стимулирования развития частного сектора. Главной инициативой «Квартета» стала «Дорожная карта», опубликованная в 2002 году. План, представленный «Квартетом», был, действительно перспективен – в нем впервые с 1948 года утверждалась создание независимого Палестинского государства. Более того, главным принципом был выбран принцип

параллельности, что означало, что договоренности должны были реализовываться параллельно, а не последовательно.

Также план получил одобрение СБ ООН, что придало «Дорожной карте» высокую легитимность. Однако, вопреки ожиданиям, ни «Дорожная карта», ни дальнейшая работа «Квартета» не привели к установлению мира на Ближнем Востоке. Анализ деятельности и истории создания «четверки» позволяет выделить одну из причин, возможно основную, такого неутешительного результата: во-многом, это, именно, неоднозначность мотивов её создания.

Таким образом, «Квартет» стал площадкой для продолжения обычной политики США в вопросе мирного урегулирования. Если говорить, о роли ЕС в «Квартете», от надо отметить, высокий, однако не в полной мере реализованный, потенциал европейских стран на этой площадке. ЕС вполне мог бы привести стороны к миру, активно используя экономическое и политическое давление. Однако отсутствие единого подхода внутри Евросоюза привело к тому, что следование в фарватере США, казалось, было очевидным путем. Это усугублялось еще и тем, что Израиль не воспринимал ЕС как надежного, а главного удобного посредника.

На ранних этапах работы «Квартета» Евросоюзу удавалось в некоторой степени корректировать инициативы США и Израиля, чтобы интересы палестинцев были учтены. Одним из примеров эффективной деятельности ЕС в формате четверки можно назвать работу над реформой в Палестине – идея США заключалась в том, чтобы провести политическую реформу в Палестине, обеспечить проведение выборов и победу на них более «удобного» Израилю кандидата.

На современном этапе позиция Евросоюза сводится к пассивному участию в палестино-израильском мирном процессе. По большому счету, ЕС, по-прежнему, воспринимается как противовес «произраильскому миротворчеству», так как официальная позиция Евросоюза, как и раньше, основана на резолюциях ООН и на международном праве. Более того, ЕС продолжает оказывать финансовую поддержку ООП, оставаясь мировым лидером в этом вопросе.

Проблема возникает как раз тогда, когда дело доходит до реальных шагов. Несмотря на сложные отношения Евросоюза с Израилем, он остается важнейшим экономическим и политическим партнером ЕС. Например, когда в январе 2005 года Европейский союз (ЕС) решил полностью выполнить положение «Соглашения об ассоциации Европейского сообщества с Израилем» 1995 года, касающегося происхождения товаров, ввозимых в ЕС, и облагать таможенными пошлинами продукцию, произведенную на территориях, оккупированных Израилем во время войны 1967 года, очень скоро стала очевидна неэффективность этих мер. Нелегально эти товары все равно поступают на европейский рынок. В 2000 году между Израилем и ЕС были отменены импортные пошлины. Однако элементом поддержки палестинцев со стороны ЕС стало требование наносить определенную маркировку на товары, которые были произведены в поселениях, а также

соответствующие надписи о месте их производства, например, «Западный берег (израильское поселение)» или «Западный берег (Палестина)».

Также на современном этапе продолжается традиционная для ЕС политика финансовой или экономической стимуляции. Представители ЕС не раз говорили о финансовых привилегиях, которые станут доступны сторонам конфликта, в случае прогресса в мирном процессе. Например, звучали обещания, что как только, Палестина и Израиль достигнут мирных договоренностей, ЕС предоставит беспрецедентный пакет политической и экономической помощи, а также помощи в области безопасности обеим сторонам, также сторонам будет обеспечен «расширенный доступ к европейским рынкам» и другие выгоды.

Более трех десятилетий Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) оказывает поддержку палестинскому народу с помощью исследований, имеющих политическую направленность, осуществления проектов наращивания потенциала и технического сотрудничества, предоставления технической помощи и технических консультативных услуг, а также содействия достижению международного консенсуса в отношении потребностей палестинского народа и его экономики. Программа ЮНКТАД, направленная на создание и укрепление институционального потенциала палестинского государственного и частного сектора, затрагивает ограничения и меняющиеся потребности палестинской экономики в следующих четырех кластерах:

- торговая и макроэкономическая политика и стратегии развития;
- упрощение процедур торговли и логистика;
- финансы и развитие;
- политика в области предпринимательства, инвестиций и конкуренции.

В ответ на упомянутые выше резолюции в 2020 году ЮНКТАД представила Генеральной Ассамблее доклад об экономических издержках оккупации, сосредоточив внимание на экономических последствиях блокады Газы. В докладе приведены оценки еще большего роста бедности из-за блокады и военных операций по следующим параметрам: абсолютные и относительные показатели бедности на уровне домохозяйства; минимальные затраты на ликвидацию бедности; а также потенциальный экономический рост, который мог бы быть достигнут в отсутствие блокирования территорий, ограничений и военных операций.

В 2020 году ЮНКТАД опубликовала исследование под названием «Экономические издержки израильской оккупации для палестинского народа: обнищание Газы в условиях блокады». Это подробное исследование дает представление о критической ситуации в Газе и дает оценку экономических издержек блокирования, ограничений и военных операций, уделяя особое внимание социально-экономическим условиям.

В марте 2021 года ЮНКТАД опубликовала исследование «Комплексная имитационная модель палестинской экономической политики-2». Оно стало результатом постоянных усилий ЮНКТАД по совершенствованию

нию и обновлению макроэкономической модели палестинской экономики. Обновленная модель учитывает недавние структурные изменения в экономике и исследует альтернативные методики и методы. Она будет передана Институту исследований экономической политики Палестины и Палестинскому центральному бюро статистики (ПЦБС), как и первая модель, разработанная ЮНКТАД.

Это позволит обеим организациям прогнозировать перспективы палестинской экономики и предоставить директивным органам и частному сектору практические инструменты оценки ключевых аспектов палестинской экономики, оценки альтернативных вариантов и сценариев политики и оказания помощи в разработке стратегий экономического развития, нацеленных на достижение целей устойчивого развития.

В 2020 году ЮНКТАД продолжала оказывать технические консультативные услуги Группе прогнозирования ПЦБС, которая использует разработанную ЮНКТАД макроэконометрическую модель палестинской экономики с привлечением профессионального персонала, подготовленного ЮНКТАД. Прогнозы ПЦБС используются Министерством финансов Палестины для подготовки бюджета и другими палестинскими официальными органами для прогнозирования и анализа сценариев. Совсем недавно эта модель использовалась ПЦБС для оценки экономических и финансовых последствий пандемии COVID-19.

Кроме того, в 2020 году ЮНКТАД предоставила Институту исследований экономической политики Палестины ряд технических и консультативных услуг по моделированию и оценке экономических последствий пандемии.

Наконец, в конце 2020 года ЮНКТАД получила грант от правительства Саудовской Аравии для поддержания профессионального потенциала, необходимого ЮНКТАД для продолжения своей деятельности в области технического сотрудничества и поддержки усилий палестинского народа по достижению Целей устойчивого развития и содействия справедливому и прочному миру на Оккупированной палестинской территории и на Ближнем Востоке.

Таким образом, в 2020 году-начале 2021 года, несмотря на неблагоприятные и все более сложные условия на местах, ЮНКТАД продолжала оказывать поддержку палестинскому народу в координации с Палестинской национальной администрацией, гражданским обществом, международными организациями, донорами и страновой группой Организации Объединенных Наций для восстановления палестинской экономики и дальнейшего осуществления Целей устойчивого развития.

Нехватка внебюджетных ресурсов по-прежнему ограничивает возможности ЮНКТАД по удовлетворению растущих потребностей Палестинской национальной администрации, частного сектора и гражданского общества по созданию потенциала и оказанию технической помощи. Поэтому государствам-членам предлагается рассмотреть вопрос о выделении дополнительных ресурсов, которые позволят ЮНКТАД полностью выпол-

нить просьбы Найробийского маафикиано и резолюции Генеральной Ассамблеи.

Таким образом, перспективы возобновления переговорного процесса совсем невелики. Порочный круг насилия, недоверия и ожесточенности, в котором на протяжении уже нескольких десятилетий находятся два народа, можно разорвать только совместными усилиями основных международных акторов. Однако, учитывая современную политическую обстановку, наиболее вероятным сценарием можно считать сохранение существующего положения в зоне конфликта, отягчаемого периодическими вспышками насилия. В сложившихся условиях особенно важно продолжать изучение истории и сущности палестино-израильского мирного процесса, интересов сторон конфликта, и различных аспектов международного посредничества, как минимум, с целью привлечения дополнительного внимания к конфликту, который перестает быть частью международной повестки несмотря на то, что остается нерешенным, и продолжает негативно влиять на судьбы миллионов людей.

Список литературы

1. Карасова, Т. А. Политическая история Израиля: Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М., Институт востоковедения РАН., 2019. 528 с.
2. Косач Г. Г. Организация освобождения Палестины: путь к созданию национальной государственности // Ближний Восток и современность. Сб. статей (вып. 11). М., 2018. С. 142-164.
3. Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Палестинское движение сопротивления и формирование палестинской государственности (80-90-е гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН., 2019. 303 с.

Адван Фатхи Хишам, аспирант, fathiadwan3@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет

INTERNATIONAL ORGANIZATIONS SUPPORTING THE PALESTINIAN PEOPLE

F. H. Adwan

The international organizations supporting the Palestinian people are considered. As the current state of the Palestinian-Israeli conflict shows, international mediation in its resolution without involving all the political forces of Palestinian society has done more harm than good. It is possible to settle such issues with the help of negotiations aimed at overcoming differences and solving all existing problems.

Key words: the Palestinian question, international organizations, the Palestinian people.

Adwan Fathi Hisham, postgraduate, fathiadwan3@gmail.com, Russia, Tula, Tula State University

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-99-109

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИГРЫ КАК МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

С.В. Расторгуев

Анализируется возможность использования эволюционных игр для моделирования политических и экономических процессов в регионах России. Актуальность данного направления исследований связана с необходимостью выявления эффективных и неэффективных стратегий политических и экономических акторов. Приведён анализ российских исследований региональных политических режимов, взаимоотношений власти и бизнеса с использованием матрицы выигрышей теории игр. Целью исследования являлось моделирование политических процессов с использованием многораундовой эволюционной игры «Дилемма заключенных». Дан анализ исходов игры акторов, придерживающихся различных стратегий. В результате исследования определены основные параметры эволюционных игр в политическом и экономическом пространстве регионов России, которые оказывают существенное влияние на форму и содержание региональных политических режимов.

Ключевые слова: региональный политический режим, теория игр, эволюционные игры, стратегии, стратегические ходы

Применение матрицы выигрышей теории игр в региональных политических исследованиях

Для исследования политической власти в регионах можно использовать концепт «региональный политический режим». Данный концепт дает понимание характера взаимоотношений субъектов политического поля региона, их структурных конфигураций, позволяет обнаружить отличительные признаки региональных систем и в конечном счете, провести типологизацию. Хотя в современной России региональные политические режимы не отличаются разнообразием и полярностью эпохи начала нулевых годов, они тем не менее отличаются распределением ресурсов между акторами, эффективностью механизмов согласования интересов, балансом формальных и неформальных институтов. В.Я. Гельман определил «региональный политический режим» как структурированную совокупность наделенных ресурсами акторов, формальных и неформальных институтов, применяемых стратегий, обуславливающих характер региональной власти» [1, с.53]. Для 90-х гг. В.Я. Гельман предложил следующую классификацию региональных политических режимов России, которая фактически соответствует матрице теории игр: «война всех против всех», «война по правилам», «победитель получает все», «сообщество элит» [2, с.43-44].

Р.Ф. Туровский предложил анализировать региональные политические режимы России через координаты «монополия - олигополия» (показывает степень зависимости региональных ветвей власти от губернатора, который считается центральным политическим актором); «центр - регионы» (показывает степень взаимосвязи федеральных и региональных органов власти через индикаторы кадровых ротаций и судебных решений, лоббизм групп интересов на двух уровнях). Доминирование губернатора в политическом поле региона характеризуется как монополия, наличие ресурсных акторов, не входящих в команду губернатора, характеризует режим как олигополию [3, с. 83–86]. Акторы политического процесса изучаются в форме институтов (партии, НКО, органы власти), коалиций (группы интересов, в том числе неформальные), персон (политики). Координаты «демократия - тоталитаризм» характеризуют баланс методов принуждения и убеждения при реализации власти; представительство и активность оппозиции в органах власти и вне рамок органов власти; весомость воздействия регионального гражданского общества на ход политического процесса.

В отечественной политологии предложено несколько моделей, описывающих взаимоотношения политической власти и бизнеса в России по матричному принципу. Н.Ю. Лапина, на эмпирическом материале российских регионов конца 1990 - начала 2000-х гг., выделила четыре модели взаимоотношений между органами политической власти и бизнесом, которые можно рассматривать как «идеальные типы» [4, с. 165–170]. Патронаж (государство руководит бизнесом на основе административного ресурса); партнерство (государство и бизнес взаимовыгодно сотрудничают, государство получает приемлемую долю налогов, а бизнес – приемлемую норму прибыли); подавление (акторы политической власти и бизнеса находятся в состоянии войны); приватизация власти (крупная корпорация ставит на государственные посты своих ставленников). В реальности в рамках отдельных регионов существуют гибриды из разных моделей. Гибридизация зависит от типа регионального политического лидерства, сложившейся традиции политического режима, степени консолидации регионального бизнеса.

По существу, модели Н.Ю. Лапиной представляют собой матрицу теории игр, где каждый игрок выбирает ход и получает комбинацию в зависимости от хода другого игрока (табл. 1).

Таблица 1

Модели взаимоотношений политической власти и бизнеса
Н.Ю. Лапиной

		Игрок 2 (региональная власть)	
		<i>конкуренция</i>	<i>кооперация</i>
Игрок 1 (бизнес)	<i>конкуренция</i>	Подавление	Приватизация власти
	<i>кооперация</i>	Патронаж	Партнерство

Аналогичный алгоритм использовала Н.В. Зубаревич, которая классифицировала регионы России по критерию интереса со стороны крупных корпораций. Интерес определяется разницей между суммой потенциальных выгод и суммой рисков издержек инвесторов. Было выделено четыре типа регионов: базовые регионы, регионы экспансии, регионы полупериферии, регионы периферии [5, с. 34–40].

В работах С.В. Расторгуева представлена модель «мезоуровня» (регионального уровня), описывающая баланс сложившихся ресурсных обменов акторов политики и экономики. Баланс обменов рассчитывается как средняя величина кадровых, финансовых, юридических, символических обменов бизнеса и власти в группе регионов [6, с. 117–125]. На основе данного расчета составляется профиль системы обменов ресурсами политической власти (региональных политических режимов) и бизнеса (профилей регионального бизнеса) в каждом из регионов. По региональным профилям субъекты ранжируются по пяти полям, отражающих различия в балансе «власть/сила» – «зависимость»: «сила политической власти – зависимость бизнеса»; «умеренная сила политической власти – умеренная зависимость бизнеса»; «паритет политической власти и бизнеса»; «умеренная сила бизнеса – умеренная зависимость политической власти»; «сила бизнеса – зависимость политической власти» [7, с.231]

Все вышеуказанные модели, прошедшие проверку на российском эмпирическом материале, теоретически связаны с теорией игр, в частности с многократной игрой «Дилемма заключенных» [8; 9, с. 583–613]. Целесообразно применить модель эволюционных игр, в которых конкурируют между собой различные стратегии акторов, для понимания стратегических взаимоотношений государства, бизнеса, общества в регионах. Конкретные игроки могут быть представлены различными акторами, которые находятся в процессе взаимодействия и совершают взаимные обмены для достижения своих целей. Особенность эволюционной игры заключается в выбывании из сетевого обмена наименее эффективного игрока и выявлении наиболее эффективной стратегии.

Эволюционная игра «Дилемма заключенных»

По условиям задачи два игрока могут выбрать из двух вариантов поведения: решение №1 – не сознаваться в совершении преступления (кооперация), решение №2 – сознаваться в совершении преступления (конфликт). Каждый игрок строго изолирован и может только прогнозировать поведение другого. Если оба игрока не сознаются, то они оба получают минимальное наказание, если оба сознаются, то они оба получают большее наказание. В случае, если один игрок сознался, а другой не сознался, сознавшийся освобождается от наказания, а не сознавшийся получает очень большое наказание. В результате матрица результатов принимает следующий вид (чем больше значение, тем больше выигрыш игрока).

Таблица 2

«Дилемма заключенных»

Варианты поведения		Игрок 1	
		Не сознаваться (кооперация)	Сознаваться (конфликт)
Игрок 2	Не сознаваться (кооперация)	2 : 2	0 : 4
	Сознаваться (конфликт)	4 : 0	1 : 1

Для каждого из игроков справедливо следующее: $4 > 2 > 1 > 0$. Доминирующей стратегией оказывается решение № 2 – сознаваться, так как в случае выбора вторым игроком решения № 1, наказание вообще отсутствует, а в случае выбора вторым игроком решения №2, наказание будет обоюдным и не максимальным. Равновесие Нэша в дилемме заключенных соответствует доминирующей стратегии каждого игрока и находится в поле «сознаваться – сознаваться» 1:1, в одностороннем порядке никому не выгодно менять стратегию, поскольку это приведет к полю «сознаваться – не сознаваться» 4:0 в пользу, неизменившего стратегию. Однако в данном случае равновесие Нэша не является Парето-эффективным. Парето-эффективная стратегия находится в поле «не сознаваться – не сознаваться» 2:2, она гарантирует каждому из игроков минимальные потери, а в случае одностороннего или взаимного изменения стратегии на стратегию «сознаваться», игроки резко увеличат проигрыши.

Рассмотрим многораундовую (10 раундов) эволюционную игру «Дилемма заключенных» между 6 игроками с разными стратегиями. Каждый игрок играет 10 раундов с каждой стратегией, после чего подсчитываются очки. После каждого тура выбывает игрок с наименьшей суммой очков. В следующем туре игроки опять играют друг с другом, после чего из игры выбывает следующий участник с наименьшей суммой очков. Игра продолжается до пятого тура, в котором должен победить один из игроков с наиболее эволюционно эффективной стратегией (возможен ничейный вариант, что свидетельствует о равной эффективности стратегий).

Стратегия «всегда кооперация» (I) – выбор во всех раундах независимо от ответов других игроков стратегии кооперации. Стратегия «всегда конфликт» (II) – выбор во всех раундах независимо от ответов других иг-

роков стратегии конфликта. Стратегия «око за око» (III) – в первом раунде выбирается стратегия кооперации, далее ходы зависят от стратегии второго игрока, если он выбирает кооперацию, то в ответ следует кооперация, если конфликт, то на следующем ходу выбирается конфликт. Стратегия «хитрое око за око» (IV) аналогична стратегии «око за око», отличие заключается в том, что первым ходом выбирается конфликт. Стратегия «прощающее око» (V) начинает с кооперации и применяет возмездие после двух конфликтных ходов второго игрока.

Стратегия «рандом» (VI) – выбор между кооперацией и конфликтом распределяется случайным образом по отношению к каждой стратегии. Для целей данного моделирования использовался генератор случайных чисел: четное число соответствует стратегии «кооперация» и нечетное число стратегии «конфликт». Для упрощения модели предполагается, что стратегия «рандом» копируется для каждой игры во всех раундах. В игре со стратегией I стратегия «рандом» имеет вид: конфликт – кооперация – конфликт – кооперация – конфликт – кооперация – кооперация – конфликт – кооперация (далее конфликт - КФТ, кооперация – КПЯ) В игре со стратегией II стратегия «рандом» имеет вид: (КПЯ – КФТ – КПЯ – КПЯ – КПЯ – КПЯ – КПЯ – КФТ – КПЯ – КПЯ). В игре со стратегией III – (КФТ – КФТ – КПЯ - КПЯ – КФТ – КФТ – КПЯ – КПЯ – КФТ – КПЯ). В игре со стратегией IV (КФТ – КПЯ – КПЯ – КПЯ – КФТ – КПЯ – КФТ – КПЯ – КФТ – КПЯ). В игре со стратегией V (КПЯ – КФТ – КФТ – КПЯ – КПЯ – КФТ – КПЯ – КФТ – КФТ – КФТ).

Исходы игр 1 тура (табл.3)

Таблица 3

Исход эволюционной игры I тура

	Стратегия I	Стратегия II	Стратегия III	Стратегия IV	Стратегия V	Стратегия VI	Итого
Стратегия I	X	0:40	20:20	18:22	20:20	12:28	70
Стратегия II	40:0	X	13:9	10:10	16:8	34:2	113
Стратегия III	20:20	9:13	X	20:20	20:20	18:18	87
Стратегия IV	22:18	10:10	20:20	X	22:18	19:19	93
Стратегия V	20:20	8:16	20:20	18:22	X	11:27	77
Стратегия VI	28:12	2:34	18:18	19:19	27:11	X	94
Итого	70	113	87	93	77	94	X

В первом туре убедительную победу одержала стратегия «всегда конфликт» (II), а выбыла из игры по результатам пяти раундов стратегия «всегда кооперация» (I), которая набрала наименьшее количество очков.

Таблица 4

Исход эволюционной игры II тура

	Стратегия II	Стратегия III	Стратегия IV	Стратегия V	Стратегия VI	Итого
Стратегия II	X	13:9	10:10	16:8	34:2	73
Стратегия III	9:13	X	20:20	20:20	18:18	67
Стратегия IV	10:10	20:20	X	22:18	19:19	71
Стратегия V	8:16	20:20	18:22	X	11:27	57
Стратегия VI	2:34	18:18	19:19	27:11	X	66
Итого	73	67	71	57	66	X

По итогам тура II победу вновь одержала эгоистическая стратегия «всегда конфликт» (II), при этом ее преимущество над стратегией «хитрое око за око» (IV) сократилось до двух очков. Альтруистическая стратегия «прощающее око» (V) набрало наименьшую сумму очков и выбыло из игры.

Таблица 5

Исход эволюционной игры III тура

	Стратегия II	Стратегия III	Стратегия IV	Стратегия VI	Итого
Стратегия II	X	13:9	10:10	34:2	57
Стратегия III	9:13	X	20:20	18:18	47
Стратегия IV	10:10	20:20	X	19:19	49
Стратегия VI	2:34	18:18	19:19	X	39
Итого	57	47	49	39	X

В третьем раунде победа осталась за стратегией «всегда конфликт» (II), а ее отрыв от занявшей второе место стратегией «хитрое око за око» (IV) увеличился. Стратегия VI «рандом» заняла последнее место и выбыла из игры, прежде всего, из-за катастрофического результата раундов со стратегией «всегда конфликт» (II).

Таблица 6

Исход эволюционной игры IV тура

	Стратегия II	Стратегия III	Стратегия IV	Итого
Стратегия II	X	13:9	10:10	23
Стратегия III	9:13	X	20:20	29
Стратегия IV	10:10	20:20	X	30
Итого	23	29	30	X

В четвертом туре стратегия «всегда конфликт» (II) проиграла по общей сумме очков двум альтруистическим стратегиям, хотя ни одной из этих стратегий она не уступила в личных встречах. В этом проявляется положительный эффект максимизации результата при игре двух доверяющих друг другу игроков. При этом максимально возможная сумма 40 очков в силу особенности стратегий была набрана в результате попеременного взаимного наказания за выбор хода «конфликт». Аналогичный результат достигался выбором стратегии «кооперация» во всех 10 раундах.

В пятом раунде стратегия «око за око» (III) и стратегия «хитрое око за око» (IV) играют вничью с результатом 20:20. Таким образом по итогам эволюционной игры определились два победителя, представленные альтруистическими стратегиями.

Анализ и выводы по результатам моделирования

Во-первых, изначальная конфигурация игровых стратегий благоприятствовала выходу в финал двух альтруистических стратегий. Необходимо определенное количество стратегий «кооперация», представляющих собой вариации стратегий «око за око», поскольку стратегия «всегда кооперация» быстро проигрывает. В этом можно убедиться, если из первоначальной конфигурации удалить альтруистическую стратегию «хитрое око за око» (IV), тогда в финале встретятся стратегия «всегда конфликт» (II) и стратегия «око за око» (III), что приведет к победе стратегии «всегда конфликт» (II) со счетом 13:9. Таким образом, от первоначальной конфигурации и соотношения эгоистических и альтруистических стратегий во многом зависит конечный результат эволюционной игры.

Во-вторых, возможность игроков менять стратегии в каждом последующем туре может привести к росту неопределенности и выбору в качестве доминирующей стратегии, далекой от Парето-эффективности. Если в пятом туре нашего примера, закончившимся равновесием 20:20, четвертый игрок со стратегией «хитрое око за око» (IV) поменяет стратегию на «всегда конфликт» в расчете на неизменность стратегии третьего игрока («око за око»), чтобы добиться победы с результатом 13:9, то у третьего игрока также возникает мотивация изменить стратегию. В частности, пе-

реход к стратегии «хитрое око за око» (IV) или «всегда конфликт» даст результат 10:10. В итоге оба игрока, не доверяющие друг другу и меняющие стратегию, достигают менее выгодного равновесия: $(20:20) > (10:10)$.

Если в четвертом туре игрок со стратегией «всегда конфликт» (II) перейдет к стратегии «хитрое око за око» (IV), то игра закончится победой стратегии «око за око» (III). Причем игра закончится без пятого тура, поскольку второй и четвертый игроки с одинаковой стратегией наберут одинаковое количество очков (по 39) и будет зафиксировано финальное равновесие. А суммарные выигрыши в каждом раунде значительно возрастут (достижение Парето-эффективности). Изменение стратегий от тура к туру в эволюционной игре может приводить к увеличению суммарного результата как отдельного игрока, так и нескольких игроков. Таким образом, возможность смены стратегий по ходу игры создает ситуацию вероятности разновекторного процесса, который может как приближать игроков к Парето-эффективности, так и отдалять их от нее.

В-третьих, стратегия «рандом» может оказать определенное влияние на результат игры. Так, в представленном случае стратегия «рандом» по отношению к стратегии «всегда конфликт» выдала восемь случаев кооперации и два случая конфликта, что привело к значительной максимизации результата стратегии «всегда конфликт» (II) 34:2. Если бы случайным образом стратегия «рандом» по отношению к стратегии «всегда конфликт» (II) выдала восемь случаев конфликта и два случая кооперации, то результат был бы 16:8. При таком раскладе уже во втором туре эгоистическая стратегия «всегда конфликт» (II) выбыла бы из игры.

Рандомную стратегию можно рассматривать как неизбежный элемент неопределенности, потенциальный «черный лебедь». Игроки могут только предполагать вероятность появления «черного лебедя», исходя из закона нормального распределения и средней величины [10]. В частности, в приведенном примере стратегия «рандом» по отношению к пяти игрокам в 50 раундах выдала 58 % кооперации и 42 % конфликта, что как раз объясняется статистическим выбросом в случае распределения кооперации и конфликта (80 % : 20 %) по отношению к стратегии «всегда конфликт» (II). Если стратегию «рандом» (VI) заново переформатировать по отношению ко всем игрокам в каждом туре, то это приведет к повышению неопределенности. Автором статьи проведено подобное переформатирование под каждый раунд, что не повлияло на конечный результат – в четвертом туре оказались стратегии II, III, IV. Изменялись только позиции игроков во втором и третьем турах - стратегия «всегда конфликт» (II) ни разу не заняла единоличного первого места. Таким образом, игрок, не придерживающийся определенной стратегии и меняющий ход в случайном порядке, может оказать влияние на конечный результат эволюционной игры. Если в первоначальной конфигурации наберется критическая масса игроков с рандомной стратегией, то конечный результат может стать непредсказуемым, что превратит фактор неопределенности в доминирующую норму.

В-четвертых, если игроки ориентированы не на долговременную перспективу (победа в последнем туре), а на максимизацию результата в более коротком периоде (победа в нескольких турах), то они могут придерживаться первоначальной стратегии или менять стратегию без учета репутационных рисков, то есть вести себя так, как если бы каждая следующая игра предполагала новую конфигурацию стратегий. Так, в рассматриваемом случае наибольшее количество очков набрала стратегия «всегда конфликт» (II) – 266, хотя она и не вышла в финал. А если бы в четвертом туре данная стратегия была изменена на стратегию «хитрое око за око» (IV), то это бы принесло 282 очка. Выбор в пользу краткосрочной максимизации выгод может быть обусловлен эндогенными и экзогенными для игры факторами, которые следует учитывать остальным игрокам. При этом краткосрочная максимизация выгоды одного игрока может быть выгодна остальным участникам, поскольку соответствует Парето-эффективности. Так вышеупомянутый переход в четвертом туре от стратегии «всегда конфликт» (II) на стратегию «хитрое око за око» (IV) не приводит к односторонней максимизации, а увеличивает суммарные выигрыши двух других игроков: в табл. 6 итоговый результат стратегии «око за око» (III) составит 40 очков, а стратегии «хитрое око за око» (IV) – 39 очков.

Создание репутации, применение стратегических ходов в форме обещания, обязательства, угрозы, возможность арбитража третьей силы, применяющей санкции к нарушителю норм, позволяют уменьшить неопределенность и информировать участников игры о наиболее вероятной стратегии игрока [11, 151–201]. Таким образом, информация, свидетельствующая о предпочтении игроком максимального краткосрочного результата, осуществление стратегических ходов дает возможность остальным игрокам предположить наиболее вероятную стратегию данного игрока.

Заключение

Использование моделей теории игр в исследованиях региональных политических и экономических процессов представляется достаточно перспективным направлением. В частности, эволюционные игры дают представление о перспективах тех или иных стратегий участвующих в игре акторов. Наибольшую значимость приобретают следующие четыре параметра эволюционной игры: первоначальная конфигурация участников как носителей эгоистических и альтруистических стратегий; возможности игроков менять стратегии в каждом новом раунде; степень неопределенности стратегий ряда акторов (рандом) и количество таких акторов; преодоление асимметрии информации с помощью стратегических ходов, третейского арбитража и создания репутации.

Основные характеристики регионального политического режима можно представить в виде усредненного результата многих эволюционных игр основных акторов, придерживающихся определенных стратегий.

Можно предположить, что форма и содержание любого регионального политического режима представляют собой итог эволюции (отбора) определенных стратегий. Для стабилизации или трансформации регионального политического режима необходимо поддерживать/изменять указанные выше четыре параметра.

Список литературы

1. Гельман В.Я. Власть, управление и локальные режимы в России // Неприкосновенный запас. 2010. №2. С. 53
2. Россия регионов: Трансформация политических режимов. Под ред. В.Я. Гельмана, С.И. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир; «Berliner Debatte Wissenschaftsvellag», 2000. С. 43–44
3. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Политические исследования. 2009. №2. С. 83–86.
4. Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. дис. ... д-ра полит. наук. М.: С. 165–170
5. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Независимый институт социальной политики. М.: Проматур, 2005. С. 34–40.
6. Расторгуев С.В. Инкубенты-бизнесмены в областной законодательной власти в ЦФО 2000–2011 гг. // Политические исследования. 2012. №4. С. 117–125.
7. Расторгуев С.В. Партнерство и соперничество во власти и в бизнесе в современной России. М.: РОССПЭН, 2014. 295 с.
8. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. N.Y.: Basic Books, 1984. 241 pp.
9. Стратегические игры. Доступный учебник по теории игр. / А. Диксит, С. Скит, Д. Рейли-мл.; пер. с англ. Н. Яцюк; [науч. ред. А. Минько]. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2017. 880 с.
10. Элементарные понятия статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://statistica.ru/textbook/elementarnye-ponyatiya-statistiki/#20> (дата обращения: 15.01.2022).
11. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сонины. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.

Расторгуев Сергей Викторович, д-р. полит. наук, проф., SRastorguev@fa.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

EVOLUTIONARY GAMES AS MODELS OF REGIONAL POLITICAL PROCESSES

S.V. Rastorguev

The article analyzes the possibility of using evolutionary games to model political and economic processes in the regions of Russia. The relevance of this research area is related to the need to identify effective and ineffective strategies of political and economic actors.

The analysis of Russian studies of regional political regimes, the relationship between government and business using the game theory win matrix is presented. The aim of the study was to model political processes using a multi-round evolutionary game "Prisoners' Dilemma". Analysis of the outcomes of the game of actors adhering to different strategies. As a result of the study, the main parameters of the evolutionary games in the political and economic space of the regions of Russia are determined, which have a significant impact on the form and content of regional political regimes.

Key words: regional political regime, game theory, evolutionary games, strategies, strategic moves

Rastorguev Sergey Viktorovich, doctor of political science, professor, SRastorguev@fa.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

УДК 324(045)

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-109-119

ФАКТОРЫ ПРОТЕСТНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ И ЛОГИКА ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2020 г.

Н.М. Печенкин

Представлены данные изучения факторов формирования и динамики протестных общественно-политических настроений и логики протестной активности жителей республики Беларусь в период до и после президентских выборов 2020 года. Автором проведено социологическое исследование методом индивидуального глубокого интервьюирования. Полученные результаты позволяют сделать более глубокие выводы о причинах и следствиях падения доверия граждан к власти и о технологиях организации протестной активности.

Ключевые слова: протестные общественно-политические настроения, протестная активность, протесты, выборы президента, Республика Беларусь.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31737.

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, уровень протестных настроений и протестной активности после президентских выборов в Республике Беларусь в 2020 году был одним из наиболее высоких за весь постсоветский период существования государства. Во-вторых, в условиях кризиса доверия к власти происходит развитие протестных настроений, которые могут и далее приводить к массовым протестным акциям. В-третьих, в Беларуси наблюдается использование технологий дестабилизации политической системы, что в дальнейшем может использоваться в России в 2024 и 2030 гг.

Целью исследования является изучение факторов протестных общественно-политических настроений и логики протестной активности граждан республики Беларусь в 2020 г. В теоретико-методологическую основу работы вошли результаты исследований авторами протестных настроений социологическими методами [1], концепция «спирали молчания» Э.Ноэль-Нойман [2], теория ограниченной рациональности Г.Саймона [3], теория массового политического сознания и поведения Д.Ольшанского [4], исследования протестной активности О.Габы [5] и исследования кризиса доверия к власти С.Белоконева [6].

Основная часть научных публикаций по Беларуси за 2019-2021 гг. посвящена следующим темам: 1) кризис легитимности А. Г. Лукашенко и протестные настроения граждан Беларуси [7-11]; 2) внешнеполитическое влияние стран ЕС на дестабилизацию режима в Беларуси [12-14]; 3) влияние медиасферы и сетевой коммуникации на эскалацию протестных движений в Беларуси [15-16]; 4) интеграционные процессы между республикой Беларусь и Российской Федерацией [17-21].

В данных публикациях при анализе политических процессов, связанных с проведением президентских выборов в 2020 году в Беларуси, авторы, как правило, проводят аналогии с украинским «майданом» с той разницей, что данная попытка цветной революции оказалась безуспешной.

Основные причины произошедшего, которые выделяются исследователями:

- усталость белорусских граждан от бессменного правления А.Лукашенко;
- несогласие с методами проведения и результатами выборов и «раскачивание» ситуации оппозиционными СМИ и телеграм-каналами;
- раскол политической элиты на прогосударственную и представляющую интересы международного рынка;
- одновременное выстраивание двух противоположных векторов развития с ориентацией на ЕС и с ориентацией на Россию (извлечение выгоды с обеих сторон);
- снижение экономических темпов роста страны и негативные последствия внешней экономической конъюнктуры, приведшие к снижению размеров зарплат и выплат в пересчёте на европейскую и американскую валюту.

В статьях, посвященных внешнеполитическому влиянию на политические процессы в Республике Беларусь, рассматривается, во-первых, политика «многовекторности» Лукашенко и его попытка одновременно соответствовать интересам как стран ЕС, так и России. Во-вторых, в публикациях по данной тематике освещается роль внешнеполитических акторов в дестабилизации сложившейся политической системы в Республике Беларусь и отработке технологий «цветной революции». Особое внимание уделяется Польше и Литве, их финансированию белорусской оппозиции и ведение ими протестной информационной пропаганды.

С начала президентской кампании на сознание белорусов через социальные сети и различные видеоканалы начал влиять профессионально подготовленный контент, нацеленный на эмоциональное взвинчивание граждан. Основными инструментами мобилизации и коммуникации участников протестов, «рупорами» оппозиции в Беларуси после выборов 2020 года были телеграм-каналы: «Nexta», «Nexta Live», «TUT. BY новости», «Беларусь головного мозга», «Мая Краіна Беларусь», «Радио Свобода Беларусь», «Хартия'97%» и др.

Значительная роль в организации протестного движения отводится IT-специалистам. Работники данной сферы стояли не только за «архитектурой» протеста, но и за добыванием и распространением информации личного характера о сотрудниках правоохранительных органов, о государственных служащих, о журналистах государственных СМИ и о других сторонниках А. Лукашенко.

Авторами публикаций отмечается, что акторы «сетевой революции» планировали парализовать три «столпа поддержки» политического режима государства: государственный аппарат, институты защиты государства и экономику. Последний пункт крайне важен, так как особенностью устройства и устойчивости Беларуси является значительная роль государственного сектора в экономике.

Задача по удержанию президентом А. Лукашенко власти в значительной степени облегчилась тем, что во главе протестующих в решающий момент послевыборного противостояния не оказалось харизматичного лидера, готового вести людей на улицу и жертвовать собой ради победы. Ни один из лидеров белорусской оппозиции не смог возглавить протесты. Таким образом, А. Лукашенко удалось превратить процесс борьбы за сохранение поста президента в движение за защиту суверенитета, порядка и стабильности, вызвав определенные патриотические чувства даже у тех сограждан, которые продолжают негативно относиться к политике президента.

Выделяются также важные экономические последствия политического кризиса. Во-первых, за два месяца после президентских выборов страну покинуло больше людей, чем за прошлый год. В основном конечным пунктом маршрута эмигрировавших является Украина, Литва и Латвия. Во-вторых, в последнее время очевидна тенденция к ужесточению западных санкций против Беларуси, обусловленных нежеланием руководства страны идти на уступки протестующим.

Для более глубокого и системного понимания политических процессов, произошедших в 2020 году в республике Беларусь, автором данной статьи было проведено социологическое исследование, состоящее из 20 индивидуальных глубинных интервью в России и Белоруссии. В качестве экспертов были выбраны лидеры мнений, политологи, социологи, депутаты, журналисты, лидеры молодежных организаций и представители политических партий. Одной из важных задач было сравнение мнений экспер-

тов в России и мнений экспертов в Белоруссии. Результаты проведенных экспертных интервью позволяют сделать следующие выводы касательно факторов протестных настроений и логики протестной активности.

Социально-экономическое положение Республики Беларусь в целом было стабильно на протяжении последних лет. Выделяется бурный рост до 2008 года, после – зона медленного роста. Из-за коронавируса ВВП незначительно упал, но сейчас фиксируется восстановительная фаза. Большая часть экономики – государственная, не было приватизации в 90-е. Экспорт в Россию – одна из ключевых статей дохода сегодня для бюджета, отсюда и определенная зависимость. При этом некоторые эксперты делят социально-экономическую ситуацию в Республике Беларусь на период до президентских выборов 2020 года и период после них. Первый этап характеризовался достаточно масштабным вливанием финансов в белорусский бизнес странами Европы. Второй этап подразумевает введение западных санкций, что ведет к негативным для экономики государства последствиям. Основным драйвером белорусской экономики за последние 5 лет стал IT-сектор. Бурное развитие IT-индустрии в республике способствовало переориентации молодежи на более высокие стандарты уровня жизни и зарплаты, предлагаемые IT-отраслью, что способствовало росту протестных настроений.

Восприятие жителями республики Беларусь своего положения за последние годы было неоднозначным. С одной стороны, вырос новый городской средний класс (преобладание специалистов IT-сферы и малого и среднего бизнеса, особенно в сфере услуг). Этот класс особенно вырос за последние годы как количественно (до 100 тыс. в 2-млн. Минске), так и по уровню зарплат (в 5-10 раз больше, чем в госсекторе). Но восприятие средним классом своего социально-экономического положения было скорее негативным, они считали, если бы не авторитарная власть, то получали бы больше. С другой стороны, сохранился класс жителей, работающих на госпредприятиях и в бюджетных учреждениях. Их положение медленно, но улучшалось. Но они видели тот разрыв, который начал складываться между работниками частной сферы и государственной. Сглаживание негатива происходило за счёт высокого уровня «социального контракта», который государство выполняло (бесплатная медицина и образование, стабильные выплаты и рабочие места и т. д.). Особенно расслоение было заметно в Минске, меньше - в областных центрах.

2020 год стал переломным в развитии гражданского общества. Оно проявилось в явном виде и стало развивать горизонтальные коммуникации для борьбы с последствиями коронавирусной пандемии (собирались деньги, покупался инвентарь для больниц и нуждающихся). В целом подход государства с отрицанием пандемии вызывал негатив у относительно меньшей, но активной части населения. При этом ряд экспертов признает недоработку в выстраивании коммуникации между властью и обществом, особенно со стороны государственных СМИ. Многие жители видели ре-

альные последствия коронавируса (в том числе смерти, особенно врачи), и чувство безопасности стало меньше, государство надломило чувство защищенности и веру в «социальный контракт». «Экономический кризис. Пандемия. Общая тревожность и страх». По одиночке эти факторы не сработали бы, а все вместе дали кумулятивный эффект. Сложились условия для возникновения протестов. При этом важно помнить, что попытки уличных протестов в республике были после каждого президентских выборов, особенно массовые в 2011 году.

Динамика общественно-политических настроений за последние 5 лет в Республике Беларусь характеризовалась нарастанием протестного потенциала внутри белорусского общества. Самоорганизация активной части общества с совокупной усталостью от несменяемости власти (при отсутствии даже видимости политической конкуренции на любом уровне) стали ключевыми причинами трансформации протестных настроений в протестную активность в 2020 году. Важно отметить, что конкретными поводами для массового выхода на улицу стали аресты оппозиционных кандидатов, уверенность в фальсификации результатов выборов и (что стало главной причиной массовости) жесткое применение силы органами правопорядка («детей избивали»). Формула «Усталость от власти – Нечестные выборы (несоответствие электоральных ожиданий с результатами, как итог – депривация) – Сакральная жертва».

Одной из важных причин массовости протестной активности после выборов президента республики Беларусь в 2020 году стал фактор сетевизации коммуникаций, вовлекающий граждан в политические действия посредством интернет-коммуникаций без «живого» участия протестно-настроенных жителей государства в акциях. Этому способствовало массовое использование социальной сети Telegram. Среди других причин возникновения массовых протестов можно отнести «недоработку» властей по разным направлениям. В сфере молодежной политики, например, власть не сумела остановить процесс «европеизации» молодых граждан Республики Беларусь, что привело к нежеланию этой категории придерживаться государственного курса. Так, в молодых умах происходила романтизация идеи белорусской республики. Как следствие, «бчб-флаг» стал элементом молодежной субкультуры и символом протеста.

Власти в Беларуси до 2020 года проводили либеральную политику в отношении свободы слова и присутствия на территории различных общественных организаций, финансируемых из ЕС. До 2020 года терялось доверие к традиционным СМИ и параллельно формировалась оппозиционная информационная сеть, которая быстро переориентировалась на работу по критике властей. Основой сети были новые медиа, особенно выделяется роль Telegram и YouTube. При этом на территории Беларуси функционировала сеть прозападных НКО (благотворительность, экология, дети и т.д.). Для властей это была удобная функция по созданию хорошо оплачиваемых рабочих мест, но в момент протестов эта сеть также мобилизова-

лась против. Информационная кампания велась активно через тг-каналы, тг-геочаты (дворовые и уличные), активно использовались домовые чаты по подъездам (особенно в районах новой застройки). Все это способствовало сетевой мобилизации протестов.

После того, как протестные настроения были подогреты, на политической арене появилось несколько альтернативных кандидатов, которые попытались активно вести избирательные кампании. Действующий президент республики предпочел не участвовать в предвыборной гонке, объясняя это известной формулой «мои дела скажут обо мне больше», что в итоге сыграло против него. Тем не менее, протест и его лидеры, как и в предыдущие годы, не смогли сформировать единой альтернативной силы, объединяющей оппозиционные силы против А. Лукашенко.

Информационная кампания оппозиции была направлена на формирование ощущения отсутствия поддержки властей и на дискредитацию президента (спираль молчания, при которой сторонники власти не хотели публично выражать свою поддержку этой власти). Ряд экспертов признает, что А.Лукашенко – харизматичный лидер, который свободно общается с людьми. Но накопилась реальная усталость. При этом в Минске президента всегда поддерживало 30-40 % на выборах (традиционно в Минске он получал самый низкий результат по стране). Ощущение того, что «все против», способствовало единению оппозиции. Главная ошибка оппозиции была в надежде на деструктивную мотивацию «голосовать за кого угодно, но против Лукашенко». В этот момент негативно сказались отсутствие избирательной кампании А. Лукашенко (при этом рядом экспертов выборы сегодня в мире признаются несущественными, а главной задачей политических технологий становится легитимация и защита их результатов). Все это приводило к мультипликации за счет геймификации протеста, «квест по приколу», расчет на то, что власть будет снесена.

В качестве технологий, использованных оппозицией после выборов, эксперты выделяют классические технологии ненасильственной борьбы. В дополнение к этому, в связи с расширением способов визуализации протеста и передачи данных, появилось множество новых технологий, которые ориентированы в основном на эмоциональную составляющую участника акции. Так, технология революционного маркетинга позволяет организовать и продать протест с помощью визуализации победы. Например, 3 % – визуализация рейтинга, тиражировавшаяся в интернет-пространстве, программировала сознание граждан на отсутствие абсолютной поддержки другими гражданами Лукашенко. Данный этап технологий организации протестных акций можно назвать информационно-коммуникативным. Он ориентирован на дискредитацию образа власти и ее высмеивание, что делалось за счет оппозиционных телеграмм-каналов, прежде всего NEXTA: мемы про «таракана», «Сашу 3%» и т.д. как раз создавали образ нелепой и загнанной в угол власти. Значительную роль в мобилизации сыграли символы: «бчб-флаги», белые ленты, белая одежда. Но одной «волшебной»

технологии не бывает, т.к. все в комплексе работает. Отмечается важность использования новых децентрализованных ходов. Как итог, для разных аудиторий были совершенно разные технологии.

После информационно-коммуникативного этапа следует этап организационный. Он является совокупностью методов организации протестных акций для дестабилизации режима, проводившихся в Беларуси по методичке Джина Шарпа: массовые протестные акции с применением цепок и провоцированием правоохранительных органов, пикетные акции по солидарности с политзаключенными, цепи солидарности, челленджи и т.д. Одной из тактик оппозиции стали еженедельные протесты: «Бабушки против ОМОНа», марш женщин, марш молодости, марш мира, и т.д. За этими мирными, казалось, акциями протеста имелись серьезные и опасные вещи – остановка поездов, автомобилей, теракты на железных дорогах и т.д.

В первые две ночи были массовые уличные бои силовиков и специально подготовленных провокаторов на стороне протестующих. За эти два дня было арестовано до 500 иностранных граждан (Украина, Россия и др.), в том числе футбольные фанаты и бывшие уголовники. Жесткость силовиков в первые дни была обусловлена работой именно по предупреждению силового захвата органов власти со стороны подготовленных на это протестующих. Далее информационно все выглядело так, что милиция избивает мирных людей, государственные СМИ не отработали ситуацию, и это очень раззадорило большую часть вышедших в последующие дни (при массовом отключении Интернета на несколько дней). Показанная в СМИ как умышленная агрессия власти стала ключевым катализатором массовости августовских протестов. При этом важно понимать, что было много технологий по деанонимизации силовиков, семьям которых были звонки с угрозами (как и другим сторонникам власти).

Реальный уровень протестных настроений можно оценить по косвенным количественным показателям: количество вышедших на митинги (до 100 тыс. в Минске и до 200 тыс. по стране), количество подписей за оппозиционных кандидатов (до 400 тыс. за Бабарико), количество подписчиков оппозиционных телеграмм-каналов (от 300 тыс до 2,4 млн). В Минске около 2 млн жителей, в республике в целом около 10 млн жителей. В августе-сентябре 2020 года наблюдался пик политизации общества, после него абсолютное большинство граждан «не хочет говорить о политике».

Протест удалось остановить по следующим причинам. Власть показала консолидацию (элита национальная, все ее семьи и деньги в стране и у запада нет ресурсов надавить на нее) и желание идти до конца (демонстрация как готовности, так и применения силы). Силовики остались верны своему президенту, а он с ними вышел на баррикады. Протестующие увидели, что у власти есть поддержка (например, начались провластные митинги), а лидеры протеста или были посажены (в том числе до сих пор арестовывают участников акций), или уехали из страны (оппозиция в глазах определенной части общества дискредитировала себя). Уличные дей-

ствия не давали результата, что многих митингующих привело к состоянию апатии и к снижению политизации. Общество в целом содрогнулось и от применения силы в адрес протестующих, и от желания сменить режим.

Важнейшим фактором при подавлении протестов стала поддержка со стороны России. Если бы Россия не поддержала власть Беларуси, вероятность успеха госпереворота была бы максимальной. В целом к России нормальное отношение, но жители не готовы к полной интеграции, т.к. Россия не показывает привлекательного образа будущего после объединения («не может быть уважения к стране, которая только бензоколонка»). У А. Лукашенко существует монополия на использование в риторике образа России.

Внешний фактор в организации протестной активности играл значимую роль в эскалации после выборов 2020 года. Эксперты сходятся во мнении, что основными центрами протестов и выгодоприобретателями от протестных акций были Польша и Литва. Заинтересованные лица не скрывали своих намерений поддерживать оппозицию и дестабилизировать режим внутри Беларуси: об этом свидетельствуют встречи на высшем уровне лидеров западных государств со ставшей лидером оппозиции С. Тихановской. Часть мировых лидеров поддержала А. Лукашенко после избрания (Россия, Китай и др.), другая часть – не поддержала (США, ЕС и др.). Иностранное вмешательство было, но без внутренних проблем таких беспорядков не было бы во многих крупных городах страны.

Падение доверия белорусов к власти можно связать также с общемировой тенденцией падения доверия граждан к властным институтам. Тем не менее, в Белоруссии данная тенденция приобретает определенную специфику: А. Лукашенко, который находится у власти шестой срок подряд, является «отягчающим, но недоминирующим фактором в падении доверия к власти».

Основными факторами формирования и динамики протестных общественно-политических настроений стали социально-психологические, экономические, коммуникационные и технологические. Наиболее значимым является социально-психологический, который включает в себя общую тревожность из-за пандемии и электоральную усталость. При этом только в совокупности все эти факторы смогли привести к росту протестных настроений и их переходу в протестную активность.

Логика протестной активности выстраивалась следующим образом. За последние несколько лет сформировался новый городской средний класс (IT и малый и средний бизнес), не имеющий политической представленности во власти и ставший ядром протестов. Протестные настроения у него усиливались из-за недостаточных мер по борьбе с коронавирусом, что приводило к самоорганизации граждан для сбора средств и закупок необходимых материалов. Часть провластного электората была также недовольна этими действиями властей, которые формировали ощущение нарушения «социального контакта» с дальнейшим усилением тревожности и

страха. Далее через развитые оппозиционные информационные сети тиражировались тезисы об усталости и несменяемости власти, формировалось ощущение реальной возможности перемен. Первые массовые митинги произошли после первых арестов оппозиционных лидеров (символ невозможности перемен). После этого формировалось общественное мнение по непризнанию результатов выборов, после чего произошли новые митинги. На этих митингах со стороны властей было жёсткое применение силы для разгона протестующих, что привело к самым массовым митингам в конце августа.

Использованные технологии организации протестной активности включали в себя как классические ненасильственные для «цветных революций», так и новые информационно-коммуникационные для мобилизации и вовлечения широких слоев населения за счет геймификации процессов. Оппозиции не удалось консолидироваться «за», она смогла объединиться «против» без созидательного начала. Ситуацию удалось переломить за счет создания активной повестки властью, консолидации элит, верности силовиков, мобилизации сторонников А. Лукашенко и подавления активной части протестующих. Власть научилась активно использовать технологии в свою пользу.

При сравнении серии экспертных интервью в России и Беларуси можно выделить одно ключевое отличие. Эксперты, находящиеся непосредственно в событиях, отмечают важность социально-психологических факторов для развития протестных настроений и протестной активности, в том время как другие эксперты делают акценты на коммуникационных и технологических факторах. Данный вывод свидетельствует о том, что мнения выбранных нами экспертов значительно расширили понимание произошедших политических процессов.

Список литературы

1. Белоконев С.Ю., Игнатовский Я.Р., Печенкин Н.М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 году // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. 9(4). С. 19-24.
2. Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence: Public Opinion — Our Social Skin*. Chicago: University of Chicago. 1984.
3. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice // *Quarterly Journal of Economics*, February 1955, v.69, p.99–118.
4. Ольшанский, Д.В. Психология масс. 2002. СПб.: Питер. 368 с.
5. Габа, О.И. Основные подходы к изучению протестного настроения. // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 69-76.

6. Белоконев С.Ю., Левина Е.В. Доверие населения и элит к власти: теоретико-прикладной аспект // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. №11(6) С. 39-45.
7. Астахова С. В. Белоруссия: Политическая ситуация вокруг выборов президента – 2020. // Россия и новые государства Евразии: 2020. № 3(48). С. 9-24.
8. Бродовская Е. В., Давыдова М. А., Ерёмин Е. А. Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11(1). С. 6-13.
9. Дырина А. Беларусь после президентских выборов 2020 г. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. Вып. 58(74). С. 8-11.
10. Фадеев А. В. Государственный кризис в Белоруссии и идея справедливости в общественном сознании. // Постсоветский материк. 2021. № 1(29). С. 68-86.
11. Шалыгина Н. В., Кащенко Т. Л. «Праздник непослушания» по-белорусски. // Власть. 2020. № 28(6) С. 278-285.
12. Баранчик Ю. В. Политические и экономические отношения Польши и стран Прибалтики по итогам президентских выборов в Белоруссии // Постсоветский материк. 2020. № 4(28). С.37-54.
13. Грибин Н. П., Плетнев В. Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. № 29(2). С. 9-21.
14. Фадеев А. В. Активизация внешней политики Польши в республике Беларусь // Постсоветский материк. 2020. № 1(25). С.4-31.
15. Бойко С. И. Проект солидарного общества для Союзного государства Беларуси и России. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(4). С. 73-79.
16. Булдакова Д. Освещение белорусских протестов в российских и англоязычных СМИ. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. № 59(75). С. 17-23.
17. Естафьев Д. Г. Геополитический контекст евразийских интеграционных процессов на примере ситуации в Беларуси. // Евразия. Эксперт. 2020. № 1-2. С. 18-24.
18. Косачев К. И. Перспективы развития договора о союзном государстве Беларуси и России. // Евразия. Эксперт. 2021. № 1. С. 7-9.
19. Нагорняк К. И. Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2021. № 23(1). С. 60-77.
20. Суздальцев А. Кризис Союзного государства Белоруссии и России. // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 64(3). С. 56-67.

21. Тулейко Е. В. Преимущества интеграции Беларуси и России в социально-гуманитарной сфере. Евразия.Эксперт. 2021. № 2 С. 30-36.

Печенкин Николай Михайлович, аспирант, ассистент, nick_pechyonkin@mail.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

FACTORS OF PROTEST SOCIO-POLITICAL SENTIMENTS AND LOGIC OF PROTEST ACTIVITY OF CITIZENS OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN 2020

N. M. Pechenkin

The data of studying the factors of formation and dynamics of protest socio-political sentiments and the logic of protest activity of residents of the Republic of Belarus in the period before and after the presidential elections of 2020 are presented. The author conducted a sociological study by the method of individual in - depth interviewing . The obtained results allow us to draw deeper conclusions about the causes and consequences of the loss of citizens' trust in the authorities and about the technologies of organizing protest activity.

Key words: protest socio-political sentiments, protest activity, protests, presidential elections, the Republic of Belarus.

Pechenkin Nikolay Mikhaylovich, postgraduate, assistant, nick_pechyonkin@mail.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.77

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-120-129

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Е.В. Бродовская, А.В. Синяков, М.А. Давыдова

Представлены результаты исследования межпоколенческих различий в освоении цифровых компетенций, необходимых для образовательной, профессиональной, проектной и других типов деятельности. Методика исследования построена на массовом опросе, реализованном в 2020 году в Ставропольском крае, датасет составил 13 тыс. респондентов. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта. В ходе исследования были выявлены межпоколенческие совпадения и разрывы в сфере цифровых компетенций. Школьники, родители, учителя демонстрируют высокий уровень компетенций в сфере онлайн коммуникаций, а также формируют запрос на развитие компетенций в обеспечении цифровой безопасности. Межпоколенческие компетентностные разрывы выражены в существенных различиях компетенций школьников и взрослых в использовании Интернета для самообразования, поиска информации, рекреации в онлайн-среде.

Ключевые слова: цифровые компетенции, цифровые поколенческие разрывы, цифровое гражданство, цифровые коммуникации, массовый опрос, Ставропольский край.

Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ 20-010-00998

Постановка проблемы

Национальная интернет-аудитория РФ является одной из самых крупных и быстрорастущих среди стран, для которых массовый доступ к цифровой среде стал возможен в начале 2000-х гг. Изначально "молодая" интернет-аудитория России постепенно взрослеет, стабилизируется и преодолевает цифровое неравенство, свойственное для представителей различных поколений. Как на практике происходит преодоление межпоколенческих разрывов в освоении цифровых компетенций, посвящена настоящая статья.

Выбор Ставропольского края в качестве пространства реализации исследования обусловлен следующими обстоятельствами. Во-первых, изначально была исключена возможность аудита развития цифровых компетенций в столичных регионах или регионах-лидерах. Во-вторых, нацелились именно на один из регионов СКФО РФ в силу особенностей развития данного федерального округа, связанных с его многонациональностью, внешним информационным давлением в социальных медиа, спецификой

развития образовательных систем. В-третьих, на основе оценки рейтингов развития были определены лидерские позиции Ставропольского края среди других субъектов СКФО по реализации задач цифровизации.

Теоретическая основа исследования

Теоретическая основа исследования представлена несколькими группами теорий. Первый блок – теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса, которые научно обосновали появление каждые 20–25 лет нового поколения с отличающимися от предшественников ценностями, чертами, отношением к изменениям, взаимоотношениями с цифровыми инструментами [2]. Второй блок представлен теорией цифрового гражданства. Основоположницей концепции цифрового гражданства стала К. Моссбергер, которая рассматривает цифровое гражданство в трех аспектах: включение в различные формы коммуникации через использование цифровых коммуникаций; взаимосвязь использования Интернета и возможности участия граждан в политических процессах; формирование Интернетом равенства возможностей на рынке труда [3]. Э. Шмидт и Д. Коэн утверждают, что цифровые технологии и коммуникации способствуют трансформации общественных институтов, степени концентрации власти и ее перераспределению от государства общественным организациям [4]. Вопросы академической подготовки в школах и вузах, нацеленные на формирование культурных установок цифрового гражданства, рассматриваются в работах М. Риббла [5], К. Маттсона [6], Д. Олера [7]. Определением «цифровой грамотности» в своих работах занимается П. Гилстер, который определяет данный феномен как умение понимать и использовать информацию, предоставленную во множестве разнообразных форматов и широком круге источников с помощью компьютеров. Цифровая грамотность представляет сочетание информационной грамотности, коммуникативной и креативной компетентности и медиаграмотности [8].

Методология исследования

Методология исследования представлена следующими подходами:

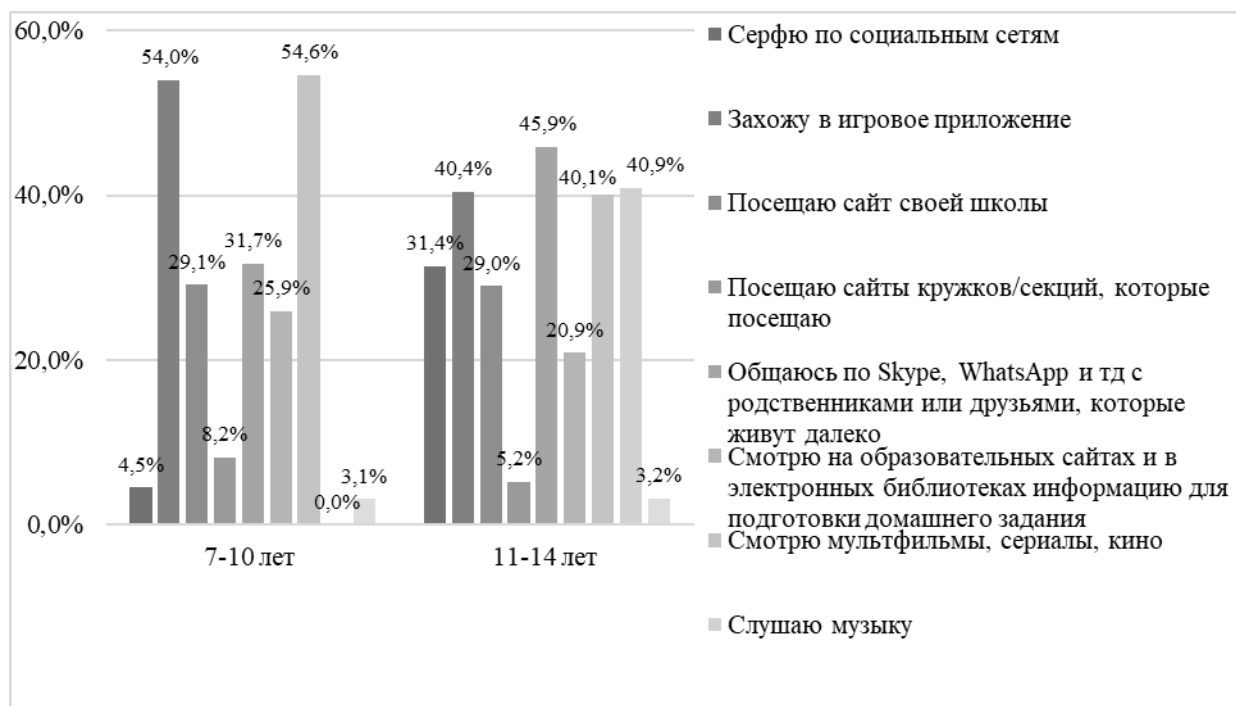
1. Культурно-деятельностный подход, содержание которого дает возможность рассматривать онлайн-сетевую коммуникацию как одно из условий интериоризации и экстериоризации [9, 10].
2. Неоинституционализм в социологической версии позволяет рассматривать институт с позиции когнитивных фреймов или паттернов знания [11].
3. Информационно-технологический подход к гражданской адаптации онлайн, базирующийся на дифференциации стратегии социализации и онлайн-деятельности [12].

Методика исследования

Методика исследования представлена массовым опросом, реализованным в Ставропольском крае. Датасет составил 13 тыс. респондентов: представители следующих социально-демографических и профессиональных групп: школьники: 7–10 лет (младшие школьники); 11–14 лет (средние школьники); 15–18 лет (старшие школьники); родители; учителя.

Результаты исследования

Результаты опроса позволили выявить специфику использования Интернета разными возрастными группами. Для младших школьников цифровая среда преимущественно представляется пространством для развлечений. Средние школьники используют Интернет в нескольких направлениях: выстраивание коммуникации через различные площадки, игры, кружки и секции. Существенные компетентностные разрывы младших и средних школьников обусловлены спецификой их жизненных и образовательных траекторий, особенностями учебного процесса, а также степенью вовлеченности взрослых в реализацию их цифровой активности. С одной стороны, у средних школьников усложнение образовательной программы, появление новых предметов, с другой, попытки дистанцироваться от помощи и контроля родителей актуализируют необходимость использования Интернета и способствуют развитию ряда цифровых компетенций (рис. 1).

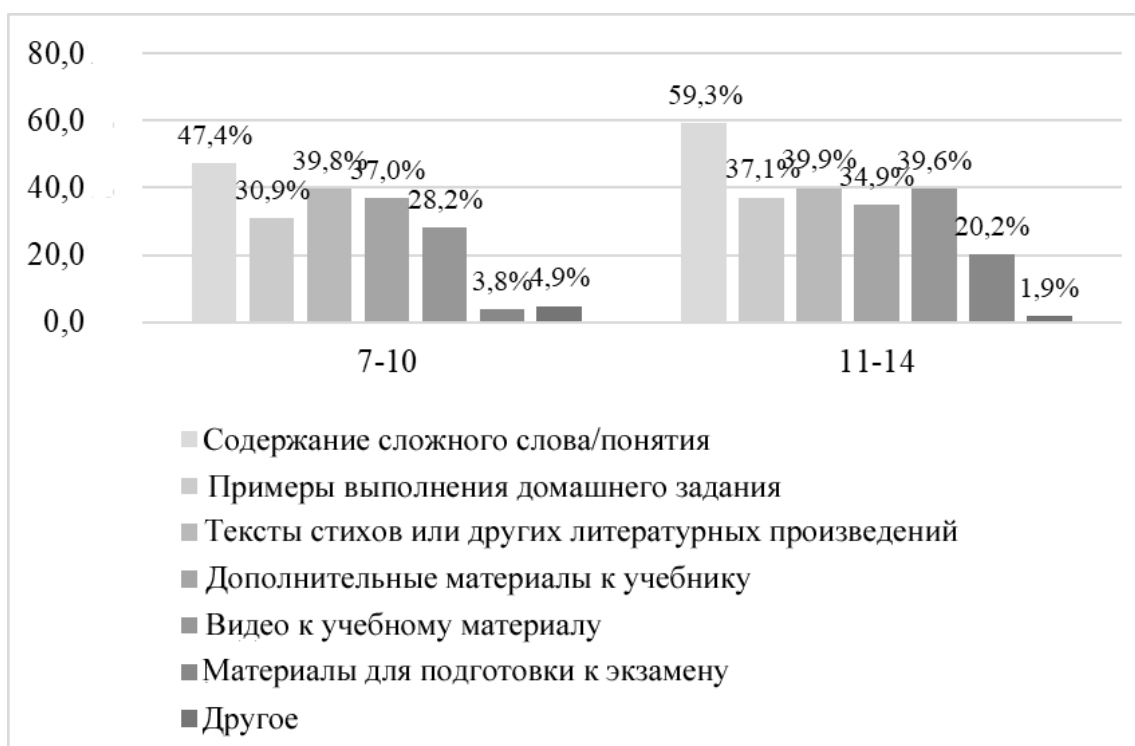
Рис. 1. Результаты опроса школьников 7-10, 11-14 лет: особенности досуга в Интернете

Сравнительный анализ использования Интернета не в рамках образовательного процесса старшими школьниками, учителями и родителями показывает, что старшие школьники наиболее активно используют различные возможности цифровой среды. Более 80 % школьников данной группы используют социальные сети, около 70 % загружают и слушают музыку, около 60 % просматривают чаты в мессенджерах, загружают и смотрят видео. Среди учителей наиболее популярной активностью в Интернете является просмотр чатов в мессенджерах – чуть более 50 % респондентов и посещение социальных сетей – 42,7 % опрошенных. Родители также наиболее часто используют цифровую среду для посещения социальных сетей и просмотра мессенджеров – около 60 % респондентов (рис. 2). Различия в структуре использования Интернета, определяющие дифференциацию в цифровых навыках, обосновываются рядом факторов: возраст получения начальных навыков работы с Интернетом; первоначальные причины получения навыков; сфера деятельности. Более скромное по интенсивности и формам использование Интернета в развлекательных целях у взрослых респондентов основывается на их жизненных приоритетах и стратегиях. Навыки, связанные с развлекательными аспектами цифровых коммуникаций, отходят на второй план в связи с социальными ролями и обязательствами, актуализируя, прежде всего, коммуникативные компетенции.

Рис. 2. Результаты опроса школьников 15–18, учителей и родителей: особенности досуга в Интернете

Результаты опроса в контексте оценки использования Интернета для учебы показали следующее: для школьников цифровая среда – это один из важнейших источников информации. Так, младшие, средние и старшие школьники используют цифровое пространство для подготовки домашних заданий, поиска терминов, дополнительных материалов в значительно большей степени, чем учителя. Фактически, современные школьники задают интересующие их вопросы, узнают новое на основе данных, полученных из цифровой среды (рис. 3). Взросление и формирование цифровых компетенций данных групп происходило в условиях активного развития Интернета, его широкого распространения среди большинства социальных групп, что способствовало формированию установок доверия Интернет-среде, а также пониманию возможностей использования онлайн-сферы для решения различных задач.

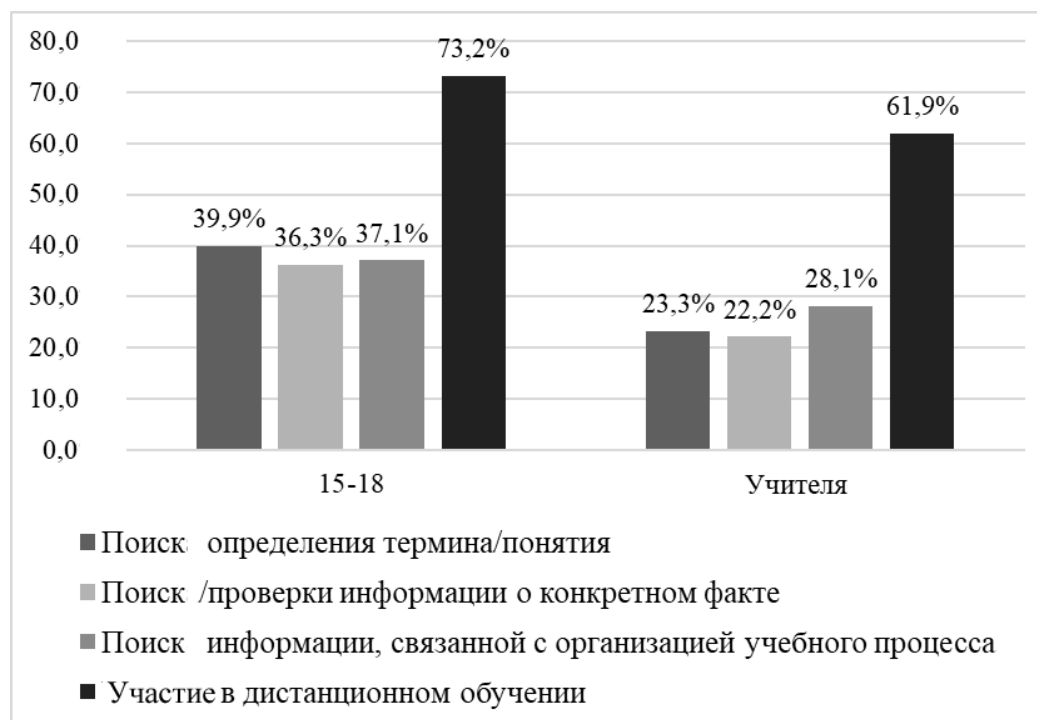

Рис. 3. Результаты опроса школьников 7-10, 11-14 лет: характеристика использования Интернета для учебы

Взросление и получение образования в условиях другой действительности, более низкая степень доверия Интернету, недостаток навыков работы с цифровой информацией, но при этом умение работать с альтернативными источниками определяют существенные отличия применения технологий цифровых коммуникаций учительской группой опрошенных.

При этом, как показывают результаты исследования, изменения форматов программ дополнительного образования, появление онлайн-школ, переход на дистанционные форматы работы поспособствовали вовлечению большого числа респондентов в процессы цифрового обучения,

что предопределило развитие навыков работы на различных коммуникационных площадках (например, Zoom, Microsoft Teams и др.) (рис. 4).

Рис. 4. Результаты опроса школьников 15-18 лет, учителей: характеристика использования Интернета для учебы и работы

Несмотря на достаточно высокий уровень имеющихся цифровых компетенций, старшие школьники демонстрируют установку на углубление собственных цифровых навыков. Наиболее популярным и требующим улучшения старшие школьники признают умение эффективно находить информацию и данные для обучения. Подобные результаты непосредственно связаны с жизненными приоритетами и основными задачами, которые стоят перед школьниками в возрасте 15–18 лет, где основная цель – это сдача экзаменов и поступление в среднеспециальные и высшие учебные заведения. Нужно отметить, что чуть более выражена заинтересованность в развитии данного навыка у родительской группы респондентов. Значение данной компетенции актуализируется по нескольким причинам: в огромных массивах информации на первый план выходят навыки работы с большими информационными потоками и умение выделять из них основные содержательные и значимые моменты. Кросстабуляционный анализ показывает, что ранний старт использования цифровой среды также формирует запрос на приобретение навыков эффективного взаимодействия и сотрудничества, что является сферой приложения усилий и совместной работы учащихся с учителями и родителями.

Запрос на развитие цифровых навыков у учителей, в первую очередь, сфокусирован на специфике профессиональной деятельности и аккумулируется на модернизации образовательного процесса через приобрете-

ние навыков разработки цифровых инструментов и технологий для обучения. Данная задача формулируется, в первую очередь, на управленческом уровне и в последующем актуализируется именно у учительского сообщества. Учителя, интегрированные в использование Интернета, также выражают запрос на освоение таких цифровых компетенций, как умение работать с информацией, что обосновывается сложностью освоения цифрового пространства, поколенческими разрывами, а также профессиональными стратегиями данных групп.

Кросстабуляционный анализ данных позволяет сделать следующий вывод: чем раньше респонденты начинают использовать Интернет, тем больше внимания они уделяют цифровой безопасности и приобретению навыков в этой сфере. Подобные тенденции демонстрируют и родители, и школьники. Интенсивная вовлеченность в интернет-коммуникации обеспечивает больше возможностей для столкновения пользователей с онлайн-рисками и угрозами различного типа, что и определяет интерес к данной группе навыков (табл.).

**Результаты кросстабуляционного анализа
взаимосвязи возраста начала использования Интернета
и желаемых цифровых навыков
(в % от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	Учителя				Родители				Школьники 15-18			
	До 17	17-30	31-40	После 40	До 17	17-22	23-30	После 30	До 8	8-10	11-12	После 13
Создание новых идей, возможностей, ресурсов	41,7	47	51,9	60,7	48,3	52,1	55,5	58,6	53,8	51,6	56,2	55,5
Навыки взаимодействия и сотрудничества в цифровой среде	56,7	48,7	39,2	35,7	42,9	38,4	31,3	24,9	57,3	53,7	47,4	44,9
Навыки разработки цифровых инструментов и технологий для обучения	33,3	50,4	56,1	54,3	29,4	22,2	21,4	20,3	37,7	32,9	30,5	26,8
Умение обеспечивать безопасность в цифровой среде	30	41,1	48,1	41,4	25,2	23,5	20,1	17,3	28,6	31,1	21,8	24,9
Цифровая культура	28,3	24,2	20,8	27,9	33,6	29,8	29,1	28,7	29,6	39,6	37,9	34

Заключение

Подводя итог, можно выделить ряд межпоколенческих совпадений и разрывов в цифровых компетенциях школьников, учителей и родителей в Ставропольском крае.

Все группы респондентов продемонстрировали высокий уровень цифровых компетенций в использовании Интернета для коммуникации через мессенджеры и социальные сети. Данные результаты свидетельствуют об их интегрированности в коммуникационные возможности цифровой среды и о масштабировании данных навыков в условиях усложнения цифровых платформ. Высокий уровень развития коммуникативных цифровых навыков является необходимым условием для реализации задач цифровизации экономики и формирования культуры цифровой гражданственности в РФ. В связи с этим позитивный опыт Ставропольского края, может быть востребован другими субъектами СКФО РФ.

Все группы респондентов выражают заинтересованность в развитии цифровых компетенций в области обеспечения цифровой безопасности. Подобные тенденции становятся основой для формирования установок ответственного использования Интернета и безопасной онлайн-среды. Кроме этого, обозначенная ситуация свидетельствует о необходимости разработки и реализации системы программ обучения, повышения квалификации, переобучения в Ставропольском крае.

В ходе реализации исследования были выявлены основные линии межпоколенческих разрывов в цифровых компетенциях исследованных групп респондентов.

Уровень цифровых навыков школьников в сфере образования и получения информации в Интернете значительно выше, чем у родителей и учителей. Вместе с тем пандемия Covid-19 существенным образом повлияла на развитие цифровых навыков и умений учительской и родительской групп респондентов: переход на дистанционные форматы обучения и трудовой деятельности, закрытие традиционных сфер коммуникации, появление дополнительного свободного времени запустили процесс интенсивной интеграции пользователей различных возрастных групп в интернет-среду, что поспособствовало более интенсивному освоению цифровых навыков и умений.

Список литературы

1. Цифровые инфраструктуры традиционных новых российских политических партий: масштаб и функциональность (2020) / Е.В. Бродовская, В.А. Лифанова, В.А.Лукушин [и др.] // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 194–203.

2. Strauss, W., Howe, N. *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Broadway Books, 1997. 459 p.
3. Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. 240 p.
4. Коэн Д., Шмидт Э. *Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
5. Ribble M. *Digital Citizenship in Schools: Nine Elements All Students Should Know*. Ar.: International Society for Technology in Education, 2015. 222 p.
6. Mattson K. *Digital Citizenship in Action: Empowering Students to Engage in Online Communities*. Ar.: International Society for Technology in Education, 2017. 134 p.
7. Ohler J. *Digital Community, Digital Citizen*. T.O.: Corwin, 2010. 256 p.
8. Gilster P. *Digital Literacy*. N. Y.: Wiley Computer Publishing, 1997. 276 p.
9. Выготский Л.С. *Собр.соч.:* в 6 т. Т. 1-6. М.: Педагогика, 1982-1984.
10. Лотман Ю.М. *Избр. статьи*. Т. 1. Т.: Александра, 1992. С. 129-132.
11. Кравченко С.А. *К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социологические исследования*. 2008. № 2. С. 3-9.
12. Belshaw D. *The Essential Elements of Digital Literacies* // *Gumroad.com*. 2011 [Электронный ресурс]. URL <https://gum-road.com/1/digilit> (дата обращения: 25.12.2021).

Бродовская Елена Викторовна, д-р. полит. наук., директор, проф., brodovskaya@inbox.ru, Россия, Москва, Центр политических исследований, Департамент политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ

Синяков Алексей Викторович, зав. лабораторией, alsin@socio.msu.ru, Россия, Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

Давыдова Мария Александровна, лаборант-исследователь, marchikdavydova@mail.ru, Россия, Москва, Центр политических исследований, Департамент политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ

DIGITAL COMPETENCIES OF DIFFERENT GENERATIONS: RESULTS OF SOCIOLOGICAL STUDY IN THE STAVROPOL REGION

E.V. Brodovskaya, A.V. Sinyakov, M.A. Davydova

The article presents the results of a study of the level of digital competencies of Russian citizens. The research methodology is based on a mass survey, the dataset was 13 thousand respondents. The study revealed intergenerational overlaps and gaps in the field of digital competencies. Schoolchildren, parents, teachers demonstrate a high level of competence in the field of online communications and form a request for the development of competencies in

ensuring digital security. Intergenerational competence gaps are expressed in significant differences in the competencies of schoolchildren and adults in using the Internet for self-education, searching, and trusting information, and entertainment in an online environment.

Key words: digital competencies, digital generational gaps, digital citizenship, digital communications, mass survey, Stavropol Region.

Brodovskaya Elena Viktorovna, doctor of political sciences, director, professor, brodovskaya@inbox.ru, Russia, Moscow, Center for Political Studies, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Sinyakov Aleksey Viktorovich, head of the educational laboratory, alsin@socio.msu.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University,

Davydova Maria Alexandrovna, laboratory assistant-researcher, marchikdavydova@mail.ru, Russia, Moscow, Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation

УДК 316.3

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-129-140

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ И ПРОЦЕСС КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

С.В. Рогачев, М.В. Ильичева, А.В. Иванов

Рассматривается степень влияния различных социальных факторов и явлений на процесс формирования социального доверия населения к властным структурам, как на федеральном, так и на региональном уровне. Эмпирически обосновывается взаимосвязь уровня социального доверия и уровня консолидации в обществе. Предлагаются меры управленческого воздействия, направленные на повышение уровня социального доверия в регионах. Методически региональный разрез исследования обеспечивается выделением при анализе регионального массива экспертных интервью из общей совокупности полученных экспертных документов.

Ключевые слова: доверие, рост доверия, снижение доверия, факторы социальной консолидации.

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 21-011-31709 «Механизмы и технологии социально-экономической и политической деполаризации в российских регионах».

Доверие как социальная категория зародилось на ранних этапах развития человеческого общества, как понимание отдельным индивидом отсутствия опасности для себя от других членов рода, племени, общины и т.

п. Без него не возможен совместный труд, распределение обязанностей, постановка целей на будущее. Именно доверие позволило первобытному человеку перейти к совместным формам труда и жизни, что, безусловно, привело к росту жизнеспособности человеческих общностей, создало ряд неоспоримых преимуществ в борьбе за выживание. В процессе эволюции человеческое общество прошло множество различных этапов и стадий своего развития, его структура усложнялась, развивались социальные связи и отношения, все более многогранной и всеобъемлющей становилась роль социального доверия в обществе.

Исходя из феномена доверия, которое можно определить, как специфическую власть, определяющую характер взаимоотношений между государством и обществом, «политический» показатель «Уровень доверия к власти» нецелесообразно, на наш взгляд, рассматривать как интегральный показатель только с точки зрения социального самочувствия населения. В основе понятия «доверие к власти» заложен ценностный базис. Сверяясь с этим базисом через свое субъективное восприятие, гражданское общество оценивает качество жизни в регионе и затем через электоральные процессы выставляет свою оценку региональной власти. Оценка деятельности региональной власти порой может существенно отличаться от «неценностной» социально-экономической первоосновы доверия, базирующейся на фиксации количества населения, проживающего выше черты бедности [1].

Сегодня уровень актуального доверия в обществе позволяет ему выработать консолидирующую идеологию, эффективную социальную политику, обеспечивает устойчивое и безопасное развитие. К сожалению, в российском обществе уже более 30 лет наблюдается постоянное снижение уровня социального доверия граждан к власти на фоне отказа от советской идеологии, отсутствия новой консолидирующей общество идеологии, высокой турбулентности и слабой предсказуемости процесса общественного развития в России, отсутствия научно обоснованных прогнозов итогов его развития. Все это порождает у граждан чувство неуверенности и страха перед будущим, ведет к росту социального недоверия и социальной атомизации в российском обществе.

Анализируя тенденции общественного развития, один из ведущих российских ученых, занимающихся проблемой формирования социального доверия, А.И. Смирнов пишет: «Общество не может нормально функционировать и развиваться, если оно не заботится об укреплении доверия на разных уровнях социальных взаимоотношений, между различными своими сегментами, поскольку доверие является основой, на которой формируются социальные связи, укрепляющие и придающие целостность любому социальному организму» [2].

Важность высокого уровня социального доверия в обществе сегодня хорошо понимается властными структурами федерального, регионального и муниципального уровней.

Президент России В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию еще в 2003 году среди приоритетов развития страны называл консолидацию «на основе понятных и чётких целей, ...вокруг базовых общенациональных ценностей и задач, без которой противостоять имеющимся угрозам будет невозможно» [3].

Однако негативные тенденции снижения уровня доверия в обществе к институтам власти, проводимой ею политике продолжают усиливаться. Растет отчуждение власти от народа, что порождает социальную апатию и социальную атомизацию. Общество постепенно теряет стройность своей социальной структуры, управляемость и способность противостоять возникающим вызовам и рискам, порождаемым переходом к новой цифровой реальности.

Начиная с 2019 года Центром социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН совместно с Центром государственно-частного партнерства ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ реализуется исследовательский проект «Россия в новой социально-политической реальности: вызовы и риски». Эмпирической основой данного проекта является экспертный мониторинг влияния процессов цифровизации на социально-политическую устойчивость и безопасность российского общества. Очередной этап этого мониторинга был проведен в рамках Международного научно-практического круглого стола «Доверие во взаимодействии органов государственной власти, бизнеса и общества: механизмы формирования, технологии реализации», который прошел 18 февраля 2021 года и был посвящен изучению актуального уровня социального доверия в регионе и его роли в социально-политической консолидации российского общества. В экспертном опросе приняло участие 120 зарубежных и российских экспертов из 10 регионов России, а также из Чешской Республики, Республики Беларусь, Республики Армения, Республики Казахстан, в состав экспертов входили представители научного сообщества, органов исполнительной и законодательной власти регионов и муниципальных образований.

1. Социальное доверие и процесс социальной консолидации общества

Уровень социальной консолидации общества свидетельствует о степени национально-культурной идентификации большинства граждан как единого народа, с одной стороны, и об актуальном уровне социального доверия населения к властным структурам различного уровня, с другой.

Экспертам было предложено оценить, в какой степени уровень социального доверия влияет на успешность процесса социальной консолидации общества (регионального сообщества).

Большинство экспертов убеждены в высокой степени этого влияния – 50 % – «в высокой мере» и 16,7 % – «в наивысшей мере». Лишь 4,2 % экспертов придерживаются противоположенной позиции. Еще 24 % экспертов не придают актуальному уровню социального доверия первостепенное значение в успешности процесса социальной консолидации общества (см. табл.1).

Осознание важности отношений доверия между населением и властными структурами – важнейший тренд демократического общества, во многом обеспечивающий высокий уровень консолидации общества и, как следствие, единство общества и его национальную безопасность.

Таблица 1

Мера, в которой уровень социального доверия способствует достижению социально-политической консолидации общества (в % от общего количества экспертов)

№ п/п	Мера влияния	%
1	Наивысшая	16,7
2	Высокая	50
3	Средняя	24,2
4	Невысокая	3,3
5	Никак не способствует	0,8
6	Затрудняюсь ответить	5

2. Факторы, снижающие (тормозящие) рост доверия населения к власти

Важнейшими факторами, снижающими рост доверия населения к власти, эксперты считают, прежде всего, те факторы, которые напрямую связаны с благополучием людей: «снижение жизненного уровня граждан» – 81,6 %, «высокая степень социального расслоения общества» – 79,2 %, «высокий уровень коррупции в органах власти и управления» – 79,1%, «рост уровня безработицы» – 78,4 %, «невнимательное отношение к обращениям граждан на уровне областных органов власти, районных управ» – 72,5 % (показатели рассчитаны путем агрегации крайних значений шкалы).

Более того социальные факторы, обозначенные в исследовании, стали сегодня в условиях России как социального государства важнейшей политической доминантой (см. табл. 2).

Таблица 2
Факторы, снижающие (тормозящие) рост доверия*
(в % от общего количества экспертов)

Ранг	Факторы	Никак не влияет	Влияет				Затрудняюсь Ответить
			в невысокой мере	в средней мере	в высокой мере	в наивысшей мере	
1	Снижение жизненного уровня населения	0,8	6,7	10,0	43,3	38,3	0,8
2	Высокая степень социального расслоения в обществе	0,8	3,3	16,7	57,5	21,7	-
3	Коррупция	-	0,8	20,0	43,3	35,8	-
4	Рост уровня безработицы	0,8	3,3	17,5	46,7	31,7	0,8
5	Невнимательное отношение к обращениям граждан на уровне областных органов власти, районных управ	-	11,7	15,0	53,3	19,2	0,8
6	Нестабильная социально-экономическая ситуация в регионе и стране	-	14,2	18,3	49,2	18,3	-
7	Медленное и часто формальное решение бытовых проблем граждан	0,8	7,5	25,0	36,7	27,5	2,5
8	Низкий авторитет представительных органов власти	-	7,5	35,0	35,8	20,0	1,7
9	Негативное влияние социальных сетей, Интернета	4,2	19,2	26,7	29,2	20,0	0,8

Окончание табл. 2

10	Социальная атомизация общества	-	6,7	46,7	39,2	5,8	1,7
10	Неразвитость институтов гражданского общества, отсутствие у них реальных возможностей для защиты прав и свобод граждан	-	17,5	35,8	38,3	6,7	1,7
11	Высокий уровень тревожности населения, введение различных ограничительных мер в связи пандемией коронавирусной инфекции в России и мире	-	20,8	35,0	34,2	10,0	-
12	Незнание местных обычаев и культурных традиций, слабое освоение регионального культурного наследия населением	8,3	15,8	44,2	20,8	4,2	6,7
13	Низкий авторитет местных СМИ, сокращение тиражей местных газет, переход в онлайн ресурсы	5,8	26,7	44,2	10,0	6,7	6,7

*(показатели рассчитаны путем агрегации крайних значений шкалы)

Несколько ниже других факторов эксперты оценили влияние на уровень доверия уровня социального расслоения общества. Между тем, в настоящее время социальное расслоение является важным политическим

риском. В обществе сложилась кардинально различная интерпретация многих проблем и событий. И это существенно снижает уровень доверия в обществе.

Целый ряд факторов, свидетельствующих о формировании гражданской позиции у населения, продолжает набирать вес и значение. К их числу относятся: «низкий авторитет представительных органов власти» – 55,8 %, «неразвитость институтов гражданского общества, отсутствие у них реальных возможностей для защиты прав и свобод граждан» – 45 %, «социальная атомизация общества» – 45 %, «негативное влияние социальных сетей, дезинформация и манипуляция массовым сознанием в сети Интернет» – 49,2 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что в обществе формируется запрос на развитие социального диалога власти и населения на тему дальнейшего развития и укрепления институтов гражданского общества, создания соответствующей законодательной базы для повышения эффективности их деятельности и завоевания авторитета и доверия у населения. Это обстоятельство тем более важно, так как социальная консолидация в обществе во многом достигается через социальное доверие между властью и институтами гражданского общества, являющимися важнейшей формой гражданского участия широких слоев населения в управлении и выборе траектории развития страны. Речь, в конечном итоге, идет о необходимости укоренения системы долгосрочного стратегического сотрудничества с населением и рыночными институтами, выстроенной на доверительной основе, способной тонко настраиваться под нужды общества в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств во имя достижения рациональных и справедливых целей и приоритетов [4].

3. Факторы, способствующие росту социального доверия населения к властным структурам

Важнейшими факторами, способствующими росту доверия населения к власти, согласно результатов экспертного опроса являются: «устойчивый рост уровня жизни населения» – 94,2 %; «оперативное решение бытовых проблем граждан» – 83,3 %; «создание новых рабочих мест, развитие регионального рынка труда и занятости, сокращение уровня безработицы» – 81,6 %; «планомерная и эффективная борьба с коррупцией на всех уровнях государственной власти» – 79,2 %; «высокий авторитет представительных органов власти, открытость, публичное обсуждение законодательных инициатив, проведение общественных слушаний, в том числе с использованием интернет-ресурсов» – 76,7 % (см. табл.3).

Таблица 3

**Факторы, способствующие росту доверия населения
к властным структурам
(в % от общего количества экспертов)**

Ранг	Факторы	Никак не влияет	Влияет				Затруд- няюся отве- тить
			в не- высо- кой мере	в сред- ней мере	в вы- сокой мере	в наивыс- шей ме- ре	
1	Устойчивый рост уровня жизни населения	-	0,8	3,3	50,0	44,2	1,7
2	Оперативное ре- шение бытовых проблем граждан	-	1,7	15,0	57,5	25,8	-
3	Создание новых рабочих мест, развитие регио- нального рынка труда и занято- сти, сокращение уровня безрабо- тицы	-	1,7	16,7	40,8	40,8	-
4	Планомерная и эффективная борьба с корруп- цией на всех уровнях государ- ственной власти	0,8	0,8	18,3	36,7	42,5	0,8
5	Высокий автори- тет представи- тельных органов власти, откры- тость, публичное обсуждение зако- нодательных инициатив, про- ведение обще- ственных слуша- ний, в том числе с использованием интернет-ресурсов	-	5,0	18,3	55,0	21,7	-

Продолжение табл. 3

6	Стабилизация социально-экономической ситуации в регионе, России в целом	-	2,5	22,5	50,0	25,0	-
7	Снижение уровня социального расслоения в обществе	-	5,8	25,8	50,0	18,3	-
8	Объединение граждан, широкое использование интернет-коммуникаций, цифровых платформ для преодоления социальной атомизации и разобщенности	-	5,8	40,0	37,5	16,7	-
9	Успешная, последовательная борьба государства с новой коронавирусной инфекцией, создание вакцин, начало массовой бесплатной вакцинации граждан, частичное снятие эпидемиологических ограничений и возврат к привычному ритму жизни	0,8	8,3	40,0	36,7	14,2	-
10	Организация совместного обсуждения стратегии социально-экономического развития области с использованием традиционных и цифровых СМИ, интернет-платформ	2,5	8,3	41,7	31,7	14,2	1,7

Окончание табл. 3

11	Использование цифровых технологий для создания новых возможностей гражданского общества в достижении социального доверия, дальнейшей консолидации регионального и местных сообществ	-	15,0	43,3	28,3	13,3	-
12	Организация работы по пропаганде культурных традиций и обычаев региона, знанию истории родного края среди широких слоев населения	0,8	14,2	49,2	21,7	13,3	0,8

При построении иерархии важнейших факторов, способствующих росту доверия населения к властным структурам, видно, что эксперты с высокой степенью консолидации оценок отнесли фактор «Высокий авторитет представительных органов власти, открытость, публичное обсуждение законодательных инициатив, проведение общественных слушаний, в том числе с использованием интернет-ресурсов» – 76,7 % (ранг 5) к числу самых важных. Этот факт свидетельствует о наличии в массовом сознании понимания необходимости гражданского участия в решении ключевых проблем жизни общества (регионального сообщества). Это, в свою очередь, создает хороший фундамент для формирования атмосферы социального доверия и партнерства власти и населения.

В то же время необходимо отметить относительно низкую оценку такого важного фактора, как цифровизация, которая позволяет создать эффективные инструменты гражданского участия населения в решении важнейших проблем жизни региона.

Страна вступает в цифровой способ производства, в цифровое общество. Цифровые технологии пока тесно не связаны с интересами широких слоев населения. Но это пока. Они – стратегическое будущее страны.

4. Первоочередные задачи региональной власти по формированию атмосферы социального доверия населения к властным структурам

Наиболее важной проблемой, требующей безотлагательного решения, по мнению экспертов, является проблема борьбы с безработицей в регионе, создания новых рабочих мест, разработка и внедрение эффективной системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров, основанной на реальных потребностях региона – 50,8 %. К числу важнейших эксперты также отнесли: «Разработка комплексной программы демографического развития региона, направленной на увеличение продолжительности жизни, повышение рождаемости» – 44,2 %, «Создание благоприятных экономических и финансовых условий для бизнеса (бизнес-инкубаторы, системы льготного кредитования «start-up», частичное или полное освобождение инновационного бизнеса от налогов и т. п.)» – 44,2 %, «Разработка и представление на общественное обсуждение поэтапного плана реконструкции и строительства новых современных очистных систем, с привязкой по времени ввода объектов в эксплуатацию» – 30 %.

Среди перечисленных проблем, полагаем, необходимо отметить и демографические. Например, состояние семейных отношений в обществе свидетельствует о горизонтальном уровне доверия внутри микросоциума. Сегодня феномен семьи нередко трактуется как дань прошлому. И с семейными отношениями у нас не все благополучно. В частности, число зарегистрированных браков в расчете на 1000 населения составляет 7,2; число зарегистрированных разводов в расчете на 1000 населения составляет 4,2 [5]. Таким образом, отношение разводов и заключенных браков составляет достаточно высокий коэффициент – 0,588, хотя следует отметить, что увеличивается и число фактических браков.

Безусловно, эти проблемы во многом характерны для многих регионов РФ и имеют системный общефедеральный масштаб. Однако приступать к их решению каждый регион должен самостоятельно, и если эта работа будет строиться с учетом мнения гражданского общества, в процессе совместного принятия важнейших решений она в полной мере будет учитывать региональную специфику и станет по-настоящему социально-ориентированной и успешной.

Список литературы

1. Ильичева Л. Е., Ильичева М.В. «Доверие» как критерий оценки деятельности региональной власти. Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы // Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием / под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2020. С. 231-232.

2. Смирнов А.И. Факторы формирования доверия к российской армии // Социологические исследования. 2009. № 12. С.100-107.

3. Послание Президента Российской Федерации от 16.05.2003 г. Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36352> [дата обращения: 09.12.2021].

4. Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>.

5. Государственная статистика. 1.8.5. Число зарегистрированных родившихся, умерших (с распределением по причинам смерти), браков и разводов. Сайт ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/organizations/?expandId=1292843#fpsr1292843> [дата обращения: 09.12.2021].

Рогачев Сергей Владимирович, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник, rogachev33@mail.ru, Россия, Москва, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Ильичева Мария Валерьяновна, канд. полит. наук, научный сотрудник, mary9110@mail.ru, Россия, Москва, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Иванов Артур Валентинович, канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник, artur-i@list.ru, Россия, Москва, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

**SOCIAL TRUST AND THE PROCESS OF CONSOLIDATION OF SOCIETY:
NEW OPPORTUNITIES AND RISKS**

S.V. Rogachev, M.V. Il'icheva, A.V. Ivanov

The degree of influence of various social factors and phenomena on the process of formation of social trust of the population in government structures, both at the federal and regional levels, is considered. The relationship between the level of social trust and the level of consolidation in society is empirically substantiated. The measures of managerial influence aimed at increasing the level of social trust in the regions are proposed. Methodically, the regional section of the study is provided by the allocation of a regional array of expert interviews from the total set of received expert documents when analyzing.

Key words: trust, growth of trust, decrease of trust, factors of social consolidation.

Rogachev Sergey Vladimirovich, doctor of economic sciences, professor, chief researcher, rogachev33@mail.ru, Russia, Moscow, Institute of Socio-Political research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Il'icheva Mariya Valer'yanovna, candidate of political sciences, researcher, mary9110@mail.ru, Russia, Moscow, Institute of Socio-Political research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Ivanov Artur Valentinovich, candidate of sociological sciences, leading researcher, artur-i@list.ru, Russia, Moscow, Institute of Socio-Political research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.А. Храмов

Проведен анализ новых форм протестной активности молодежи, которые связаны с общемировыми трендами, процессами глобализации, стремительным прогрессом информационно-коммуникационных технологий и доступностью сети Интернет. Сделан вывод, что инновационные формы протестной активности носят провокационный характер, обращают внимание на наиболее острые социальные проблемы, требующие решений в различных сферах общественной жизни.

Ключевые слова: протестная активность, молодежь, цифровизация, социальная сеть.

В настоящее время люди живут в век стремительного развития инновационных телекоммуникаций, где пространство сети Интернет уже значительно упростило процессы взаимодействия между индивидами с одной стороны, но сменило привычный уклад и практику общения с другой. Цифровизация и «виртуальные просторы» предоставили обществу практически безграничные возможности, где Интернет стал одной из основных площадок для реализации гражданских прав и свобод, в том числе и свободы выражения мнения.

Цифровые технологии открыли новые возможности для коммуникации в сетевом взаимодействии и обмене информацией, создав условия для реализации форм общественного участия, которые в дальнейшем могут перерасти в протестные действия и активность.

Распространению протестной активности способствуют социальные сети, увеличивая охват и быстроту распространения информационного потока среди пользователей [1, с. 1]. Невысокая стоимость доступа делает платформы социальных медиа более продуктивным вариантом для предоставления информации, координации участия в протестной деятельности. Многие публикации в социальных сетях, относящиеся как к протестной активности, так и против нее, имеют эмоциональный и мотивационный окрас, тем самым, воздействуя на молодое поколение как наиболее активных пользователей [2, с. 85].

В настоящей статье предпринята попытка применения подхода к осмыслению и оценке применения социальных сетей при проведении социально-политических протестов в молодежной среде; когнитивного подхода, направленного на исследование основанного противоречия цифровой эпохи – соотношения рационального и иррационального в основных линиях поведения интернет-пользователей; сетевого подхода, который отражает сетевую природу цифровых коммуникаций.

Дефиниция цифровизации ни в российской, ни в западной современной литературе не нашла своих четких границ, что, в свою очередь, указывает на актуальность ее рассмотрения. Зачастую данный термин упоминается и вовсе без каких-либо разъяснений [3, с. 5].

Впервые о цифровизации заговорили в научных кругах Запада, подразумевая в основном, перевод окружающих объектов реальности в их цифровую копию в виртуальный мир. Также можно встретить и другое толкование данного определения, помимо «оцифровки», а именно, внедрение и использование цифровых технологий в жизнь человека.

С развитием и повсеместным распространением глобальной сети Интернет, а вместе с ним различных социальных сетей увеличился и рост пользователей смартфонов, планшетов, ноутбуков и другой компьютерной техники. Понятие цифровизации содержит в себе не только техническую составляющую процесса, но и новые формы коммуникации и взаимодействия между людьми, которые появились с приходом технологического прогресса в повседневную жизнь общества. Поэтому данный процесс нами может рассматриваться, как глобальный и мировой тренд.

Цифровизация предполагает появление новых понятий: «цифровое сообщество», «цифровая трансформация», «цифровизация протестной активности» и пр., актуализируя необходимость освоения цифровых технологий в целях применения и использования как в профессиональной деятельности, так и быту. И такой процесс подразумевает под собой наличие цифровой культуры, которая формирует возможность плавно интегрироваться в среду информационного общества.

Протестная активность представляет собой многосторонний феномен, который в эпоху глобализации трансформируется и приобретает всевозможные виды и формы, которые соответствуют новым мировым вызовам и трендам.

Настроения в молодежной среде, которые обусловлены социально-политической нестабильностью, служат стимулом к появлению протестных настроений и действий. Молодые люди как особая социально-демографическая группа больше всего подвержены влиянию инновационных идей и действий.

В нашей стране глобальная сеть Интернет выступает одной из основных и доступных площадок для «оппозиции», становясь неким производственным ресурсом, где и происходит виртуализации социальной активности: пользователи могут поддерживать связь друг с другом, находя сторонников и единомышленников, организовывать сбор средств на различные социальные и иные проекты и призывать к проведению митингов, пикетов и шествий.

Благодаря распространению глобальной сети Интернет мы можем выделить такой вид общественных связей, как «сверхслабые» или виртуальные, которые появились в процессе коммуникации между пользовате-

лями. В данном случае взаимодействие может образоваться спонтанно и стихийно (например, флэшмоб).

В современной социальной активности молодежи становятся популярными флэшмобы, хеппегинги, перформансы, в качестве новых видов протестной активности и выражения гражданской позиции. Стараясь привлечь внимание к самым острым и насущным общественным проблемам в той или иной сфере, которые требуют скорейшего разрешения, проведение вышеуказанных видов активности может носить порой достаточно провокационный характер.

Флэшмоб (от англ. flash mob, дословно – мгновенная толпа) – заранее организованная акция, спланированная через виртуальные социальные сообщества, где люди в общественном месте, по подготовленному сценарию выполняют действия, после чего расходятся. Флэшмоб может быть разнонаправленным и распространять различные идеи от здорового образа жизни и благотворительности до глобальных экологических и острых социальных проблем. В протестной активности он чаще всего используется для выражения имеющегося неудовлетворения текущими делами во всех сферах общества.

Перформанс – форма современного визуального искусства, которая была распространена в Америке в 70-х гг. двадцатого столетия, сменившая хеппенинг. Хеппенинг (англ. happening, от happen – случаться, происходить) – одна из форм современного искусства, представляющая собой действия, события или ситуации, происходящие при участии художника совместно со зрителями, иногда действующими по его сценарию, но не контролируемые им полностью [4].

Еще одним новым явлением для нашей страны стали наномитинги и нанопикеты или «митинги игрушек», которые стали еще одной формой проявления социальной активности современности. Такую форму выражения общественного мнения мы можем отнести к своеобразному проявлению протестной активности. Спецификой проявления такого рода протестной активности является то, что правоохранительные органы не знают, как адекватно реагировать на такие явления социально-политической действительности.

К протестным акциям можно отнести отдельно выделяемые общественно-политические форумы, поскольку из-за российской специфики деятельность и обсуждаемые вопросы на данных площадках скорее носят яркую окраску политической активности молодежи.

Общим знаменателем для каждой из вышеописанной социально-политической активности будет являться то, что их формирование происходит в виртуальном пространстве сети как отдельное особое мероприятие, участие в котором может принять любой желающий пользователь, воспользовавшийся общими доступными ресурсами социальной площадки, вступая в коммуникацию с другими подобными пользователями.

Социальные сети двойственно воздействуют на протестную активность молодежи: во-первых, как средство для выражения гражданской позиции и мобилизации, во-вторых - эффект отхода от реального протестного движения, сосредоточение на интернет взаимодействиях [5, с. 100].

Виртуальные интернет сообщества могут напрямую активизировать поведение и подтолкнуть к участию в протестах, а также опосредовано – путем создания поддержки. Социальные сети выступают медиатором между социально-психологическими переменными и участием [6, с. 457]. Тем не менее, цифровизация и технологии не повлекли изменений основных общественных процессов в условиях социальных трансформаций. Более того, они стали выступать основой коммуникации, распространения информации и механизмов, побуждающих людей присоединиться к коллективным действиям [7, с. 95].

При появлении важного социально-психологического повода протестные настроения, как выражение гражданской позиции, могут резко изменять конъюнктуры и стремительно приобретать радикальный окрас, находя выход как в сетевом пространстве (онлайн), так и в реальной жизни (оффлайн). Таким образом, можно предположить, что социальные сети для молодежной аудитории являются формой самоорганизации [8, с. 11].

Можно выделить некоторые факторы, влияющие на протестные настроения молодежи, принимая во внимание, что процесс ее социализации включает в себя формирование политических, общественных и иных установок. Социальные медиа входят в число значимых факторов при интерпретации формирования молодежных протестных настроений [9, с. 255].

Потенциал молодежной протестной активности мы можем рассматривать в контексте конфликта поколений, разрешение которого может видеться в позитивном налаживании ситуации и конструктивном межпоколенческом диалоге [10, с. 26].

Цифровая среда оказалась более эффективной не только для политического активизма, но и во многом для различных гражданских форм участия, что, в свою очередь, может выступать в качестве протестных действий в условиях цифровизации.

Некоторые ученые полагают, что интернет-коммуникации считаются основным компонентом мобилизации современного протеста, во многом характеризующим его кратковременные рамки и организационные способности. Это заключение делается на основании взаимосвязи интернет-дискуссий с активистскими действиями офлайн, отличительных черт групп солидарности, складывающихся в социальных сетях [11, с. 44].

Свобода развития в сфере распространения информации, которое происходит за счет научно-технического прогресса, мы можем определить как один из основных факторов вовлеченности и участия граждан в социально-политической жизни общества. Благодаря развитию глобальной сети Интернет и попыткам сформировать гражданское общество появляется

плюрализм при выборе источников информации, формы выражения своих прав и свобод, все это становится частью повседневности.

Подобным образом, протестная активность, в которой присутствуют элементами перформанса, организованная пользователями через Интернет, в частности социальные сети, оказались крайне популярным феноменом. Для предотвращения развития протестных форм общественной активности в молодежной среде, государству необходимо обеспечить и разработать комплекс мер по направлению молодежной энергии в социально-полезное русло и вести постоянный диалог с этой социально-демографической группой. На региональном и местном уровнях необходимо проведение регулярного мониторинга возникающих острых и актуальных вопросов, которые затрагивают интересы молодежи. Для минимизации агрессивности информационной среды, в том числе и виртуальной, необходим пересмотр системы ценностей в сознании молодежи, которые базируются на ценностях гражданского мира, законопослушания, согласия и ответственности. Необходимость пересмотра выдаваемого контента СМИ и дальнейшая переориентация на социально-значимые ценности, как семья, дружеская поддержка, профессиональный труд, забота и ответственность за близких и старшее поколение и т.д.

Список литературы

1. Boulianne S. Revolution in the making? Social media effects across the globe / S. Boulianne // *Inf. Commun Soc.* 2017. P. 1-10.
2. Jost T. J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks / T.J Jost etc. // *Advances in Political Psychology.* 2018; № 39.1. P. 85-96.
3. Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солынин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л.Н. Данилова, Т.В. Ледковская, Н.Э. Солынин, А.М. Ходырев // *Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика.* 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12.
4. Горкина А.П. Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А.П. Горкина М., 2007.
5. Пырма Р. В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети / Р.В. Пырма // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2019. № 9 (6). С. 100-101.
6. Francis L. F. Lee, Hsuan-Ting Chen, Michael Chan. Social media use and university students' participation in a large-scale protest campaign: The case of Hong Kong's Umbrella Movement // *Telematics and Informatics.* 2017. № 34(2). P. 457–469.

7. Sandra González-Bailón, Ning Wang. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media // *Social Networks*. 2016; № 44: P. 95–104.

8. Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н., Петухов Р. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В.В. Петухов, Р.Э. Бараш, Н.Н. Седова, Р.В. Петухов // *Власть*. 2014. № 9. С. 11–19.

9. Mathew Y. H. Wong, Paul V. Kh., Wing H. Ch. Understanding youth activism and radicalism: Chinese values and socialization // *The Social Science Journal*. 2019. № 56(2). P. 255–267.

10. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе // *Власть*. 2019. № 4. С. 26–32.

11. Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России / А. Ваньке, И. Ксенофонтова, И. Тарковская // *INTER*. 2014. № 7. С. 44–74.

Храмов Евгений Андреевич, аспирант, ekhramov85@gmail.com, Россия, Москва, Российский государственный социальный университет

TRANSFORMATION OF PROTEST ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

E.A. Khramov

The article analyzes new forms of protest activity of young people, which are associated with global trends, the processes of globalization, the rapid progress of information and communication technologies and the availability of the Internet. It is concluded that innovative forms of protest activity are provocative in nature, pay attention to the most acute social problems that require solutions in various spheres of public life.

Key words: protest activity, youth, digitalization, social network.

Khramov Evgeniy Andreevich, postgraduate, ekhramov85@gmail.com, Russia, Moscow, Russian State Social University

ГРУППОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ: ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ И ТИПЫ

О.В. Шиняева, Д.В. Емелин

Настоящая работа посвящена социологическому анализу групповой солидарности российской студенческой молодежи. В результате анализа работ зарубежных и отечественных исследователей выделены критерии и типы солидарных отношений молодежи, показатели их анализа в эмпирическом исследовании. На основе авторского исследования определены типы солидарных отношений студентов высших учебных заведений, их динамика по мере обучения в вузе и роль в формировании ресурсов модернизации страны.

Ключевые слова: групповая солидарность студентов вузов, масштабы и причины солидарности, механический, органический, социетальный, корпоративный типы солидарности.

Молодежь как социальная общность представляет собой неоднородную структуру. Различия имеются в уровне материального достатка, социальном происхождении, уровне получаемого образования, форме обучения, жизненном опыте. Из молодого состава населения России мы выделили студенчество как самостоятельную часть общества. Актуальность темы исследования связана с определением роли студенческой молодежи в социальном пространстве и модернизации страны. Это связано как с позитивными явлениями изменения роли студенческой молодежи и ее значимости в системе общественного развития, так и с негативной фиксацией роста рискогенных факторов.

Цель настоящей статьи состоит в выделении критериев и типов групповой солидарности, присущих студенчеству и их связи с процессом модернизации российского общества.

Проблема социальной солидарности возникла давно и развивалась вместе с наукой социологии. Различия в типах связей людей, соединяющихся в сообщества, отметил Ф. Тённис. Основаниями сообщества он считал рациональный расчет, частную собственность и свободный обмен; настоящую солидарность ученый усматривал в отношениях в общности, для которой важной чертой является взаимопонимание. «В нем заключена та особая социальная сила и симпатия, которая удерживает людей вместе как членов единого целого» [7, с. 33]. Общинная солидарность для Ф. Тённиса складывается из «единства сущностных волей» или взаимопонимания её членов, которое перерастает в единодушие. Эти категории: «взаимопонимание и единодушие суть одно и то же, а именно общностная воля в ее элементарных формах: в своих отдельных связях и действиях она предста-

ет как взаимопонимание, а в своей совокупной силе и природе — как «единодушие» [7, с.36]. Важным выводом нашего исследования является то, что в обществе в противовес общности солидарность возникает только как результат внешнего влияния.

Э. Дюркгейм, продолжая изучение принципов социальной солидарности, охарактеризовал «общину» как «механическое» целое, а «общество» – как «органическое». Механическая солидарность в представлении Э. Дюркгейма основана на сходствах, а органическая – на различиях вследствие разделения труда и специализации. Социальная структура, которая построена на механической солидарности, характеризуется тем, что представляет собой систему однородных и схожих между собой сегментов; индивидуальное начало практически растворяется в коллективном. Прочность механической солидарности тем выше, чем больший объем коллективного сознания совпадает с объемом индивидуального.

Органической солидарности присуща большая взаимозависимость, больший объем составляющих единиц с высокой материальной и моральной плотностью. Коллективное сознание при этом не исчезает, а действует в ограниченной сфере. В органических формах солидарности каждый индивид является личностью с равными возможностями; осознание своей зависимости от другого индивида и связи с ним через систему общих интересов вызывает чувство сопричастности [3, с. 348].

В студенческой среде могут существовать разные виды солидарности: механическая и органическая, объективная и субъективная. Переход от студенчества как «статистического множества», основанного на механической солидарности к контактными и целевыми общностям с органической солидарностью, зависит от вовлечения студентов в сообщества по решению задач социального института образования.

Именно осознание своей зависимости от других групп, от общества в целом, понимание необходимости объединяться при выполнении многообразных задач в конкретной сфере деятельности отличает механическую солидарность от органической, отделяет социальную солидарность от группового эгоизма.

В отличие от классического понимания социальной солидарности как определенного состояния социальных отношений, в современных социологических теориях солидарность рассматривается в процессе развития общества. С позиции деятельностного подхода, П. Штомпка рассматривает солидарность, наряду с лояльностью и доверием, в качестве структурных элементов моральной социальной связи. «Моральная связь – это особое отношение к другим, входящим в категорию «мы» [8, с. 196]. В составе моральной связи солидарность есть забота об интересах других, готовность предпринять необходимые действия для защиты этих интересов, даже если они будут противоречить собственным интересам. Солидарность, доверие и лояльность образуют в терминологии П. Штомпки «моральное

пространство». Антитезой солидарности П. Штомпка называет безразличие, «... или допустимая в обществе крайняя заинтересованность собственными делами, эгоизм, индифферентность по отношению к тому ущербу или тем страданиям, которые терпят другие» [8, с. 197]. В работах ученого необходимо обратить внимание на такой критерий социальной солидарности, как совместные действия, влекущие совместную ответственность за результаты этих действий.

По мнению М.-К. Блэ, «сегодня формируется иная концепция солидарности, более индивидуалистическая, ориентированная на обеспечение прав каждого. Мы перешли от идеи взаимного долга к утверждению индивидуальных прав» [1, с.12]. Ценность прав отдельной группы, выделенной по какому-либо признаку (национальный, гендерный, профессиональный) приобретает верховенство над общечеловеческими ценностями. Активное солидарное меньшинство навязывает свои партикуляристские ценности, идеалы, нормы пассивному, разобщенному большинству.

Рассматривая взаимодействие солидарности и конфликта, немецкий социолог Тило Фемель отображает принципы солидарности. Сам термин «солидарность», подчеркивает ученый, не описывает характеристику отдельных субъектов, а служит для характеристики отношений между социальными субъектами. Явление «солидарность» включает в себя ряд признаков, отличающих его от других объединительных процессов и состояний. Т. Фемель относит к ним ответственность и взаимное обязательство отстаивать друг друга, что активизируется в чрезвычайных и опасных ситуациях внутри групп. Готовность к взаимопомощи в группе благоприятствует тому, что ее члены развивают эмоциональные связи друг с другом. Это, в свою очередь, тем легче, чем очевиднее разделяется общая судьба: когда члены группы в основном исходят из общей судьбы, их взаимовыгодные действия солидарны [10]. Центральным элементом солидарных структур выступает взаимность, предпосылкой которой является чувство единения.

А. Шнабель и У. Транов в своем исследовании отмечают два основания возникновения солидарности: из сходства, которое считается значимым, и, с другой стороны, солидарность может быть результатом договорных обязательств разнородных людей и групп [11]. Они выделяют две доминирующие социологические точки зрения на то, как солидарность проявляется эмпирически. С точки зрения теории акторов, солидарность понимается как тип действия. Действия солидарности обычно понимаются как сотрудничество или поддерживающие действия, которые мотивируются ценностями общества и коллективной ответственности.

Российский ученый А.В. Меренков определяет солидарность как характеристику коллективной деятельности [5]. Для солидарности, как выражения культуры коллективизма, важно чувственно-эмоциональное переживание целостности общности. «Важным условием его появления яв-

ляется понимание и принятие общих целей и ценностей группы»[5, с. 32]. В практической деятельности солидарность индивидов, групп находит выражение в сотрудничестве, которое в свою очередь направлено на сохранение равноправных отношений между социальными агентами.

В современных условиях нестабильного общества, динамично меняющейся реальности выделяют множество форм и типов солидарных отношений. С позиции социологии риска О.Н. Яницкий выделяет несколько типов социальной солидарности: «негативная» солидарность, как солидарность антагонистов, соединенных связью производства и потребления риска; временная или вынужденная солидарность, которая связана с существованием многочисленных рисков возникновения природных катаклизмов или техногенных бедствий; «сетевая» солидарность, которая понимается им как «...быстрое, но краткосрочное единство лиц, преследующих общую цель, но только «здесь и сейчас»[9, с.157].

В сетевом социальном пространстве в последнее время формируется особый способ объединения, консолидации пользователей, обозначенный Л.Б. Зубановой и Н.Л. Зыховской как «транзитная солидарность». «Транзитная солидарность формируется как практика ситуативно переживаемого единства, возникающего на основе сопричастности действенно-коммуникативному акту (событию, случаю, искусственно сконструированному или реально наличествующему информационному поводу) и демонстрируется интернет-аудиторией в пространстве виртуальных коммуникаций» [4, с. 120]. Указанному типу, по мнению авторов, присущ ряд характеристик: спонтанный характер возникновения и стихийный механизм распространения; кратковременная (разовая) публичная демонстрация единства; подвижная основа идентификации с группой; нацеленность на символические коммуникативные практики взаимодействия; приоритет процесса формирования солидарности над результатом.

Исходя из опыта теоретического описания особенностей солидарности в работах отечественных и зарубежных ученых, а также использования индикаторов в эмпирических исследованиях, мы выделили несколько типов солидарностей: а) *механическая и органическая* солидарности представляют систему однородных сегментов, которые соединены на формальной или целерациональной основах; б) *добровольная или вынужденная* солидарности, связанные с существованием многочисленных рисков природных катаклизмов или техногенных бедствий; в) *активное солидарное меньшинство или пассивное большинство*, в которых солидарность проявляется как тип действия; г) *сетевая и транзитная* солидарности, объединяющие интернет-аудитории в пространстве виртуальных коммуникаций, а также обеспечивающие единство лиц в рамках общей цели здесь и сейчас.

Мы выделили характеристики для исследования групповой солидарности в среде студентов. Для всех типов солидарности свойственны та-

кие качества участников, как единокровие, сопричастность, лояльность, доверие. Основы объединения индивидов различаются и нуждаются в уточнении: спонтанный характер возникновения или целенаправленный; идейная целостность единения или публичная демонстрация единства; нацеленность на символические практики взаимодействия или приоритет результативных коммуникаций.

Обобщая идеи, высказанные социологами, мы выделили характеристики, важные для эмпирического изучения групповой солидарности в студенческой среде. В разных критериях солидарности мы обозначили типы, которые снабдили измеряемыми показателями (табл. 1).

Таблица 1

Критерии и типы солидарности студенческой общности

Критерии солидарности	Типы солидарности	Показатели
Причины солидарности	механический	- ориентация на традиции, правила, действующие в системе высшего образования; - реализация функций социального института профессионального образования; - групповая успешность в образовательной деятельности
	органический	- самостоятельность в объединении, поиск новых форм реализации; - групповая деятельность в освоении надпрофессиональных компетенций; - социально-политическая активность в волонтерских, некоммерческих движениях
Масштабы солидарности	социетальный	- ориентация на общечеловеческие ценности; - соблюдение социальных норм и правил (приоритет универсальных норм над групповыми интересами); - степень готовности к совместным действиям, оказанию помощи другим группам и общностям
	корпоративный	- ориентация на групповые ценности; - использование корпоративных форм и направлений объединения; - отказ от действий, если это противоречит групповым интересам

Характеризуя студенчество как «статистическое множество», связанное механическими критериями солидарности, мы выделили особенно-

сти, присущие российским студентам. Границы студенческого возраста составляют от 17 до 24 лет, на которые приходится основная часть студентов, а также формирование жизненных ценностей во всех жизненных сферах. Численность российских студентов высших учебных заведений снизилась за последние 10 лет, но все равно она составляет весомую социальную группу – более 4-х миллионов человек (табл. 2).

Таблица 2

**Численность студентов по программам
бакалавриата, специалитета, магистратуры***
(тысячи человек)

Учебный год	2000/01	2005/06	2010/11	2018/19	2019/20	2020/21
Численность студентов в Российской Федерации	4741.4	7064.6	7049.8	4161.7	4068.3	4049.3

*Источник: Образование в цифрах. 2021: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С.64

Студенчество – социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных признаков и общности учебной деятельности, а также его особого места в будущем производстве и воспроизводстве профессионалов нового поколения, интеллектуального класса. Традиционно эта группа представляла собой наиболее передовую и активную часть молодежи, которую отличал не только высокий уровень образования, но и степень внутригрупповой интеграции.

В условиях массовизации высшего образования, активного внедрения коммерческих форм обучения усилилась дифференциация студенчества; оно различается по типам учебных заведений, форме обучения (бюджетной и внебюджетной), профилю получаемого образования, социально-экономическим и социокультурным признакам. Такая неоднородность не способствует созданию тесных связей для больших солидарных групп.

Эмпирической основой изучения реальных типов солидарности студентов послужили результаты авторского социологического исследования, проведенного в вузах Ульяновска в 2021 году. Метод сбора информации – анкетный опрос студентов; объем выборки составил 540 студентов от 17 до 24 лет разного пола, профиля образования и уровня жизни.

В результате опроса студентов выяснилось, что они относят себя либо к самостоятельной социальной группе (41 %), либо к общности «российская молодежь» (36 %). Две другие характеристики – «студенты не имеют особого статуса» и «часть международного студенчества» – не набрали большого числа сторонников (13 и 10 % соответственно). Данное распределение позиций свидетельствует о стремлении студентов российских вузов к интеграции с такими же молодыми людьми в масштабах

высшей школы или еще дальше – в масштабах страны. Более ярко такую идентичность демонстрируют студенты старшей возрастной группы (23-24 года), а также студенты гуманитарии, медики, экономисты (табл.3).

Таблица 3

**Групповая идентификация российских студентов
(в % от числа опрошенных, n = 540)**

Показатели идентификации	Всего	Профиль образования в вузе					
		Социально-гуманитарный	Медицинский	Экономический	Педагогический	Информационные технологии	Технический
Российские студенты – самостоятельная социальная группа со своими целями и интересами	41	39	48	28	42	39	43
Студенты – часть российской молодежи, у них схожие цели с другими молодыми людьми	36	42	29	55	36	38	29
Студенты не имеют особого статуса: они только готовятся его приобрести, когда начнут работать	13	5	16	6	11	13	23
Российские студенты – часть международного сообщества студентов вузов и колледжей	10	14	7	11	11	10	5

Почти половина опрошенных студентов (48 %) лишь иногда ощущает свою общность с гражданами России, часто и очень часто – третья часть (34 %). Выявлены интересные закономерности социетальной солидарности студентов: а) чем старше студенты, тем меньше они демонстрируют связи с другими группами россиян (часто и очень часто – лишь 20 % от числа студентов 23-24-х лет); б) чем выше уровень жизни семей студентов, тем охотнее они идентифицируют себя с гражданами страны (41 % среди обеспеченных, 15 % – среди бедных).

Занятие определенным видом деятельности (учебой) – это то, что, по мнению большинства студентов (70 %), объединяет их и сближает в решении общих проблем. Другие основания для солидарности менее популярны: обычаи, традиции, праздники объединяют треть студентов (34 %); русский язык является основой для объединения еще третьей части студенческой молодежи (32 %). Данные опроса свидетельствуют о том, что у значительной части студентов высших учебных заведений *преобладает тип механической солидарности* – по внешней причастности к вузу, специальности, курсу. Большую склонность к органической солидарности че-

рез реализацию «ответственности за будущее страны» демонстрируют студенты младшей возрастной группы (17-19 лет), а также будущие экономисты и педагоги; в среднем 45–50 % данных сегментов готовы совместно решать проблемы страны и региона.

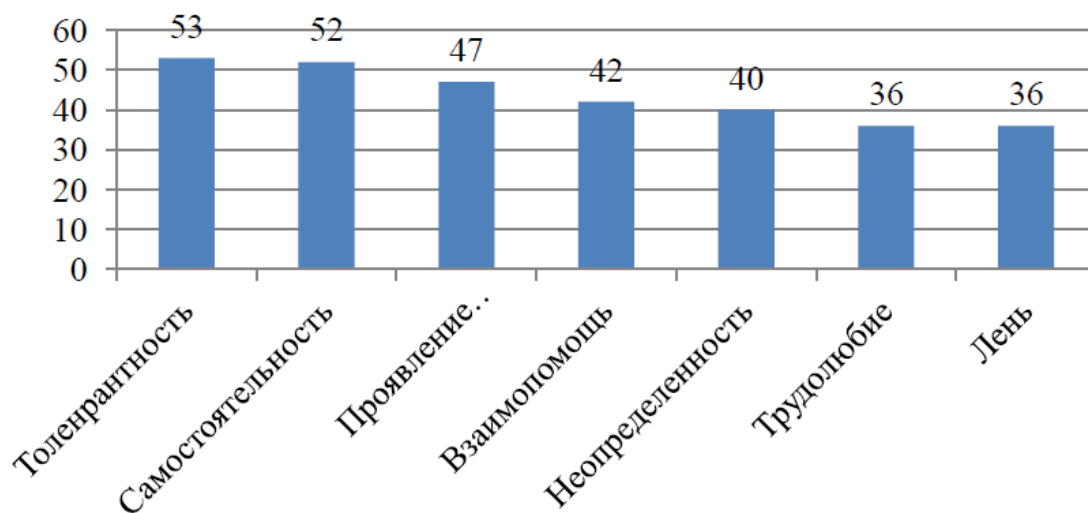
Преобладающими для студентов вузов являются *терминальные ценности*, т. е. ценности-цели: здоровье (63 %), крепкая семья (55 %). При этом семья как ценность более привлекательна для девушек и будущих медиков (почти 70 % выделили как важный критерий отношений); а здоровье – для студентов старших курсов, а еще – для будущих медиков и экономистов (почти 60 % подчеркнули значимость для себя и отношений со сверстниками). *Инструментальные ценности* находятся у большинства студентов в резерве, т.е. не являются универсальными и ведущими; к ним относятся нравственность (47 %), свобода и независимость (41 %), достойное образование (30 %). Инструментальные ценности являются идейной основой для групповой деятельности студентов в освоении новых форм реализации, формировании надпрофессиональных умений.

Определить степень готовности к длительным совместным действиям, взаимопомощи как показатель органического типа солидарности, можно через *отношение студентов к волонтерству*. Говоря о волонтерстве, треть студентов (32 %) заявила о своем регулярном или временном участии в этом движении. Более активно студенты заняты сбором средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение: многие с разной степенью активности принимают в этом участие. Разделились пополам студенты по степени своего участия в благоустройстве местной территории: 50 % никогда не участвовали в подобных мероприятиях; другая половина имеет опыт совместных действий в обустройстве конкретных мест города или вуза.

Главным направлением объединения усилий студентов, кроме учебы, является деловая активность (51 %) и научная работа (54 %). В процессе учебы формируются основные социальные связи и навыки, используемые в профессиональной деятельности, а также в подработке в студенческие годы. Деловая активность и взаимопомощь в ее реализации как *проявление «сетевой», транзитивной солидарности* более характерна для представителей женского гендера, будущих экономистов и гуманитариев (65 %). Наиболее ценным направлением объединения студентов вузов является их научная активность, которая способствует формированию *корпоративной солидарности* не только «здесь и сейчас», но и на будущее построение карьеры. Более активно научная работа служит основанием для объединения студентов мужского пола, а также будущих медиков, программистов, инженеров (67–75%). Чем старше студенты, тем чаще органические типы солидарности преобладают у них над механическими.

Рассматривая студентов в качестве самостоятельной социальной группы, респонденты отличают себя от других слоев молодежи наличием

особых качеств, интересов, целей в жизни, присущих именно им. Основными качествами, характерными для российских студентов, были названы толерантность (53 %), самостоятельность (52 %), проявление инициативы (47 %), взаимопомощь (42 %), а также неопределенность будущей судьбы (40 %; рис. 1).

Рис. 1. Качества российских студентов в самооценках (в % от числа опрошенных, n = 540)

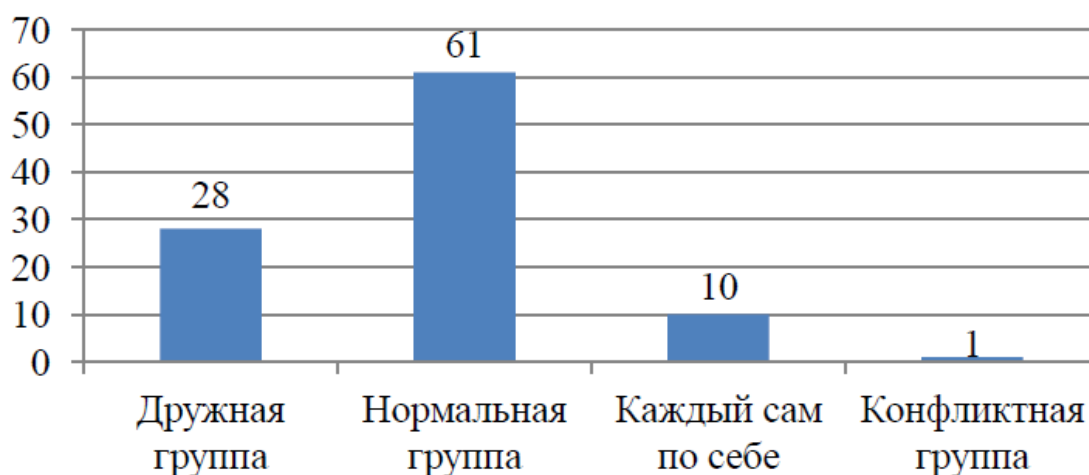
Характер выделенных позитивных качеств и негативных переживаний позволяет подчеркнуть существование психологических основ для формирования взаимопонимания. Общие убеждения, ценности, мировоззренческие взгляды, объединенные с объективными отличительными чертами, формируют коллективную идентичность. Однако «неопределенность будущей судьбы», переживаемая значительной частью студентов, блокирует проявление разных форм совместной активности, желание добиваться коллективных результатов.

Большинство опрошенных нами студентов (61 %) представляет отношения в своей группе как нормальные, способствующие полноценному общению, обсуждению основных вопросов, касающихся учебы. Студенты ранжируют виды активности в вузе, которые способствуют достижению жизненного и профессионального успеха в следующем порядке: научно-исследовательская работа (54 %), деловая активность (51 %), организация своего образования (49 %), социальные инициативы (32 %), занятия спортом (31 %).

Виды деятельностной солидарности, связанные с совместными действиями в социально-политической сфере, менее популярны у студентов старших курсов. Так, реализация социальных инициатив, участие в сту-

денческом самоуправлении, волонтерская деятельность популярны у 48 % студентов 17-19 лет и только у 15 % студентов 23-24 лет. Старшие студенты чаще связывают достижение жизненного успеха с профессиональными формами активности и солидарности.

Осуществление учебной деятельности, укрепления связей со своей социальной группой являются реальной причиной деятельности студентов, направленной на удовлетворение определенных потребностей. Большинство опрошенных студентов считает сложившиеся взаимоотношения в своей группе нормальными, в группе реализуется общение, обсуждение основных вопросов жизни молодежи (рис.2).

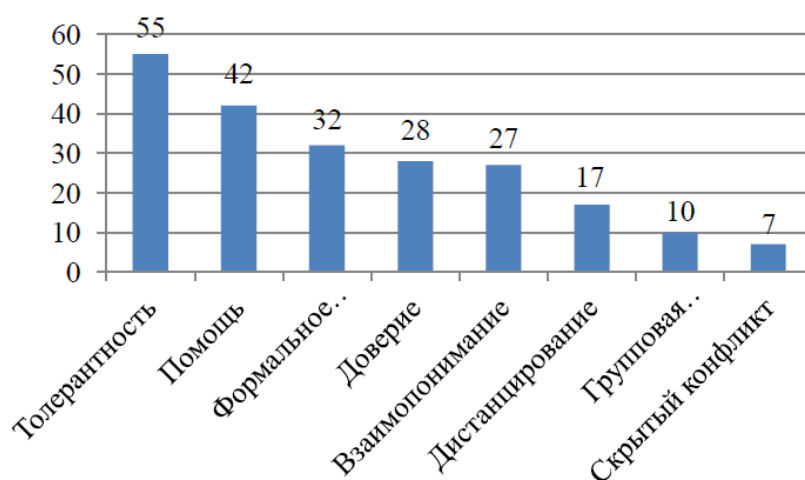
Рис. 2 Отношения в студенческой группе как основа объединения усилий
(в % от числа опрошенных, n = 540)

Самые дружные студенты – это самостоятельные студенты в возрасте 17-19 лет, а также обучающиеся на педагогическом и социально-гуманитарных направлениях. Рассматривая другой показатель корпоративной солидарности – открытость/замкнутость в общении - необходимо отметить: чаще студенты в процессе обучения рассчитывают на помощь своих одногруппников (74 %); реже готовы просить помощь у студентов старших курсов (30 %). Почти четверть опрошенных молодых людей (24 %) рассчитывают в учебной деятельности только на свои силы, а значит, закрыты к обращению к другим лицам. Опрос показал еще одну закономерность: в эпоху цифровизации общества на помощь различных интернет-сообществ рассчитывают и используют ее только 12 % респондентов.

В последние годы в российских вузах выросло количество *иностраных студентов*, которые привносят в социальное пространство свои культуру, язык, традиции. На начало 2020 года доля иностранных студентов в российских вузах составила 7 %. Традиционно большинство зарубежных студентов (68 %) приезжают из стран СНГ – в первую очередь из

Казахстана (21 % общей численности иностранных студентов), Туркменистана (12 %), Узбекистана (11 %). Среди представителей дальнего зарубежья максимальные доли у студентов Китая и Индии (8 и 5 % соответственно) [2, с.68].

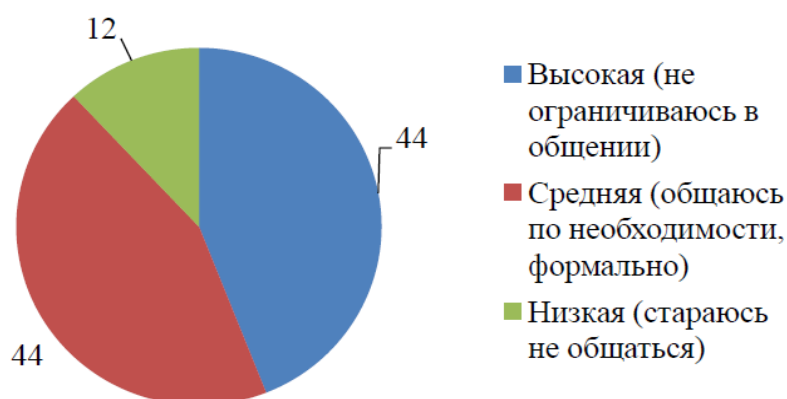
Увеличивающееся количество иностранных студентов в вузах России оказывает влияние на солидарные отношения в студенческой среде, ориентируя их развитие на широкие межкультурные связи. Проведенное нами исследование показало, что отношения российских и иностранных студентов строятся в основном на принципах толерантности и помощи. Так заявила половина опрошенных студентов (рис. 3).

Рис. 3. Принципы в отношении к иностранным студентам (в % от числа опрошенных, n = 540)

Установку большинства российских студентов на солидарность в отношениях со студентами из других стран подтверждают ответы на вопрос о влиянии иностранных студентов на популярность и престиж вуза. Наличие в образовательном учреждении иностранных обучающихся, по мнению трех четвертей опрошенных (74 %), повышает престиж вуза. Четверть студентов с данным утверждением не согласны и считают, что популярность вуза зависит от российских студентов, а иностранцы лишь прибавляют проблем. Эта группа российских студентов ставит свои частные интересы выше общих в отношениях со студентами иных культур.

Характеризует наличие некоторой напряженности в отношениях «российские–иностранцы» средняя и низкая степени принятия респондентами студентов другой культуры и гражданства (44 % и 12 % соответственно, рис. 4). Более трети опрошенных заявили о наличии во взаимоотношениях с иностранцами недоверия, отстраненности и даже скрытого конфликта.

**Рис. 4. Степень принятия иностранных студентов
(в % от числа опрошенных, n = 540)**

Степень солидарности с «иными» студентами более высокая, если это касается учебы в одной группе, совместного участия в спортивном мероприятии или творческом конкурсе: готовы взаимодействовать в таких форматах 91 %, 90 %, 88 % соответственно. Если ситуация касается более тесного или долговременного общения, то дистанция увеличивается:

- 27 % российских студентов не допустили возможность совместной работы над учебным проектом;

- 31 % российских студентов не готовы к совместному свободному досугу с иностранцами;

- 56 % российских студентов не хотят проживать совместно с иностранцами в комнате.

Выделяя себя в качестве самостоятельной социальной группы, имеющей общие интересы, цели, обладающей особыми качествами и желанием развивать свои научные, профессиональные навыки, студенты довольно осторожно высказываются о своей роли в развитии России. Они практически поровну разделились на 3 типологические группы: 1) *оптимисты* (34 %), которые верят в высокий потенциал студентов и их роль в модернизации страны; 2) *сомневающиеся* (32 %) – считают, что все зависит от сферы и общей ситуации в стране; 3) *пессимисты* (34 %) – будущее определяют органы власти, студенты не могут повлиять на развитие России. Следует отметить, что оптимистов значительно больше среди тех студентов, которые уже сейчас объединяют свои усилия в корпоративной, органической формах солидарности. К *оптимистам чаще относятся* отмеченные нами ранее студенты медицинского, педагогического, социально-гуманитарного профилей, а также студенты из семей с высоким уровнем жизни (50-55 % среди них настроены оптимистично относительно своей

роли в жизни России). *Пессимистичную позицию* чаще разделяют старшие студенты; а также будущие инженеры и программисты, выходцы из малообеспеченных семей (65 % от их числа).

Итак, рассмотрев критерии групповой солидарности студенческой молодежи, мы соотнесли их с типами солидарных отношений студентов, которые сегодня учатся в российских вузах. Между представителями студенческой общности складываются устойчивые отношения доверия, поддерживаются связи и солидарность. Наличие институциональных норм, функций и материально-технических условий превращает студенчество в статистическую категорию и сообщество, у которого фиксируются общность интересов, ценностей, схожие цели и качества.

Внутри студенческой общности при активном проявлении толерантных и партнерских качеств механическая солидарность в учебе перерастает в органическую; однако по большинству вопросов студенты включаются в транзитную солидарность, которая учитывает актуальные интересы, различия в культуре, языке, традициях.

В ходе эмпирического анализа нами *выявлены закономерности*, которые должны учитываться в работе со студенческой молодежью специальных служб вузов, органов муниципальной и региональной власти: чем старше студенты, тем меньше они демонстрируют желание объединять усилия с другими группами россиян и заниматься социальными формами активности; по мере обучения в вузе растет потребность в органических типах солидарностей для решения вопросов научной работы, реализации деловой активности, решения вопросов организации образования на новом уровне. При этом к окончанию вуза в сообществе студентов растут социальный страх и чувство неопределенности, которые снижают совместные эффекты и результаты.

Пессимистичную позицию чаще разделяют старшие студенты: будущие инженеры и программисты, выходцы из малообеспеченных семей. К оптимистам, как правило, относятся студенты медицинского, педагогического, социально-гуманитарного профилей, а также студенты из семей с высоким и средним уровнем жизни. Большинство из них уже сейчас уверены в своей решающей роли в модернизации страны.

В результате проведенного анализа открываются перспективы дальнейших исследований солидарных отношений студенчества: изучение таких типов групповой солидарности, как «сетевая» в цифровом пространстве, «проектная» в сфере науки и волонтерства с ориентацией на результаты в социуме и развитии надпрофессиональных компетенций.

Список литературы

1. Блэ М-К. Солидарность // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 12–21.

2. Высшее образование в России: статистический обзор / Н. Б. Шугаль, О. К. Озерова, О. А. Зорина, Д. Ю. Мигунова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 72 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. 575 с.
4. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 119–128.
5. Меренков А. В. Культура эгоизма или культура сотрудничества: какая побеждает?: монография / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 276 с.
6. Образование в цифрах: 2021 : краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, О. К. Озерова, Е. В. Саутина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 132 с.
7. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002. 452 с.
8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
9. Яницкий О.Н. Альтруизм, мораль и социальная солидарность в России в XX в. / Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Ефременко Д.В. М., 2014. С.148-162.
10. Fehmel T. Konflikt und Solidarität als Verhältnis dynamischer Vergesellschaftung (2020) Berliner Journal für Soziologie 30 (1), p. 23–48. doi: 10.1007/s11609-020-00407-5
11. Schnabel A., Tranow U. Zur Einleitung: Grenzziehungen der Solidarität (2020) Berliner Journal für Soziologie, 30 (1), pp. 5-22. doi:10.1007/s11609-020-00414-6

Шиняева Ольга Викторовна, д-р социол. наук, проф., olses@rambler.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет,

Емелин Дмитрий Владимирович, аспирант, don.de82@yandex.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

GROUP SOLIDARITY OF UNIVERSITY STUDENTS: MAIN CRITERIA AND TYPES

O.V. Schinyayeva, D. V. Emelin

The present work is devoted to the sociological analysis of the group solidarity of the Russian student youth. As a result of the analysis of the works of foreign and domestic researchers, the criteria and types of solidarity relations of youth, indicators of their analysis in an empirical study are identified. On the basis of the author's research, the types of solidarity

relations of students of higher educational institutions, their dynamics as they study at the university and the role in the formation of resources for the modernization of the country are determined.

Key words: group solidarity of university students, the scale and causes of solidarity, mechanical, organic, societal, corporate types of solidarity.

Shinyaeva Olga Viktorovna, doctor of sociological sciences, professor, olses@rambler.ru, Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University,

Emelin Dmitry Vladimirovich, postgraduate, don.de82@yandex.ru, Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk state technical University

УДК 316:378-057.87-054.6-048.25 DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1- 161-168

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Т. Х. М. Оухейш

Рассматривается процесс адаптации с позиции различных научных подходов. Обращается внимание на специфику данного процесса при обучении иностранных студентов. Определяются факторы, влияющие на успешность данного процесса и обуславливающие возникновение трудностей.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, системный, личностный, рациональный подходы.

В современном мире обучение в другой стране – достаточно распространенное явление. Это коснулось, в том числе, и России, численность иностранных студентов в вузах которой существенно увеличилась за последние годы. На этом фоне актуальность приобретает адаптация слушателей из других стран к социальным, культурным и бытовым особенностям проживания в России. Перед иностранным студентом стоит не только проблема языковой адаптации, хотя она во многом определяет трудности из другой области, с которыми ему приходится сталкиваться, но и проблемы, связанные с налаживанием личного и учебного взаимодействия с людьми, имеющими порой совершенно иной взгляд на окружающую действительность, а также с выработкой привычек, которые позволят максимально быстро решить вопросы бытового характера, создавая тем самым условия для комфортного обучения.

Сложность процесса адаптации требует его контроля, целенаправленного сопровождения, поскольку в естественных условиях интеграция в новую среду и перестройка личности под новые условия жизни может протекать достаточно долго и повлечь за собой негативные последствия, что скажется не только на академических успехах студентов, но и на их психологическом и физическом здоровье. Обеспечение контроля над адаптацией иностранных слушателей, таким образом, является одной из первоочередных задач образовательного учреждения, которое призвано не просто организовать образовательный процесс, но и обеспечить условия для его максимально успешного протекания.

В основе понимания того, как проводить сопровождение адаптации иностранных слушателей, лежат представления о том, что такое адаптация в целом, из чего она складывается и какие этапы включает, по мнению ученых, рассматривающих ее с различных точек зрения. Анализ существующих научных работ показал, что сегодня при изучении адаптации применяются системный, личностный, рациональный и иные подходы к изучению указанного феномена.

В рамках системного подхода адаптация рассматривается с позиции деятельности человека в окружающей среде, как системы, в которой происходит взаимовлияние личности на среду и среды на личность. Так, с позиции биофизиологии, в рамках которой адаптация изучается П.К. Анохиным, И.М. Сеченовым, С.Е. Павловым и др., указанный процесс запускается под воздействием изменений, которые происходят в цепочке «организм-среда», и своей целью ставит формирование нового состояния, при котором человек сможет и дальше также успешно выполнять свою деятельность [1; 14; 9]. Отсюда адаптацию можно представить как совокупность особенностей (морфофизиологических, поведенческих, популяционных и др.), характеризующих человека как отдельный вид и обуславливающих его существование в условиях отдельной среды.

Системного подхода к изучению адаптации придерживался в своих работах и В.Ю. Верещагин, рассматривающий философские аспекты биологической адаптации [3]. Адаптация представляется самостоятельным процессом, содержание которого может различаться в зависимости от того, к чему необходимо привыкнуть человеку. Отдельно отмечается, что в ходе данного процесса изменяется не только состояние человека на физическом и психологическом уровнях, но и происходит трансформация среды, под давлением которой были запущены данные изменения. Именно на этом основании система «человек-среда» стабилизируется и создаются условия для оптимального существования индивида.

Понятие системности в данном случае подразумевает, что образовательное учреждение, в котором проходит обучение иностранный студент также является детерминирующим адаптационный процесс фактором, и от успешности его деятельности во многом зависит эффективность включе-

ния слушателя в изменившиеся условия жизни. Соответственно, вузу необходимо не только вырабатывать новые образовательные программы, но и соотносить свою деятельность в целом под требования современности, среди которых основным является ориентация на каждого обучающегося, создание комфортных условий обучения для них путем использования новейших технологий и методов обучения. Таким образом, трансформации подвергается не только личность самого слушателя, но и система обучения в вузе, для которого адаптация слушателей является не менее важным процессом.

На этот аспект обращают свое внимание Р.М. Шерайзина, Л.Ю. Монахова, И.А. Донина и др., которые заключают, что адаптация состоит в усвоении индивидом норм и ценностей новой среды, а также в преобразовании самой среды под влиянием личности, включающейся в нее [16]. Приспосабливаясь к изменившимся условиям жизни, личность устанавливает новые рамки допустимого поведения, формирует необходимые его типы, достигая компромисса в этом процессе. Вместе с тем, по мнению авторов, нельзя говорить об однозначном положительном влиянии адаптации на человека, поскольку при необходимости переключаться на общество, например, с более низким уровнем развития, происходит внутренняя деградация его личности, а не ее совершенствование.

Важность взаимных изменений при адаптации иностранных студентов к условиям обучения в вузе другой страны подтверждается и взглядами К.В. Рубчевского на указанный процесс [13]. Указанный феномен ученый приравнивал к интериоризации – процессу заимствования из внешней среды определенных сведений и их усвоения в качестве знаний, умений, норм, образцов поведения и ценностей. Отсюда трансформации, которые происходят с иностранным слушателем в ходе адаптации, обуславливаются по своему содержанию информацией, поступающей к нему от внешней среды и определяющей направления его деятельности. В данном случае внешнюю среду представляют другие студенты вуза, преподавательский состав, те люди, с которыми иностранные слушатели сталкиваются вне рамок учебного процесса. Чем больше знаний имеется у субъекта адаптации о том, к чему он собирается адаптироваться, тем выше вероятность того, что его включение в новые условия жизни пройдет успешно. Определяющей здесь, естественно, является способность иностранного студента налаживать взаимодействие с представителями внешней среды, за счет которого и происходит накопление необходимого опыта.

Описанный подход к адаптации требует обращения к принципу системной детерминации, согласно которому компоненты, составляющие адаптацию, могут выступать в качестве факторов ее развития и на разных этапах адаптационного процесса играть первоочередную или второстепенную роли. В частности, развитые коммуникативные способности, высокая нервно-психическая устойчивость и моральная нормативность являются

теми детерминантами, на основе которых иностранные студенты способны более успешно включиться в новую для них среду, чем слушатели, не обладающие отмеченных характеристиками.

В данном отношении стоит обратить внимание на подход к изучению адаптации, представленный М.В. Фирсовым и Б.Ю. Шапиро, которые в качестве ее основных средств выделяют условия и формы свободного прогрессивного развития личности и отмечают, что данный процесс имеет как объективную, так и субъективную стороны [17]. Объективная сторона определяется тем, что каждый человек с рождения приобретает различные социальные качества, отражающие его место в сфере общественных отношений, а субъективная состоит во взаимосвязи процесса адаптации с возрастными особенностями, личностными качествами и взглядами человека. Отсюда видно, что социально-психологическая адаптация определяется индивидуальными характеристиками индивида и средой, в которой он вырос и воспитывался.

Таким образом, если условия воспитания и обучения, в стране, куда приехал на обучение иностранный слушатель, схожи по своим социальным и культурным характеристикам с этими же условиями в той стране, где он рос, то адаптация этого студента изначально будет проходить более успешно. В противном случае студент будет поставлен перед необходимостью изменять свои привычки и взгляды под новые нормы и правила. Однако и в первом, и во втором случае успешность включения в новую среду зависит от таких основополагающих и определяющих эффективность установления взаимодействия с другими людьми качеств, как развитые коммуникативные навыки, высокий уровень эмпатии, гибкость мышления, высокий уровень нервно-психологической устойчивости и пр. Даже при условии схожести представлений и мировоззрения отсутствие перечисленных характеристик может сделать процесс адаптации достаточно затруднительным.

Указанные аспекты подводят нас к необходимости представления адаптация с точки зрения личностного подхода, в который в психологии в достаточной мере раскрывает С.Л. Рубинштейн [12]. В данном случае адаптация рассматривается как необходимое для обеспечения существования человека явление. Это обусловлено двумя рядами аспектов. Первый заключается в изменчивости окружающей среды, в которой действует и развивается человек. Второй – в индивидуальности самого человека, личность которого представлена свойственными только ему качествами. Поскольку окружающая среда не может соответствовать потребностям и нуждам каждого человека, тем более в условиях постоянных перемен, человек постоянно испытывает давление со стороны среды и изменяется с целью снижения данного давления и обеспечения своего оптимального выживания. Подобного мнения придерживался в своих работах А.Х. Маслоу, рассматривающий адаптацию как средство оптимизации взаимодей-

ствия человека и окружающей среды, которая необходима, прежде всего, для обретения индивидом духовного здоровья [5].

Такое понимание адаптации определяет тот факт, что указанный феномен затрагивает все стороны жизни человека, поскольку каждая из них отличается определенной динамикой и постоянно изменяется. Это касается и процесса включения человека в новые условия жизни при поступлении на обучение в вуз другой страны. Ориентируясь на мнение И.А. Милославовой, можно сказать, что в данном случае адаптационный процесс носит объективно-субъективный характер и подразумевает усвоение человеком необходимых для успешного приспособления к новым средовым условиям навыков и стандартов жизнедеятельности [7].

Здесь стоит обратиться к точке зрения К. Роджерса и А.А. Реана, которые рассматривали адаптацию с позиции совершенствования и личностного роста личности. По мнению К. Роджерса, адаптация является важнейшим механизмом в этом процессе [11]. Приспосабливаясь к окружающей среде, изменяя себя или изменяя окружающую действительность, человек, таким образом, стремится к единству своего идеального и реального «Я», что запускает процесс самоактуализации. Человек находит себя в этом мире или, напротив, формирует в окружающей среде условия для становления своей личности, тем самым актуализируя, положительно видоизменяя ее.

А.А. Реан, придерживаясь аналогичной точки зрения, также отмечал, что эффективность адаптации в целом определяется по внутреннему и внешнему критериям [10]. В первом случае подразумевается уровень согласия человека со своим внутренним миром, своими устремлениями и желаниями, а во втором – его согласованность с окружающей действительностью. Таким образом, полноценная адаптация, создающая возможности для личностного развития, возможна лишь при наличии согласованности по обоим критериям, что и является признаком самоактуализации. Отсутствие согласованности по какому-либо критерию указывает на частичную адаптацию и требует произведения дальнейших изменений ее субъекта или объекта вплоть до завершения этого процесса.

Данные точки зрения позволяют говорить о том, что результатом адаптации не всегда является развитие и совершенствование человека как личности. Даже если развитие имеет место быть, его качество всегда определяется в рамках того общества, в котором оно происходит. То, что рассматривается в качестве личностного достижения в одной группе, может быть представлено как деградация в другой. Более точное понимание адаптации с данной позиции отражено в работах А.А. Налчаджяна, который представляет ее как процесс взаимодействия личности и среды, на полноценность которого указывает отсутствие конфликтов во взаимоотношениях человека с окружающим миром, в частности, с той социальной

группой, в которую ему необходимо было включиться [8]. Развитие в данном случае не является однозначным критерием.

Такая точка зрения наблюдается и в работе Н.С. Трофимовой, изучающей адаптацию с позиции деятельности в новой социальной группе. Автор считает, что на полноценное завершение данного процесса указывает высокий уровень активности личности в процессе взаимодействия с окружающими, а также достижение ею определенного уровня эмоционального комфорта [15]. Критерий развития и здесь не фигурирует. Даже если рассматривать адаптацию в рамках педагогической деятельности, как это делает И.В. Малышев, то и здесь это, прежде всего, как процесс усвоения социально-психологических ролевых функций и приобретения людьми определенного социально-психологического статуса [4].

Таким образом, для иностранного студента адаптация – это процесс, прежде всего, направленный на обеспечение максимально комфортных условий существования и обучения в другой стране, однозначным результатом которого может быть получение необходимого уровня образования, но вопрос развития его как личности в данном случае остается под вопросом.

С точки зрения рационального подхода, на который опираются в своем изучении адаптации М. Вебер и Р. Мертон, процесс приспособления направлен в первую очередь на удовлетворение человеком своих потребностей, что не представляется возможным в случае расхождения между его желаниями и возможностями [2; 6]. Имея определенную цель и постоянно двигаясь к ней, человек соотносит свои потребности, связанные с поставленной целью, и возможности, которые имеются для их удовлетворения. На основе этого он адаптируется, изменяясь сам и изменяя в определенной степени окружающую среду. Таким образом, именно отсутствие способов осуществить задуманное подводит человека к необходимости трансформации собственной личности, что включает, в том числе, изменение исходного состояния цели под те возможности, которые у него имеются.

Цель иностранного студента, приехавшего на обучение в вуз другой страны, заключается в получении образования соответствующего уровня и качества. Именно этой цели подчинены потребности слушателя и действия, направленные на удовлетворение данных потребностей. Однако на пути достижения указанной цели встают различного рода барьеры (языковые, социальные, культурные, психологические), преодоление которых является обязательным. В результате студент начинает меняться, развивая свои языковые способности, социальные навыки, перестраивая собственные культурные особенности или временно принимая в качестве меры взаимодействия чужие, а также формируя необходимые для успешного продолжения обучения психологические качества. Трансформация цели в данном случае также возможна, как в частичном, так и в глобальном плане. Студент может либо снизить планку по качеству получаемого обра-

зования ввиду невозможности преодоления тех или иных барьеров, либо отказаться от цели получения образования в конкретной стране, приняв как факт неспособность подстроиться под условия проживания и обучения в ней.

Таким образом, рассмотрение теоретических и методологических оснований изучения проблемы адаптации иностранных студентов показало, что данный процесс является достаточно сложным и многосторонним по своим структуре и проявлениям. Его можно рассматривать с позиции взаимного изменения личности слушателя и того образовательного учреждения, в котором ему предстоит обучаться; с позиции трансформации личностных качеств, потребностей и целей иностранного студента под новые условия жизни; с позиции необходимости обретения им социального опыта, обеспечивающего получение знаний о том, к чему необходимо адаптироваться и т.д. Однако все сводится к тому, что успешность адаптации иностранных слушателей обеспечивается двумя основными факторами: готовностью учебного заведения создавать условия для этого и готовность студента изменяться под те требования, которые к нему будет проявлять новая среда.

Список литературы

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Наука, 1975. 447 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество. Социология. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
3. Верещагин В.Ю. Философские проблемы теории адаптации человека. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1988. – 163 с.
4. Малышев И.В. Социально-психологическая адаптация и ожидания личности воспитателей к требованиям среды в условиях социальных и профессиональных изменений // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 8. С. 138-153.
5. Маслоу А.Х. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
6. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 212-223.
7. Милославова И.А. Понятие и структура социальной адаптации: автореферат дис. ... канд. филос. наук. Л., 1974. 18 с.
8. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Эксмо, 2009. 368 с.
9. Павлов С.Е. Адаптация. М.: Паруса, 2000. 282 с.
10. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2008. 479 с.
11. Роджерс К. Гуманистическая психология: теория и практика. М.: Изд-во МПСИ, 2013. 456 с.

12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2019. 713 с.
13. Рубчевский К.В. Социализация в современных условиях: социально-философский анализ: дис. ... докт. философ. наук. Красноярск, 2003. 309 с.
14. Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
15. Трофимова Н.С. Развитие субъективности личности как фактор социально-психологической адаптации студентов колледжа к новым условиям обучения: дис. ... канд. псих. наук. Екатеринбург, 2015. 202 с.
16. Шерайзина Р.М., Монахова Л.Ю., Донина И.А., Закамерная Е.И., Зиновьева С.Д. Адаптация молодого педагога к профессиональной среде школы: маркетинговый подход // Профессиональная деятельность педагога: коллективная монография. Ульяновск: ИП Кеньшенская В.В., 2017. С. 20-33.
17. Фирсов М.В., Шапиро Б.Ю. Психология социальной работы. М.: Кнорус, 2018. 296 с.

Оухейш Таха Х М, аспирант, tahaouheish1994@yahoo.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет

*THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING THE
PROBLEM OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS*

O. H. M. Taha

The article describes the main theoretical ideas about the phenomenon of adaptation from the standpoint of various scientific approaches. A parallel is drawn with the specifics of this process directly when foreign students are included in the conditions of study at a university in another country. The factors influencing the success of this process and causing difficulties in it are determined.

Keywords: adaptation, foreign students, systemic, personal, rational approaches.

Ouheish Taha H M, postgraduate, tahaouheish1994@yahoo.com, Russia, Tula, Tula State University

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 111.7

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-169-177

ДИАЛЕКТИКА СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Самсонова Т.Н.

В дискурсе социальной философии рассматриваются возможности психоанализа как перспективного направления исследования политической деятельности, раскрывающего глубинные тенденции социально-политических процессов сквозь призму диалектики сознательного и бессознательного в поведении лидеров и масс. Принципы психоанализа позволяют анализировать восприятие социально-политических явлений в индивидуальном и массовом сознании, показывать скрытые бессознательные импульсы политического поведения людей, проявляющиеся в современном противоречивом мире хаотизации и атомизации. Осмысление латентной мотивации политической деятельности субъектов общественной жизни посредством психоанализа помогает понять причины сдвигов психического в бессознательное, природу иррациональных моделей поведения человека в сфере политики.

Ключевые слова: политическая деятельность, человек, общество, психоанализ, сознание, коллективное бессознательное.

Возникновение психоанализа на рубеже XIX-XX веков стало не только вызовом сложившимся к тому времени представлениям о внутреннем мире человека, но и своего рода симптомом и одновременно следствием глубоких социально-политических и культурных сдвигов в обществе. Психоанализ, ориентировавший исследователей на поиск цивилизационных форм свободы личности, не только предлагал интеллектуальное знание, но и обосновывал стремление человека больше прислушиваться к своим внутренним, бессознательным побуждениям, уяснять мотивы собственных поступков. Несмотря на скепсис и сопротивление со стороны медицинских и академических кругов, психоанализ преодолел дисциплинарные рамки и национальные границы, приобрел сторонников в разных областях знания.

Формировались различные школы и направления психоанализа, при этом его познавательный, социокультурный, лечебно-практический аспекты зачастую развивались относительно независимо друг от друга. Так, в США, Великобритании медико-биологические аспекты психоанализа привели к сближению с психиатрией. Во Франции же интерес к психоанализу, рассматриваемому как социальный и культурный феномен, породил дискуссии, которые позволили вскрыть его жизненно-практические, социально-критические возможности. Ведущая роль в таком переосмыслении пси-

хоанализа принадлежала французскому философу, психоаналитику-фрейдисту Ж. Лакану. На «стыке» основных понятий предложенной им схемы *воображаемое – символическое – реальное* и образуются, по мнению ученого, основные страсти, составляющие основу нашего Бытия. Несмотря на критику (прежде всего, со стороны позитивистов), которой подвергались представления Ж. Лакана, его идеи получили широкое распространение не только в психоанализе, но и в философии познания и культуры, оказали влияние на другие науки (лингвистика, антропология и др.). Лакановская теория привела к формированию нового направления – структурного психоанализа [1].

Надо заметить, что и сам З. Фрейд рассматривал психоанализ не только как медицинскую практику, но и как своего рода культурологическую теорию и утверждал, что будет найдено его применение в самых разных областях науки, а промежуточное положение психоанализа между медициной и философией способно «стимулировать разработку новых концепций и подходов в области гуманитарного знания» [2, с. 16].

Широкие возможности применения психоаналитической теории в полной мере подтверждает становление социального психоанализа, концептуальная схема которого выглядит так: 1) индивидуальное и общественное сознание можно успешно изучить только путем выявления его взаимосвязей с бессознательным; 2) бессознательное – многоуровневая система; оно обладает своей структурой и отношениями с сознанием; 3) бессознательное существует на индивидуальном и на коллективном уровне («коллективное бессознательное»); 4) бессознательное взаимосвязано не только с индивидуальным, но и с общественным сознанием («социальное бессознательное»); 5) социальный психоанализ – это исследование «глубин» личности, социума, а также вершинной психологии [3, с. 64]. Бессознательное познаётся через сознание, а познание сознания (индивидуального и общественного) неразрывно связано с изучением глубинных слоёв психики.

Рассматривая человека через призму вызывающих переживания социально-политических явлений, можно выявить мотивацию и причины иррациональных паттернов его поведения, особенности взаимодействия бессознательного с другими слоями психики, тем самым понять глубинные тенденции развития общества. Это особенно важно, учитывая нарастание в современном мире «количества локальных, региональных и международных кризисов и катастроф в разных сферах» [4, с.13].

В ходе распространения психоанализа закономерно возникло стремление применить его в изучении одной из важнейших сфер жизнедеятельности общества – политической. Ведь на политической арене нередко происходит смещение переживаемой личностью психической травмы, а используемые в публичном политическом дискурсе символы довольно

смутны и могут служить теми объектами, на которые смещаются неосознанные людьми аффекты.

Стремление реализовать возможности психоаналитического анализа политики, постичь диалектику сознательного и бессознательного в деятельности лидеров, в массовом политическом поведении было обусловлено тем, что перед исследователями неизменно вставали вопросы: чем объяснить и как противостоять неумемному властолюбию некоторых личностей? Чем обусловлена деформация внутренних побуждений человека, который парадоксальным образом готов отречься от самостийности, свободы и безропотно подчиняться жесткой/жестокой власти?

Осознание перспективности психоаналитического изучения политики и политиков привело к становлению в 1920-1930-е гг. политического психоанализа, представлявшего собой «соединение» бихевиорального (поведенческого) подхода к изучению политических феноменов и западноевропейской традиции психоанализа. Новаторство по праву принадлежит представителям Чикагской школы политической науки, признавших необходимость изучения не только рациональных аспектов, но и подсознательных побуждений политического поведения и общественной деятельности людей, как отдельных личностей (прежде всего, политических лидеров), так и больших социальных групп [5]. Известный американский политолог Ч.Э. Мерриам, доказывая важность междисциплинарных исследований, подчеркивал роль психологии и психиатрии в изучении политической сферы жизнедеятельности общества, в осмыслении психологических аспектов функционирования политического лидерства [6]. Эти идеи были подхвачены другим чикагским ученым – Г.Д. Лассуэллом, разработавшим методологию макросоциального анализа политического поведения, диалектики социального и индивидуального, осознанного и неосознанного в интересах и убеждениях личности. Он был убежден, что психоаналитический подход позволит по-новому взглянуть на политику и общество в целом.

Г.Д. Лассуэлл стал проводником психоаналитического подхода в политической психологии. Его монография «Психопатология и политика» (1930) уже самим названием словно провоцировала читателя. Изложенные в ней идеи ознаменовали появление нового ракурса в применении психоаналитического подхода [7]. Речь шла не столько о выявлении причин психопатологии в политике, сколько о перспективности постижения «загадок» в психике политиков, возможностях дальнейшего поиска эффективных способов защиты от ошибок псевдореформаторов, обожествления человека человеком. Познание подобных явлений на основе психоаналитического исследования призвано было помочь понять латентную мотивацию поведения социальных и политических субъектов, природу сдвигов психического в сторону бессознательного, тем самым постараться верно оценить настоящее и попытаться взглянуть в будущее, по возможности уберечь политиков от заблуждений и ошибок, а народ – от ошибок и обмана власти.

При разработке принципов политического психоанализа Г. Лассуэлл опирался на психодинамический подход и метод свободных ассоциаций как на важнейшие компоненты фрейдовской теории. Он разделял идею А. Адлера о комплексе неполноценности и средствах компенсации этого состояния (триада): комплекс неполноценности человека (оно может возникать по самым разным поводам), стремление к компенсации/сверхкомпенсации, социальное чувство. За самыми обыденными явлениями, по мнению А. Адлера, прослеживаются следы властолюбивых устремлений.

Восприняв идею А. Адлера о роли компенсации и сверхкомпенсации, Г. Лассуэлл показал, что политическая активность – это, своего рода, компенсация ранее испытанных человеком лишений. Речь шла о личной, эгоистической причине, мотивирующей политическое поведение, деятельность субъекта, которая нередко им не осознается и рационализируется посредством ссылки на общественные интересы и идеалы. Г. Лассуэллом была предложена своего рода формула политического человека (*homo politicus*): перенос опыта личной жизни, подавление внутренних импульсов, их смещение на общественную «сцену» и рационализация на основе концепции общественных интересов. Политики, утверждал он, – это люди, стремящиеся к компенсации в силу ущемленного ранее чувства собственного достоинства. Испытывая чувство неуверенности, такие люди проявляют ее в своих властных устремлениях, зачастую обосновывая их высокими целями приумножения общественного благосостояния. При этом есть риск прихода к власти психически деформированной личности.

Возникает закономерный вопрос: могут ли эти идеи служить универсальным объяснением побуждений и властолюбивых устремлений лидеров? Ведь далеко не у всех «искателей власти» именно чувство неполноценности является доминирующим фактором стремления к власти. Среди известных лидеров немало тех, кто испытывал глубокое и искреннее желание служить обществу, решать его насущные проблемы. Очевидно, следует учитывать и роль потребности в реализации личностно-творческого потенциала.

В русле подобных размышлений закономерен большой интерес психоаналитиков к процессу социализации, в ходе которой идет становление личности, а в итоге обеспечивается и преемственность поколений. Если этот процесс нарушается, то в обществе неизбежны глубокие расколы, ведущие к серьезным социальным последствиям. Нет необходимости доказывать, насколько эти размышления актуальны и злободневны в условиях масштабных изменений политического устройства, экономики и других сфер жизнедеятельности общества, прежде всего, в странах, переживающих состояние транзита, когда происходит трансформация ценностей и ориентиров, что тяжелым бременем ложится на сознание граждан, приводит к значительным сдвигам в их психике.

Признание роли социокультурных условий с неизбежностью «выводило» психоаналитиков на изучение массовых явлений, диалектики сознательного и бессознательного в человеческой деятельности. В разработке этих вопросов велико значение аналитической психологии К.Г. Юнга, утверждавшего необходимость обращения к макропроцессам культуры, духовной истории человечества. Индивиды, утверждал он, мотивированы интрапсихическими силами и образами, уходящими своими корнями в глубины эволюции. Интерес к далекому прошлому был характерен для К.Г. Юнга издавна, он мечтал учиться на археолога. «Глубинная психология» чем-то напоминает археологию (примечательно, что и З. Фрейд неоднократно сравнивал психоанализ с археологией).

Согласно Юнгу, рациональная аргументация и мотивация поведения людей действуют до тех пор, пока они не испытывают глубокие переживания, стресс. При усилении накала страстей, когда происходит нарушение социальных норм, снижается роль импульсов совести, плохо действуют/не действуют нравственные и правовые законы, возникают химерические фантазии, усиливаются мистические настроения, на политической арене заявляют о себе харизматические и квазихаризматические лидеры.

Мир таинственного и темного бессознательного – извечный соперник сознания, это относительно самостоятельная, независимая сфера человеческой психики, непрерывно взаимодействующая с сознанием. Стоит обществу оказаться в кризисной ситуации, а массам прийти в возбужденное состояние, одержимые политическими или религиозными страстями, химерическими идеями и фанатической озлобленностью индивиды находят свою благодатную «почву». В современной цивилизации, утверждал ученый, разрыв между различными психическими уровнями, сознательным и бессознательным достигает небывалых масштабов, что может грозить потерей динамического равновесия между основными компонентами психики, привести к наступлению на «нормальную» психику. Вторжения бессознательного в сознание могут вызывать не только индивидуальный психоз, но и породить коллективное безумие. Наблюдается психологическое заражение других людей, поскольку в них тоже дремлют те же силы. А если ослабляется (или недостаточно развито) правовое государство, эта психическая эпидемия может привести к социальному взрыву, а потом и к тирании.

Такой подход позволил психоаналитикам объяснить тот глубокий социально-политический кризис, который испытала Европа в 1920-30-е гг. Расовая мифология нацистов, коммунистический миф о возможности осуществить идею «золотого века», массовый экстаз, шествия, иступленные речи вождей, широкое использование архаичной символики (например, свастики) – все это порой увлекало десятки миллионов людей, затягивая их в чудовищную воронку разрушения.

Выявление бессознательных компонентов политического поведения расширяло возможности изучения политических режимов (вряд ли правомерно упрощенно объяснять их становление, исходя из личной психопатологии диктаторов, как это порой делают псевдоисследователи). Новаторский характер носили работы Э. Фромма («Бегство от свободы»), В. Райха («Психология масс и фашизм») и других философов. Серьезным предостережением звучат размышления психоаналитиков о том, что массовое общество во многом лишает людей индивидуальности. Если общественные и политические обстоятельства «подчинят» их себе, может «исчезнуть» свобода человека, а мир, построенный по меркам технократического мышления, перестанет быть человеческим. Можно предположить, что наступающая по всем направлениям массовая цифровизация еще породит немало проблем, и «заиграют» разными красками «причудливые светотени психики».

Осознавая опасности, которые подстерегают человечество, психоаналитики отмечали возможности применения принципов психоанализа для снятия напряжения в обществе. Исследование психики они считали наукой будущего, поскольку именно человек становится решающим фактором общественного развития. Как писал Г. Лассуэлл, основное предназначение психиатрического метода заключается «в создании приемов управления массами с помощью значимых символов, которые стимулируют безвредную разрядку коллективной напряженности или уничтожают постоянно возникающие источники напряженности» [8, р. 178]. Обеспечение политической стабильности, крайне важное для сохранения психического равновесия людей, Г. Лассуэлл назвал «превентивной политикой». К.Г. Юнг также напоминал психологам об их гражданском долге, даже «в случае страха перед лицом политических волнений, лживой пропаганды, дребезжащих речей демагогов» [9, с. 370].

Обоснование важности изучения глубинных, бессознательных слоев психики личности как значимых детерминант политического поведения, позволило психоаналитикам разработать обладающие несомненной эвристической ценностью типологии политиков. К.Г. Юнг в работе «Психологические типы» выделил восемь типов людей на основе признаков вертности (интроверсия и экстраверсия), рациональности и иррациональности, а также четырех функций психики (мышление, чувство, интуиция и ощущение) [10]. Он не считал общительность или необщительность главным показателем экстраверсии и интроверсии. Более значимый признак – то, куда, вовне или внутрь, направлено сознание и внимание человека, *что* важнее – объекты внешнего мира или внутренние процессы души.

Широкую известность и распространение получила типология политиков Г.Д. Лассуэла («Психопатология и политика»). В ее основе два критерия: 1) исполнение политиком той или иной политической роли; 2) особенности его психосексуального развития в детстве. Исходя из них,

были выделены три типа политиков: агитатор, администратор, теоретик (возможны также и «комбинированные типы»). Применение данной типологии содействует пониманию различных социальных движений и особенностей лидерства. Известны исторические примеры, когда Лидер, выступая в роли Пророка или реформатора, формируя вокруг себя ядро будущего движения, постепенно из пророка становился государственным деятелем, а затем, в процессе институционализации, превращался в администратора. Первоначальная харизма постепенно «выветривается», а дальше к управлению «приступают» администраторы, ссылающиеся на ту Истину, которую открыл и завещал им Пророк.

Применение психоанализа при изучении социально-политических феноменов с неизбежностью поднимает вопрос о научности таких изысканий [11]. В психоанализе отсутствует механизм контроля за сбором эмпирических данных, затруднена верификация психоаналитических фактов. Первостепенное, порой даже самодовлеющее значение придается эмоционально-чувственным элементам сознания при формировании мотивов и установок политического поведения, многообразии причин различных социально-политических явлений иногда сводится к их психологическим основаниям, что чревато недооценкой и даже игнорированием других важных детерминант.

И все же не следует рассматривать эти возражения и сомнения как основание для отказа от применения психоанализа к исследованию политической деятельности. Проблема бессознательного относится к числу актуальных для современной науки, требует комплексного, междисциплинарного изучения. Использование психоаналитического подхода в социальной философии значимо для постижения глубинных основ функционирования социального организма, изучения структуры и динамики психического, проявлений агрессивной психопатологии в конкретных социально-экономических и политических условиях, порождающих ситуацию, когда в людях начинает преобладать «животное бессознательное».

Действующим политикам нельзя забывать о том, что психология сознания может быстро меняться, а вот глубинная психология – нет. И это особенно важно помнить в ходе проведения реформ, поскольку зачастую замыслы, решения властей должным образом населению не объясняются и не аргументируются. К тому же нередко реформы проводятся по чужим «образцам», как неоднократно бывало в российской истории. Надо заметить, что наиболее прозорливые политические деятели это понимали еще задолго до появления психоанализа. Вот что писал, например, известный российский государственный деятель первой трети XIX века, правовед-реформатор М.М. Сперанский: «Сколько бедствий, сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители держав точнее наблюдали бы движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических си-

стем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народов» [12, с. 329].

Представляется, что осмысление на основе психоаналитического подхода многих аспектов человеческой деятельности будет полезно для корректировки политиками «коллективного бессовестного» (выражение Ю.М. Полякова). Хочется надеяться, что в условиях социально-политической неопределенности современного мира, усиления эгоцентристских ориентаций, использование психоанализа как методологии познания внутреннего мира человека, паттернов индивидуального и массового поведения позволит хоть в какой-то степени предостеречь людей от разного рода манипулирования, будет ориентировать на осуществление политической деятельности с учетом требований общественного прогресса.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Структуралистский анализ Ж. Лакана // Французская философия сегодня. 1989. С. 65-87.
2. Самсонова Т.Н. К истории становления политического психоанализа // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2001. № 2. С. 15-29.
3. Федоркина А.П. Социальный психоанализ как методология познания человека в современном мире // Акмеология. 2017. № 2. С. 62-65.
4. Костин А.И. Введение. Кризис мировой цивилизации: понятие, интерпретации и политическая наука // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. М.: Изд-во Московского университета, 2016. 304 с.
5. Самсонова Т.Н. Чарльз Мерриам: у истоков создания «новой науки о политике» // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 154-162.
6. Мерриам Ч.Э. Четыре американских партийных лидера / пред. и пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Л.Е. Филипповой // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2003. № 2-4.
7. Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика / пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. М.: Издательство РАГС, 2005. 352 с.
8. Lasswell H.D. World Politics and Personal Insecurity. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1935. 307 p.
9. Одайник В.В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. М.: Ювента, 1996. 381 с.
10. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Университетская книга, 1998. 720 с.
11. Автономова Н.С. К спорам о научности психоанализа // Вопросы философии. 1991. №4. С. 58-75.

12. Формула власти. Сборник афоризмов / Сост. И.И. Комарова М.: Игра слов, 2007. 329 с.

Самсонова Татьяна Николаевна, доктор политических наук, проф., ashberry@mail.ru, Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

*DIALECTICS OF CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS
IN SOCIO-POLITICAL ACTIVITIES:
RESEARCH PERSPECTIVES*

T.N. Samsonova

The discourse of social philosophy considers the possibilities of psychoanalysis as a promising direction in the study of political activity, revealing the deep tendencies of socio-political processes through the prism of the dialectic of the conscious and the unconscious in the behavior of leaders and the masses. The principles of psychoanalysis allow us to analyze the perception of socio-political phenomena in individual and mass consciousness, to show the hidden unconscious impulses of people's political behavior, which manifest themselves in the modern contradictory world of chaos and atomization. Understanding the latent motivation of the political activity of the subjects of public life through psychoanalysis helps to understand the reasons for the shifts of the mental into the unconscious, the nature of irrational models of human behavior in the field of politics.

Key words: activity, human being, society, psychoanalysis, consciousness, collective unconscious.

Samsonova Tatiana Nikolaevna, doctor of political sciences, professor, ashberry@mail.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

ИНДУКЦИЯ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

В. В. Волошин

Индукция интерпретируется в трех системах координат – эпистемологической, логической, методологической. Экспликация содержания и функционирования индукции разворачивается в программах сравнительного анализа: 1) двух познавательных контекстов – открытия и обоснования, 2) правил познавательной деятельности, сформулированных Я. Хинтиккой, 3) типов выводного знания. Обосновывается положение: дедукция, индукция, абдукция являются маркерами логики науки и могут быть идентифицированы в качестве взаимодействующих познавательных стратегий, тесно связанных с гипотезой. В узком смысле они трактуются как типы умозаключений или логико-методологические процедуры.

Ключевые слова: логика науки, познавательная стратегия, дедукция, индукция, абдукция.

Методология тесно переплетена с логикой науки, которая особым образом исследует структуру научного знания, его генезис и функции. Особое внимание уделяется анализу операций и процедур, обеспечивающих получение знания, его адаптацию, верификацию, фальсификацию. Логика науки изучает механизмы возникновения обширных смысловых массивов, а также способы их преобразования и обоснования; реконструирует прошлое науки, создавая модели ее эволюции. С помощью логики науки делается «рентген» несущих эпистемологических конструкций, которые являются опорой, точкой приложения и вместилищем для содержательных знаний конкретных дисциплин. Затем, с привлечением инструментария формальной логики, ставится гносеологический «диагноз», претендующий на статус общезначимого и необходимого.

Спутниками логического анализа научного знания являются объекты, в имени которых присутствует «дукция» (лат. *ducere* – вести). С помощью префикса *de* получаем «дедукцию» – выведение, *in* – «индукцию» – наведение, *ab* – «абдукцию» – приведение. Данные понятия отличаются полисемией. «Дукции» идентифицируют как типы умозаключений и/или разновидности элементарных рассуждений, логические методы, логико-методологические процедуры и т. д. Логические методы рассматриваются и как автономная область, и как подкласс теоретических методов. Имеет место и методологический панлогизм: все методы логические, ибо являются результатом рациональной работы. Отличия только в степени их общности, наличии эмпирических «примесей», предпочтениях ученых. Индукция и ее «коллеги» по выводному знанию являются своего рода «зонами

обмена» сложными операционально-формальными конструктами между эпистемологией, методологией, логикой.

Цель статьи: уточнить содержание понятия «индукция», расширив ее понимание до одного из темпорально устойчивых и эффективных планов научной познавательной деятельности.

В достижении поставленной цели нам помогут работы отечественных (Г. И. Рузавин, О. Е. Столярова) и зарубежных (Ч. Пирс, Я. Лукасевич, Ф. Рамсей, М. Коэн, Э. Нагель, К. Поппер, Г. фон Вригт) специалистов в области философии науки, логики и методологии научного познания. Объяснение индукции будет предварять: 1) определение стратегии (и ее «нормативной базы» в понимании Я. Хинтикки), 2) описание двух ключевых контекстов научной деятельности, 3) характеристика дедукции и абдукции.

Познавательная стратегия представляет собой системный, полифункциональный, апробированный, стабильный во времени план освоения научных объектов разного типа. Стратегия связана «непосредственно не с изучением реального мира, а с наиболее целесообразным и эффективным осуществлением самого процесса исследования» [1, с. 51]. Под адекватностью стратегии понимается ее полнота, т. е. способность охватить и объяснить максимально доступный массив информации в режиме его соответствия целям исследования. Адекватность – это совпадение информационных параметров при наличии связного набора объектов, объединенных в рамках концептуального целого. Одно из условий адекватности – релевантность. Знание (метод его получения) является релевантным, если оно (он) имеют максимальный прикладной, контекстуальный, ситуационный эффект при минимуме когнитивных усилий.

Я. Хинтикка выделяет два типа правил целенаправленной (и игровой по своей природе) познавательной деятельности – определяющие и стратегические [2, с. 106]. Определяющие (дефиниторные) правила вывода задают эталонную, алгоритмическую, формально безупречную схему познания. Эти правила компактны и однозначны, но на вопрос, как будет решена локальная познавательная задача, не отвечают. Они определяют, что нужно предпринять при четко зафиксированных интеллектуальных затруднениях, но ничего не говорят о том, будут ли проблемы решены. Такие правила гарантируют пошаговое получение одного истинного заключения из истинных посылок. Стратегические правила не являются пошаговыми инструкциями и приемлемы для решения конкретных задач. Данные правила отличаются вариативностью, избирательностью, релевантностью. С их помощью тестируются общие дефиниторные принципы, увеличивается смысловое пространство пресуппозиции, рассуждениям придается мобильность и эвристика. Но истинность следствия не гарантируется. Эти правила ведут исследователя к достоверности окольными путями, обнаруживая свою адекватность непосредственно в процессе познания. Определительные правила являются априорными и ориентированы на получение

строгого, однозначного знания. Стратегические правила – апостериорные, они порождают знание вероятностное, ситуационное.

Термины «контекст открытия» и «контекст обоснования» получили распространение благодаря Г. Рейхенбаху. Он считал, что эпистемология изучает не столько реальный процесс познания, сколько его логическое отражение. «Контекст» является скорее метафорой. Она служит для разграничения двух гносеологических пространств – «правильного» логического и условно «неправильного» социально-психологического, ибо открытие есть результат прозрения и вдохновения, поэтому не подвластно рациональной реконструкции. Рейхенбах – сторонник методологического нормативизма и интернализма. Внешний фон научного познания – исторический, социальный, коммуникативный, аксиологический – его не интересует. С точки зрения О. Е. Столяровой, Рейхенбах констатирует наличие фактической (открытие) и рациональной (обоснование) сторон познания, разграничительная линия между которыми весьма условна. Контекст открытия иррационален лишь в том смысле, что он может быть расширен настолько, насколько возможно проследить во времени и пространстве причинно-следственные связи между фактами. Контекст обоснования ограничивает и систематизирует результаты открытия, отсекая все лишнее и устанавливая жесткие методологические рамки. Он упорядочивает описание опыта только теми данными, которые уместны для правильного решения научной проблемы как *логической*. Неопозитивистская концепция обоснования знания как рациональной реконструкции говорит о том, что научное знание, в том числе и контекст открытия, *уже* обладает логической структурой, которая выявляется с помощью логического анализа языка [3, с. 75–77].

«Антиподом» индукции является дедукция, господствовавшая в логике со времен Аристотеля и до зарождения экспериментальной науки. Без этого «антипода» невозможно представить дедуктивно-номологическое объяснение, гипотетико-дедуктивный и аксиоматический методы. Рассмотрим дедукцию как тип умозаключения и своего рода эталон рассуждения, имеющий своей целью обоснование знания.

Дедуктивное умозаключение – демонстративное, в нем имеет место строгий вывод: из истинных посылок при соблюдении логических правил получаем истинное следствие. Имеется как минимум три вида таких умозаключений: от общих посылок к общему заключению; от более общих посылок к единичному или менее общему заключению; от единичных посылок к частному заключению. Понимание дедукции как перехода от общего к частному есть аппроксимация. «Сущность дедуктивного вывода сводится не к получению частных заключений из общих посылок, а выведению тех заключений, которые с *необходимостью* (курсив наш – В. В.) следуют из посылок. При дедуктивном рассуждении ни одно заключение не может

быть единичным, если хотя бы одна из посылок не является единичной» [4, с. 375].

В широком смысле, дедукция – мыслительный процесс, в результате которого из наличного знания новое знание выводится чисто логически. Последовательность мыслей, обеспечивающих переход от очевидного (аксиома) или доказанного (теорема) к заключению, именуется выводом. В качестве посылки может выступать научный закон. Дедукция (при следовании правилам) гарантирует рассуждениям согласованность, непротиворечивость, полноту, однозначность. Выводимость и строгость – ее важнейшие атрибуты. Строгость подкрепляется сведением числа аксиом к минимуму и наличием констант типа «быть присущим всякому» или «быть не присущим некоторому». Процессы дедукции описываются и исчисляются математической логикой. Не случайно А. Тарский отождествляет понятия «методология математики» и «методология дедуктивных наук».

В научной теории, состоящей из рассуждений, имеет место множество умозаключений – как дедуктивных, так и недедуктивных. Определить, является ли нематематическая теория дедуктивной, непросто. Разве что, по количественному доминированию дедуктивных умозаключений. Но такой критерий уместен, пожалуй, только в отношении формализованных массивов информации. Нецелесообразно тратить время на такой подсчет и отслеживание связи между дедуктивными и недедуктивными умозаключениями. Не стоит забывать и о неизбежном наличии модальностей. Дедукция – это теория необходимого вывода, однако ее экстраполяция на *все* мыслительные процессы – невозможна. Уместно говорить о том, что в рамках объемных знаниевых массивов дедукция (абдукция или индукция) – это своего рода логическая программа, предполагающая ответ на вопрос: какой логический метод главенствует в рассуждениях, а какие играют вспомогательные роли.

У дедукции есть характеристика, не позволяющая ей претендовать на ведущие роли в контексте открытия, но блестяще проявляющая себя при систематизации эмпирических данных и обосновании, в том числе законов природы. Речь идет о веритизме – поиске надежных путей к истине: «Все функции теории дедукции есть функции истинности, то есть их истинность или ложность зависят только от истинности или ложности их аргументов» [5 с. 133]. Если дедукция сохраняет истину, то абдукция и индукция ищут ее. С веритизмом связана тавтологичность. Формальная дедукция не увеличивает наше знание, но только приводит к ясности то, что нам уже известно. Ф. Рамсей даже делит логику на два типа: логика согласованности (формальная, дедуктивная) и большая логика (индуктивная, логика открытия). Последнюю нельзя редуцировать к дедуктивному выводу [6 с. 140]. Но как функционирует гипотетико-дедуктивный метод, посылки которого образуют гипотезы? Ответ: так как дедукция экстраполирует истинностное значение посылок на заключение, вывод из гипотезы

будет вероятностным. Таким образом, дедуцирование имеет не только необходимый, но и правдоподобный характер.

Во второй половине XIX в. Ч. Пирс разработал концепцию, согласно которой новые идеи порождаются посредством формулировки и принятия объяснительной гипотезы. Этот процесс он назвал «абдукцией». Абдукция имеет следующий вид: 1) опытным путем обнаружен необычный факт; 2) если бы некое предположение было истинно, то факт был бы в порядке вещей; 3) следовательно, есть основания считать, что наше предположение истинно. Отсюда вытекает требование выбора того предположения, которое наилучшим образом объясняет факты [7, с. 303–304].

В отличие от дедукции, обосновывающей, что нечто должно быть и индукции, констатирующей то, что нечто имеет место, абдукция допускает возможное положение дел. Дедукция имеет в качестве посылок общее правило и установленный частный случай, а следствием – наблюдаемый результат. Индукция имеет в качестве посылок установленный частный случай и наблюдаемый результат, а следствием – общее правило. Абдукция имеет в качестве посылок общее правило и наблюдаемый результат, а следствием – частный случай в форме гипотетического суждения. Абдукция – это переход от очевидного к неочевидному, от наличного к возможному. Она корректирует стратегии открытия, хорошо вписывается в программы многозначной, интеррогативной логики. Интуитивная абдукция – разновидность автономного немонотонного вывода. Ее основная задача – положить начало познавательной игре, указать возможные направления исследования. Абдукция есть процедура, используемая для конструирования гипотез. В узком смысле – она первый этап принятия гипотезы. Затем с помощью индукции гипотеза проверяется, дедукция же обеспечивает получение следствий.

Термин «индукция» и производные от него («индуктивный», «индуцировать», «индуктивизм») используются в нескольких родственных смыслах – эпистемологическом, логическом, методологическом. Как метод индукция находится на пограничье двух контекстов. Она способна функционировать и на стадии открытия (например, обобщая первичные эмпирические данные), и на стадии обоснования (например, фальсифицируя уже «готовые» теории). Можно встретить и другую оценку: индукция, трактуемая как эмпирический способ познания, не является методом открытия и доказательства научных законов и теорий; в лучшем случае она выполняет функцию их вероятного подтверждения опытными данными. Отметим, что *все* методы как помогают нечто подтвердить (опровергнуть), так и с определенной степенью вероятности способствуют появлению новых идей, принимающих ту или иную логическую форму.

Наш чувственный опыт всегда пространственно и темпорально локализован. Человек фиксирует отдельные явления и события, относит их к определенному классу, обнаруживая те или иные сходства (отличия). «Мы

обращаем внимание на определенные абстрактные или общие свойства, такие как деревья или звук, и, рассматривая их как качественное целое, на которое мы реагируем, мы не усматриваем в них какой-либо структуры или порядка. Тем не менее, рассмотрев несколько примеров таких качественных цельностей, мы начинаем усматривать в них формальные закономерности» [4, с. 376]. Затем данные качества экстраполируются на объекты ненаблюдаемые, но, *предположительно*, входящие в созданный нашим сознанием класс. Это позволяет объединить массив информации в нечто единое даже на уровне обыденного познания. Целостность находит отражение в утверждении, представляющим собой общее суждение. По большому счету, многие наши контакты с окружающим миром являются пересекающимися и/или разорванными во времени линиями индукцирования – результатами индукции – движения познания от локального к общему, к причинно-следственным регулярностям, вплоть до научных законов. Посылки индуктивного умозаключения чаще всего являются результатом наблюдения и эксперимента. Индукция невозможна без систематических апелляций к фактам, т. е. является максимально эмпирически нагруженной. Она – генератор новых научных понятий и категорий. Не случайно долгое время естественные науки именовали индуктивными.

В формальной логике индукция – вид умозаключения, в котором переход от частных посылок к общему следствию не является логически необходимым, он лишь вероятностен. Иногда все недедуктивные умозаключения именуют индуктивными, что является не всегда корректным упрощением. Для индуктивных умозаключений характерно то, что истинные посылки не являются гарантией истинного заключения. На основании принадлежности некоторого атрибута представителям некоторого класса делается обобщение и выводится принадлежность этого атрибута всем представителям этого класса. Другими словами, частное *наводит* нас на общее. Наличная информация о положении дел позволяет субъекту познания «достраивать» реальность, формулируя предположения. Как и в случае с абдукцией, результат индуктивного вывода содержит в себе больше информации, чем изначально заложено в посылках.

С индуктивными выводами случаются эвристические вещи. В середине XVIII в. два немецких ученых И. Тициус и И. Боде вывели любопытную эмпирическую формулу, описывающую среднее расстояние от планет до Солнца (оно же – радиус орбиты). К каждому элементу последовательности (0, 3, 6, 12, 24...) прибавляется 4 и делится на 10. Полученное в результате этой нехитрой операции число есть радиус некоторой планеты Солнечной системы в астрономических единицах (а. е.). Ноль соответствует Меркурию, 3 – Венере, 6 – Земле и т. д. Формула давала хорошие приближения. Согласно ей, радиус Венеры – 0,7 а. е., ибо $(3 + 4) : 10 = 0,7$. Фактический радиус – 0,72 а. е. К моменту появления формулы было известно пять планет. Их фактический радиус совпадал с радиусом, исчисля-

емым по формуле. Напомним, что между Марсом и Юпитером находится пояс астероидов (открыт в XIX в.). Выступая в качестве условной «пятой» от Солнца планеты, пояс вписывается в формулу (фактическое расстояние – 2,2 – 3,6 а. е., формула дает 2,8 а. е.). В 1781 г. У. Гершель обнаружил планету Уран. Радиус ее орбиты – 19,6 а. е. Формула давала 19,22. Кажется бы, есть все основания для общего вывода: расположение всех планет закономерно, их генезис проходил по одному сценарию. Увы, открытый в середине XIX в. Нептун поставил крест на истинности этого индуктивного заключения. Наблюдаемая орбита Нептуна не вписывается в формулу. Но в нее прекрасно вписываются орбиты двух относительно недавно открытых карликовых планет – Плутона и Эриды! С 80-х годов XX в. началось обнаружение планет возле других звезд. Они получили название экзопланет. Формула была проверена на них и доказала свою адекватность. К настоящему времени в отношении 90% экзопланетных систем правило Тициуса – Боде работает. Вероятно, в эволюции планет все же имеются некие общие характеристики. Выдвижение данного предположения свидетельствует о наличии в наших рассуждениях абдукции.

Как видим, исследование затянулось на столетия, но не дало однозначного результата. Это не удивительно: рассмотрение индукции как одноразового акта допустимо, но не всегда уместно в научном познании. Наш историко-научный сюжет начался задолго до XVIII в. Речь идет о фиксации с помощью наблюдений ряда частных случаев, а именно расположения астрономических объектов – планет. Расстояние от них до Солнца – актуальная величина, как в геоцентризме, так и в гелиоцентризме. Формально – перед нами индукция. Позже «новые» планеты, тестировались с помощью уже открытого Тициусом и Боде правила. Это правило можно трактовать как общее суждение. Таким образом, индукция взаимодействует с дедукцией и элементарными вычислениями. Она служит не только орудием открытия, но и обоснования. Сведения о неизвестных планетах латентно присутствуют в посылках. С их помощью формула Тициуса – Боде и верифицировалась, и фальсифицировалась.

«Золотой век» индукции продолжался с XVII и почти до середины XX века. Скептицизм Д. Юма не смог поколебать позиции последователей Ф. Бэкона. Методы научной индукции, разработку которых завершил Дж. С. Милль, доказали свою эффективность. С их помощью были сделаны знаковые открытия в физике, астрономии, биологии, медицине. Например, У. Лавуазье в 1846 году с помощью метода остатков открыл планету, получившую имя «Нептун». Ранее были зафиксированы аномалии в движении Урана, который то опережал расчетное положение, то отставал от него. Французский ученый определил, что гравитационных сил Солнца, Юпитера и Сатурна (остальными небесными телами можно пренебречь по причине их незначительной массы) для этого недостаточно. Лавуазье предположил наличие гипотетической планеты и высчитал ее местоположение.

Вскоре она была обнаружена. Нельзя не сделать три дополнения. Первое: предварительные вычисления сделал Д. Ф. Араго – французский физик и астроном. Второе: в рассуждениях использовалась дедукция, ибо сначала нужно было принять универсализм законов небесной механики. Третье: открытие сыграло с Леверье злую шутку. До конца своей жизни он верил в существование планеты Вулкан, расположенной между Солнцем и Меркурием. Наличие Вулкана решало бы проблему смещения перигелия Меркурия. Кстати Вулкан, якобы имеющий радиус 0,1 а. е., вписывается в правило Тициуса – Боде!

В XIX в. индукция как тип умозаключения и конкретный метод расширяется до индуктивного подхода. Его суть кратко: отдельные события и явления, постигаемые эмпирически, находят отражение в сингулярных (единичных, частных) высказываниях. Затем совершается переход к универсальным высказываниям (гипотезам, теориям). Это и есть наиболее адекватный путь развития науки, позволяющий получать истинные или высоковероятностные знания о мире. Следование принципу индукции, а по сути – универсальной причинности, позволяет различать научные знания и ненаучные. Наука – корпус достоверного знания, который складывается последовательно. Благодаря данным наблюдений и экспериментов, «переведенных» на язык индуктивной логики, этот корпус формируется.

В XX в. начались поиски устойчивых логических оснований индукции и рассмотрение таковой в программе вероятностной логики (неопозитивисты, Г. фон Вригт). Затем произошел поворот к прагматическому пониманию индукции, ее трактовке как методологического подхода и типа вопросно-игровой познавательной стратегии (И. Леви, Я. Хинтиikka). Развитие неклассической физики, нагруженной ненаблюдаемыми объектами и специфическими методологическими принципами, поколебали основания индуктивного подхода. Оказалось, что методы научной индукции уместны только в ограниченной феноменальной области и не помогут в определении глубинных связей и отношений микромира; эмпирические посылки индукции и ее теоретические следствия «разговаривают» друг с другом на разных языках, у них разные понятийные аппараты.

Индуктивный метод был подвергнут критике в работах К. Поппера, который заявил: «Теория индукции является излишней. Индукция не участвует в логике науки» [8, с. 384]. Сторонники индуктивного подхода обвинялись в априоризме и догматизме, смешении психологии и эпистемологии. С точки зрения Поппера, истинности знаний индукция не гарантирует, функции критерия демаркации не выполняет. Научная практика опирается на предположения и принцип фальсификации (он же – критерий демаркации). Вывод можно сделать и на основе всего лишь одного наблюдения. Повторяющийся опыт не дает успешных обобщений и экстраполяций, не делает теорию более вероятной, не позволяет строить надежные

прогнозы. Индукция лишь подкрепляет мифы о методологической ценности верификации и наличии некоего массива истинного знания. Посылки индукции – не более чем конечное число повторений. Заключение опровергаемо с помощью одного исключаящего случая. Теорию нельзя логически вывести из наблюдений и экспериментов, они лишь основа эмпирической проверки как попытки опровержения. Из сингулярных высказываний можно вывести ложность теории, но такой вывод является дедуктивным.

Логическую проблему индукции до Поппера видели в противоречивости трех принципов: 1) наблюдение и эксперимент не могут оправдать научный закон, ибо он находится за пределами опытного знания, 2) законы универсальны, 3) наблюдение и эксперимент играют в науке главную роль, только благодаря им законы и теории принимаются или отбрасываются (принцип эмпиризма). Поппер считает, что противоречия нет. Дело в том, что теория вообще не выводится из эмпирических свидетельств; нет ни логической, ни психологической индукции. Принцип эмпиризма работает, пока теория выдерживает строгие проверки. Законы и теории являются временными предположениями, пробными гипотезами. Научное сообщество может отвергнуть теорию на основе нового свидетельства, не обязательно отбрасывая при этом старое свидетельство, побудившее принять данную теорию [9, с. 96–98].

Поппер категоричен в отношении индукции, он явно преувеличивает методологическую ценность дедукции и фальсификации, а также силу тезиса о гипотетичности научного знания. Им игнорируется история науки, демонстрирующая адекватность индуктивного метода, отнюдь не лишнего, в том числе и для оправдания положений философии науки Поппера. Г. фон Вригт пишет: «Некоторые методологи искажают и преувеличивают роль фальсификации в построении научной теории. Важнейшая роль фальсификации связана с различными процедурами, характерными главным образом для естественных наук и традиционно изучаемыми в индуктивной логике: поиск причин, элиминация одной из объяснительных гипотез, конструирование «решающего эксперимента» для выбора между конкурирующими теориями и т. д.» [10, с. 238]. Таким образом, в XX столетии проблема индукции вышла на уровень метаметодологии.

Подведем итоги. Логические методы – разнообразны и взаимосвязаны. В узком смысле они отождествляются с формами умозаключений, логическими операциями и процедурами. Эти методы способны выходить на уровень методологических подходов (стратегий). Стратегия – это не только следование законам, принципам, правилам логики, но и целесообразная последовательность ходов, допускающая вариативность. В науке используются как дефиниторные, так и стратегические правила.

Логическому анализу подвержено и открытие, и обоснование. Наличие последнего не есть гарантия истинности, даже при наличии ис-

тинных посылок демонстративного умозаключения, гарантирующего *формально* истинное следствие. Понятия «открытие» и «обоснование» фиксируют два взаимосвязанных процесса познания, каждый со своими доминирующими специфическими методами.

Выделяем три логические научные стратегии, взаимодействующие и дополняющие друг друга: абдуктивно-гипотетическая, индуктивная, гипотетико-дедуктивная. Они тесно связаны с такой формой научного познания, как гипотеза и видами умозаключений (абдукция, индукция, дедукция), но не тождественны им. Первая стратегия эффективна в контексте открытия, последняя – обоснования. Дедукция в большей степени насыщена дефиниторными правилами. Это не удивительно. Она работает только с той информацией, которая имеется в посылках, комбинирует ее. Индукция способна охватить оба контекста. Она, как и абдукция, достраивает имеющиеся знания предположениями. Эмпирическая природа индукции, взаимодействие с наблюдением и экспериментом обеспечивали ей ведущее положение в классической науке. Анализ, синтез, аналогия, классификации и другие логические методы решают *тактические* задачи, которые формулируются в рамках *стратегий*.

Не существуют идеальных логических стратегий и методов. Они лишь способствуют переходу от менее достоверного знания к знанию более достоверному. Как правило, научное знание в форме утверждений – это дедуктивное (логико-математическое) выражение чувственного опыта. На стадии открытия исследователь обращается к фактам, в т. ч. к результатам наблюдения и эксперимента, формулирует индуктивные обобщения. При этом эффективны интуиция, догадки, идеализации. На стадии же обоснования ученый поставлен в жесткие рамки логической последовательности; дедуктивный вывод должен быть самоочевидным, общезначимым. Но даже на этой стадии обнаруживаются пробелы, ошибки, противоречия, условия для опровержения и новые проблемы. И ученый движется дальше, ибо познание – процесс бесконечный. И, несомненно, логичный.

Список литературы

1. Рузавин Г. И. Методы научного исследования. М.: Мысль, 1975. 237 с.
2. Хинтиikka Я. Действительно ли логика – ключ ко всякому хорошему рассуждению? // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 105–125.
3. Столярова О. Е. История и философия науки versus STS // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 73–83.
4. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск: Социум, 2010. 655 с.
5. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: ИИЛ, 1959. С. 127–153.

6. Рамсей Ф. Философские работы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 115–149.

7. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 301–310.

8. Поппер К. Логика научного исследования. М.: АСТ: Астрель, 2010. 565 с.

9. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 638 с.

10. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. С. 37–241.

Волошин Владимир Викторович, д-р филос. наук, доц., v.v.don7ff@gmail.com, Украина, Донецк, Донецкий национальный университет

INDUCTION AS A COGNITIVE STRATEGY

V. V. Voloshin

Induction is interpreted within three coordinate systems – these are epistemological, logical and methodological ones. Explication of induction's content and functioning unfolds within the programs of comparative analysis which deals with 1) two cognitive contexts – discovering and substantiating, 2) the rules of cognitive activity formulated by Jaakko Hintikka, 3) types of inferential knowledge. The author corroborates the point that deduction, induction and abduction are indications of logic of science and may be identified as interactive cognitive strategies closely tied with a hypothesis. In a narrow sense they are treated as types of conclusions or logico-methodological procedures.

Key words: logic of science, cognitive strategy, deduction, induction, abduction.

Voloshin Vladimir Viktorovich, doctor of philosophical sciences, docent, v.v.don7ff@gmail.com, Ukraine, Donetsk, Donetsk National University.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ И КОГНИТИВНЫЙ СОЦИУМ

А.Л. Золкин

Актуальная проблема, решаемая в статье, связана с трансформацией результатов незавершенной либерально-глобалистской стратегии образования в цивилизационную стратегию, которая рассматривается как основная методология построения современного когнитивного социума России. Доказывается, что нерелексивные реформы содержат угрозу формирования гибридных культурных практик, хаотизирующих не только систему образования, но и социальное пространство в целом. Предлагаются потенциальные аттракторы цивилизационной модели образования, способной к повышению синергетических социокультурных эффектов, определяющих условия достижение конкурентных преимуществ российского общества.

Ключевые слова: образование, культура, синергия, социосистема, цивилизация, индивид, человеческий потенциал, личность.

Современное человечество переходит к новому состоянию социума, приближается к «цивилизационному повороту», за которым открывается перспектива преодоления либеральной глобализации и формирование многополярного мира. Социальные институты и культурные практики, среди которых и система образования, должны быть приведены в соответствие с проектируемым обществом. Кризис глобализации связан не только с постепенной утратой финансовой элитой своего доминирующего положения и закатом «Рах Америка», но и с эрозией идеи «конца истории» через универсализацию либерального понимания миропорядка и структурирования общества. Постепенно происходит оформление альтернативы – цивилизационного нарратива многополярного общества, который отрицает прежде проектируемые системные характеристики общества глобального.

Развитие общества все чаще демонстрирует нелинейный характер – это не смена стадий-ступеней, а борьба за выживание системных образований. Социальные проекты XX века ставили своей целью достижение социума как простой системы с унифицированным набором правил. Эта унификация рассматривалась как гарантия стабильности. Коммунисты стремились не допустить развитие рынка, «рождающего капитализм», либералы стремились минимизировать государство в пользу рынка. Сегодня становится очевидным, что проект общества как простой системы нереализуем, общество будет представлять собой сложную систему.

Собственно, общество и раньше было сложной системой, а проектируемая системная унификация породила ситуацию нерелексивной, скрытой эволюции через механизмы гибридизации существующего и про-

ектируемого. В биологии гибридизация рассматривается как процесс получения гибридов через объединения генетического материала разных клеток в одной клетке. Для первого поколения гибридов характерен гетерозис, повышающий их жизнеспособность, но в иных случаях гибриды могут быть стерильны.

Аналогично и для социальной реальности. Гибридизация достигается через объединение систем с разной логикой, оно есть состояние культурной суперпозиции, ситуации неопределенности, интерференции различных смыслообразующих структур, своего рода культурных грамматик. Дегибридизация культурных практик должна способствовать переходу к синергетической модели развития. Основная аналитическая задача видится в сепарировании смыслообразующих системных моделей образовательного процесса, имеющих признаки деструктивной интерференции. Основная синтетическая программа исследования – выявление аттракторов цивилизационной модели образования, способной к росту синергетических эффектов, определяющих достижение конкурентных преимуществ российского общества через капитализацию человеческого потенциала.

Для исследования подобных проблемных ситуаций представляется целесообразным трактовать образовательные системы как своего рода «формы жизни», следуя идеям «позднего» Людвиг Витгенштейна [1]. Ценность этого подхода видится в том, что разные формы жизни воплощают разные грамматики, механизмы смыслопорождения, который определяет повседневную лингвистическую практику, то есть в большей мере здравый смысл, а не «высшие ценности». Если их не различать и не сформулировать соответствующие правила, то возникает «путаница», чреватая социальным хаосом.

Одним из пионеров применения идей Витгенштейна именно в философии образования был И. Шеффлер [2]. Важный момент, который следует учитывать – момент релятивности основных понятий теории образования, их зависимость от системного контекста [3]. Этот момент проблематизации привычного стандарта словоупотребления сегодня становится актуальным не просто в силу течения времени, а в силу фундаментальных изменений – потрясений базовых культурных практик и мирового порядка. Проблемой становится не только философский вопрос о смысле образования, но и вопросы прикладного характера, например, что такое учебный план и имеет ли он право на существование? Что лежит в основе системы оценивания знаний: мотивация, бюрократия или даже насилие? И кому преподаватель ставит неудовлетворительную оценку: себе самому или все же ученику?

Подобные вопросы могут иметь разные ответы, но прежде, чем искать ответы, следует понять смысл вопросов, который относителен, зависит от концептуальной схемы, воплощенной в грамматике «формы жизни». В гибридных же системах ответы на подобные вопросы вдвойне отно-

сительны и имеют тенденцию к порождению ситуации когнитивной неопределенности.

Основной стимул реформирования – создание единого образовательного пространства по западным образцам для того, чтобы «войти в семью цивилизованных народов полноправным членом», – сегодня приобретает иронический смысл и теряет актуальность в силу наличия кризисных явлений, характерных для образования как такового, не только для постсоветского пространства, но и для Запада. Кризис образования приобретает фундаментальный и многомерный характер. Его нельзя свести к тому, что учителя плохо учат, а государство недостаточно финансирует. Это многомерный кризис в культурных основаниях образования, порожденный сменой либерального проекта на многополярный, кризисом системы «модерн – постмодерн – метамодерн», увеличением числа эволюционных изменений человечества как такового. Преодолеть этот кризис с помощью одного переименования советских образовательных практик на основе «болонской терминологии» не получится.

Пока же процесс реформирования породил гибрида двух альтернативных по своей внутренней интенциональности систем – советской социально-ориентированной модели образования и либерального образовательного натурализма, усиленного постлиберальным постмодернизмом.

В основу советской социальной стратегии образования был положен онтологический принцип общества, а его цель виделась в формировании особого типа личности, параметры которого определялись теоретическим проектом марксизма. Впрочем, данную модель не следует рассматривать как результат чистой идеологии. Основоположником стратегии можно считать Аристотеля, защищавшего принцип универсальности стадий развития человека, а значит, и унификации процессов обучения и воспитания.

Расцветом социальной стратегии стала советская система образования, которая характеризовалась единым содержанием обучения, организационным и методическим обеспечением учебной и воспитательной работы и даже введением единой формы одежды. Значительный, своего рода парадигматический, вклад в формирование этой системы внес А. С. Макаренко [4]. Он формулировал цель воспитания в виде определенной модели личности, исходя из потребностей того времени, и добиваясь того, чтобы в центре внимания находились качества, присущие гражданину социалистического общества. И эта проблема решалась вполне эффективно с помощью системы унифицированных параметров, алгоритмов, средств контроля, позволяющих определить соответствие конечного состояния формируемого субъекта задаваемой модели.

В таком виде система давала результат, формируя социальный консенсус относительно соотношения потребностей личности и государственного интереса на данный исторически-конкретный этап развития страны.

Возможно уже к 90-х гг. XX века этот консенсус уже не соответствовал положению личности в обществе и ее представлениям о самоутверждении. Начинается критика социальной модели, причем очень суровая. «Таким образом, чем более тоталитарным является государство, – пишет И. Г. Фомичева, – тем ближе системы его образования приближаются к социоцентрической модели» [5].

Однако, несмотря на резкую критику, грамматика этой системы, «формы жизни» до сих пор действует, фактически отождествляя школу с армией, что было вполне логичным в определенных конкретно-исторических условиях. Любое сообщение, которое попадает в эту систему, тут же интерпретируется в соответствии с правилами социоцентризма: «личный талант – это хорошо, потому что полезно обществу», «если школа воспитывает патриотизм, то каким образом выставлять соответствующие оценки?» и так далее.

Либеральные реформы в России добавили в повестку и соответствующее реформирование образования через замену одной системы другой. В новой системе, пришедший на смену социальной модели, за фасадом идеи «свободы личности» и «прав человека» скрывался селективный либеральный натурализм, согласно которому человек рождается с неизменным набором природных качеств. Образовательная деятельность обязана соответствовать индивидуальным особенностям учащихся, зависящих от природных данных. В XX в. эта стратегия достигла своего расцвета на основе евгеники и теории интеллекта, которые обосновали не только различие положения людей в обществе, но и различные сферы деятельности, к которым способны одни и не способны другие. Натурализм предполагает существование нескольких типов школ, зависящих от одаренности учащихся. Некоторые из них были тупиковыми, поскольку, закончив их, молодой человек был не в состоянии продолжать обучение дальше.

Евгенические идеи породили специфические сферы исследования – психометрию, связанную с проблемой коэффициента интеллекта, тестологию, теории интеллекта. Цель этих исследований – поддержание политической стабильности на основе тезиса о том, что человек, работающий на месте, соответствующем его умственным способностям, счастлив, трудится эффективнее и находится в согласии с социальным окружением. Селективный характер данной стратегии очевиден. Ее оптимизация осуществляется через дифференциацию или индивидуализацию обучения. Образование в натуралистической модели носит дифференцирующий характер, а в социальной – интегрирующий. Таким образом они воплощают разные «формы жизни», их грамматики – смыслообразующие факторы, включая не только организационные, но и экзистенциальные аспекты, диаметрально противоположны. Российские реформаторы попытались заменить одну систему на другую, как будто речь шла о смене ярлыков. Но в реальности альтернативные системы образовали гибрид, который находится в ситуа-

ции суперпозиции с деструктивной интерференцией в силу двойственности грамматик и смутности алгоритмов смыслопорождения.

Например, мы используем тесты, но для чего? Чтобы дифференцировать учащихся в соответствии с их природными способностями, как это и положено в натурализме? Обычно, нет. Скорее мы применяем тесты для того, чтобы решить задачи социальной модели – вывести учащихся на некий средний уровень, дать им одинаковые знания, или даже проверить преподавателя по поводу успешности его работы. Но в либеральной логике все это не имеет смысла – каждый сам за себя, а иное неэтично, поскольку разрушает конкуренцию между индивидами. И аналогично во многих иных аспектах.

На сегодняшний день и ригористический социоцентризм, и социал-дарвинистский либеральный натурализм подвергаются критике как инерционные системы образования. Им на смену прочат нового претендента – антропоцентризм, который имеет скорее реактивный характер по отношению к излишней жесткости и авторитаризму традиционной педагогики.

Антропоцентризм исходит из того, что фундаментальной реальностью образования является человек, а не природа или общество. Поскольку же единой общепризнанной антропологической теории сегодня нет, постольку разнородные антропоцентрические идеи объединяет принцип индивидуализации. Этот принцип хорошо демонстрирует релятивистский характер образовательных систем. Называется одинаково, но смысл – разный.

Социальная модель рассматривает его как способ доведения неуспевающих до усредненного стандарта знаний, «удовлетворяющий» государство. В натурализме принцип индивидуализации рассматривается как цель дифференциации, задаваемой внешним нормативным проектированием развития личности. Основным тезисом, на котором строится вся антропоцентрическая стратегия, является тезис об уникальности и талантливости каждого человека.

У антропоцентрической модели были замечательные защитники. Л.Н. Толстой не только в теории, но и на практике в своей школе в Ясной Поляне развивал и реализовывал эти идеи. Но были и авторитетные противники. В частности, Г.Ф.В. Гегель полагал, что своеобразию человека не следует придавать чрезмерно большого значения. Своеобразие детей терпимо в семейном кругу, но в школе оно должно подчиняться общему порядку и единым для всех правилам. Гегель рекомендует педагогам следить за тем, чтобы их воспитанники отвыкали от своей оригинальности, чтобы они исполняли установленные правила и усваивали результаты общего образования. Только такое направление человека к дисциплине составляет подлинное воспитание, делающее человека самостоятельным существом.

Есть и другие проблемы. Антропоцентризм приобретает доминирующее оформление в виде постмодернистской антипедагогики. В 1975

году в Германии была опубликована книга Е. Браунмюля «Антипедагогика. Очерки к упразднению образования». Сторонники антипедагогики отвергли необходимость воспитания и образования, поскольку они нацелены на деперсонализацию и понимаются как способы манипуляции, исходящие из того, что взрослый лучше знает, что нужно ребенку, что ему полезно [6, с. 319].

Доминирующий антропологический проект западного мира сегодня – это либерально-постмодернистский проект. На место принципа освобождения индивида от социальных ограничений традиционного общества, зачастую весьма существенных ограничений, например, от крепостной зависимости, от произвола монарха, от сословных ограничений, от самодурства властей, бедности и лишений пришла идея освобождения индивида от «тоталитаризма» вообще, под которым понимается уже не столько снятие реальных ограничений, сколько разрушение всех видов идентичности – семьи, нации, государства, религии.

Постмодернистский либерализм – это проект нового мира, где человек, освобожденный не только от прежних исторических оков, но и от любой идентичности, даже с самим собой, из индивида превращается в дива. Онтологическое измерение бытия человека трансформировалось в идею свободы, которая стала пониматься как право на саморазрушение в условиях скрытых форм детерминации. Если прежний либерализм противостоял истории и традиции, то постмодернистский либерализм противостоит уже принципам биологической эволюции, его индивидуализм противоречит принципам системной природы жизни как таковой [7].

Фактически, мы имеем дело с доктриной «репрессивного антропоцентризма», которая, прикрываясь древним лозунгом софистов «человек есть мера всех вещей», уничтожает саму перспективу личностного существования. Особенно активно репрессивный антропоцентризм проникает в систему образования, превращая современную модель социализации в стратегию радикальной индивидуализации, отсекающую индивида от культурной традиции, семьи, государства, социальной ответственности и половой определенности. Но если все эти идентичности будут разрушены, то откуда возьмется энергия и мотивация для развития цивилизации? Образование должно перенастраиваться в соответствии с проектом формирования когнитивного социума, при условии того, что этот социум представляет собой не абстрактное «общество будущего», а воплощенную в конкретной цивилизации социосистему с соответствующей конкретизацией когнитивной стратегии, идеи личности, идеи социальной ответственности.

Цивилизационная конкретизация стратегии предполагает учет множества факторов, зависящих от нелинейного характера развития. В частности, российская цивилизация имеет полиморфный характер в отличие от рационализированной цивилизации Запада. Это – ее особенность, которая существенно влияет на образовательную систему [8].

Рациональный индивид – доминирующий на Западе в силу особенностей искусственного отбора, Россия же в силу иных особенностей развития, малочисленности населения сохранила большее количество людей с более архаичной организацией, для которых более актуальна не рациональная, а ценностная организация жизни. Вместе с тем антропологический полиморфизм допускает появление множества людей с высокими творческими возможностями, что также должно учитываться образовательной системой.

В результате образование должно стать культурной практикой, воплощающую не столько условия доминирования привилегированного субъекта (общества-партии; либерального индивида или постмодернистского индивида-дивида), но исторически развивающуюся нелинейную сложную систему, стремящуюся к максимизации синергетических эффектов в пространстве вербализации интересов, взаимодействия, коммуницирования и общественного договора множества субъектов, включая субъекты куматоидного типа: индивида, общества (как в аспектах гражданского общества, так и этнического, суперэтнического и т. д.), семьи, государства, рынка.

Но есть еще одна сторона этого многоаспектного диалога – это истина. Даже если представлять образование в форме услуги, то какова ее природа? Услуга как развлечение недорослей? Может быть, услуга по трансформации молодых людей в чиновников и менеджеров? Или услуга в смысле хайдеггеровской интерпретации пайдейи: «Пайдейя означает обращение всего человека в смысле приучающего перенесения его из круга ближайших вещей, с которыми он сталкивается, в другую область, где сущее является само по себе» [9, с. 351].

Цивилизационная идея должна стать главным аттрактором смыслопорождения в образовательной системе, создавая тем самым культурное пространство развития российского общества. Интегрироваться в западный культурный проект мы уже не сможем не только потому, что нас там не ждут, но в силу глубокого ценностного некроза этого проекта, его культурной архаичности и бессмысленности.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
2. Scheffler I. The Language of Education. Springfield, Illinois, 1960. 113 pp.
3. Scheffler I. Of Human Potential. An Essay in the Philosophy of Education. Boston; London, 1985. 141 Pp.
4. Боуэн Д. История западного образования. Западная Европа эпохи модерна и Новый свет. М.: ВНИИгеосистем, 2013. 370 с.

5. Фомичева И.Г. Философия образования: некоторые подходы к проблеме. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 242 с.
6. Огурцов А.П. Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб: ИНФРА-М, 2022. 520 с.
7. Человек: индивид, индивидуальность, личность: монография // под ред. И.И. Кального. М.: РХГИ, 2004. 351 с.
8. Золкин А.Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. Москва-Ижевск: Шелест, 2021. 308 с.
9. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. С. 345-361.

Золкин Андрей Львович, д-р филос. наук, доц., az20042004@mail.ru, Россия, Москва, Московский Университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя

*THE CIVILIZATIONAL TURN IN THE PHILOSOPHY OF EDUCATION AND
COGNITIVE SOCIETY*

A.L. Zolkin

The actual problem solved in the article relates to the transformation of the results of the incomplete liberal-globalist strategy of education into a civilizational strategy, which is considered as the main methodology for building a modern cognitive society in Russia. It is proved that non-reflexive reforms contain the threat of the formation of hybrid cultural practices, chaotic not only the education system, but also the social space. Potential attractors of a civilizational model of education capable of increasing synergetic socio-cultural effects that determine the conditions for achieving competitive advantages of Russian society are proposed.

Keywords: education, culture, synergy, sociosystem, civilization, individual, human potential, personality.

Zolkin Andrey Lvovich, doctor of philosophical sciences, associate professor, az20042004@mail.ru, Russia, Moscow, University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Андрианов В.В.

Вызовы климатической повестки для внешней
и внутренней политики Российской Федерации 3

Майорова М.А., Лебедева Е.И.

Личностный и страновой факторы лидерства
в международных отношениях: теоретические подходы.....22

Алексеев Д.В., Копылова П.С., Помигуев И.А.

Карьерные траектории vs карьерные ожидания
молодых политологов: проблема соответствия.....35

Митрахович С.П., Петросянц Д.В., Антошкин Р.В.

Развитие политического запроса
на трансформацию капитализма.....46

Шановалов В. Л., Никулин Е. Р., Хардикова А. С.

Трансформация и возрастная дифференциация
ценностно-идеологической ориентации
и поведенческих сценариев российской молодежи.....58

Боганова А.В.

Популизм:
от дихотомического к градуированному осмыслению.....73

Беклямишев В.О.

Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии
и Франции о Пятидневной войне в августе 2008 года 77

Адван Ф.Х.

Международные организации,
поддерживающие палестинский народ.....93

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Расторгуев С.В.

Эволюционные игры
как модели региональных политических процессов.....99

Печенкин Н.М.

Факторы протестных общественно-политических настроений
и логика протестной активности граждан
Республики Беларусь в 2020 г. 109

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Бродовская Е.В., Синяков А.В., Давыдова М.А.

Цифровые компетенции разных поколений:
результаты социологического исследования
в Ставропольском крае.....120

Рогачев С.В., Ильичева М.В., Иванов А.В.

Социальное доверие и процесс консолидации общества:
новые возможности и риски 129

Храмов Е.А.

Трансформация протестной активности молодежи
в условиях цифровизации.....141

Шиняева О.В., Емелин Д.В.

Групповая солидарность студентов вузов:
основные критерии и типы.....147

Оухейш Т. Х. М.

Теоретические и методологические основания
изучения проблемы адаптации иностранных студентов.....161

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Самсонова Т.Н.

Диалектика сознательного и бессознательного
в социально-политической деятельности:
перспективы исследования 169

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Волошин В. В.

Индукция как познавательная стратегия.....178

Золкин А.Л.

Цивилизационный поворот
в философии образования и когнитивный социум.....189

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 1

Редактор С. В. Кочкина

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд.лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97.
Подписано в печать 24.03.22. Дата выхода в свет 31.03.22.
Формат бумаги 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 32,5.
Тираж 500 экз. Заказ 035.
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ.
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95